

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит два раза в год
2011, № 2 (3)

Учредитель

**Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН**

Редколлегия:

Алексеев А.Н. (гл. редактор), *Андреева Т.Е.*, *Антонов Е.П.*,
Боякова С.И. (зам. гл. редактора), *Бурцева Ж.В.*, *Варламов А.Н.*,
Винокурова Д.М., *Данилова Н.И.*, *Ефремов Н.Н.* (отв. секретарь), *Жукова Л.Н.*,
Игнатьева В.Б., *Ларионова А.С.*, *Попова Н.И.* (зам. гл. редактора),
Романова Е.Н., *Романова Л.Н.*, *Слепцов П.А.*

Редактор *Е.Ф. Молотков*
Английский текст *Н.И. Винокурова*
Верстка *О.Д. Галушкина*
Обложка *А.И. Харитонов*

СОДЕРЖАНИЕ

Общественные науки

<i>Ушницкий В.В.</i> Племена Баргуджин-Тукума XIII в. и проблема этногенеза народа саха	5
<i>Никитина С.Е.</i> Переводческая деятельность православных миссионеров в Якутской области	11
<i>Ширина Д.А.</i> Деятельность геоморфологического отряда Якутской академической комплексной экспедиции в контексте истории Колымского края. 1929 – 1930 гг.	18
<i>Антонов Е.П.</i> Роль С.З. Борисова в подготовке специалистов для республики	26
<i>Сулейманов А.А.</i> Проблема изменения климата Земли и международное научное сотрудничество в арктических районах Якутии в конце XX века	30
<i>Боякова С.И., Винокурова Л.И., Игнатьева В.Б., Филиппова В.В.</i> Социальные последствия и адаптация населения РС (Я) к чрезвычайным ситуациям природного характера (по материалам социологических исследований 2009–2010 гг.)	37
<i>Прокопьева П.Е., Шадрин В.И., Прокопьева А.Е.</i> Коркодонские юагиры в начале XXI века	41
<i>Ермолаев Т.С.</i> Молодое поколение Южной Якутии: практика политической адаптации	50
<i>Жегусов Ю.И.</i> Народный эпос олонхо во мнениях и оценках жителей Хангаласского улуса	58

Филологические науки

<i>Иванов С.А.</i> К вопросу о влиянии эвенкийского языка на якутский	66
<i>Новгородов И.Н.</i> Основные вопросы сравнительного изучения якутского языка (к междисциплинарному исследованию)	71
<i>Бурыкин А.А.</i> Тенькинский диалект эвенского языка	81
<i>Ефремов Н.Н.</i> Грамматические и функционально-семантические категории в якутском языке	90
<i>Егинова С.Д.</i> Прилагательные бардам `дерзкий`, хадьар `грубый` в современном якутском языке: этимология и семантика	94
<i>Иванова И.Б.</i> Словообразование в якутском языке: история изучения	99
<i>Курилов Г.Н.</i> О статусе <i>лангудэн</i> и <i>дитэ</i> в юагирском языке	103
<i>Жукова Л.Н.</i> О некоторых женских персонажах одульского фольклора	106
<i>Мухомлева С.Д.</i> Типы самозаписей олонхо советского периода (1939–1946 годы)	112
<i>Васильева Д.Е.</i> О творчестве народных писателей Якутии – братьев Семена и Софрона Даниловых (к 95-летию Семена Данилова и 90-летию Софрона Данилова)	119

Путевые заметки исследователя

<i>Васильев В.Е.</i> Этнографические этюды Верхоянья	125
--	-----

Наши юбиляры

<i>Ефремов Н.Н.</i> Надежда Ивановна Данилова (к 60-летию со дня рождения)	131
<i>Данилова Н.К.</i> Екатерина Назаровна Романова (к 50-летию со дня рождения)	133

Научная жизнь

<i>Готовцева Л.М., Винокурова Н.И.</i> X Сеульская Международная конференция «Пересмотр объектов и методов исследования алтайских языков и культур»	136
<i>Данилова Н.И.</i> Всероссийская научная конференция «О.Н.Бётлингк и тюркское языкознание»	138
<i>Романова Е.Н.</i> Всероссийская научная конференция «Феномен пограничья в межкультурном диалоге» (с международным участием). 17–19 октября 2011 г., г. Якутск	139
<i>Винокурова Л.Е.</i> Круглый стол «Роль Аммосова в развитии культуры, образования и духовности народов Якутии, Казахстана, Кыргызстана»	141
<i>Шелехова Р.В.</i> Обзор личного фонда Г.П.Башарина в музее истории академической науки Якутии им. Г.П.Башарина ИГИИПМНС СО РАН	145
Сведения об авторах	154

CONTENTS

Social sciences

<i>Ushnitsky V.V.</i> The tribes of Bargudzhin-Tukuma of the 13 th century and the problem of the ethnogenesis of the Sakha people	5
<i>Nikitina S.E.</i> Translation work of Orthodox missionaries in the Yakut region in the 19 th century	11
<i>Shirina D.A.</i> The activities of the geomorphic unit of the Yakut academic complex expedition within the context of the history of the Kolyma region in 1929–1930	18
<i>Antonov E.P.</i> The role of S.Z. Borisov in the training of specialists for the republic	26
<i>Sulejmanov A.A.</i> The problem of climate change and international scientific cooperation in the Arctic regions of Yakutia in the late XX century	30
<i>Boyakova S.I., Vinokurova L.I., Ignatjeva V.B., Filippova V.V.</i> Social consequences and adaptation of the population of the Sakha Republic (Yakutia) to the extreme situations of natural character (based on materials of sociological investigation in 2009–2010)	37
<i>Prokopieva P.E., Shadrin V.I., Prokopieva A.E.</i> Korkodon Yukaghirs in the beginning of the 21 st century	41
<i>Ermolaev T.S.</i> The young generation of South Yakutia: a practice of political adaptation	50
<i>Zhegusov Yu.I.</i> Folk epos «Olonkho» in opinions and evaluations of the population of the Khangalas ulus	58

Philological sciences

<i>Ivanov S.A.</i> On the question of the influence of the Evenki language on the Yakut language	66
<i>Novgorodov I.N.</i> Main issues of the comparative study of the Yakut language (with reference to interdisciplinary investigation)	71
<i>Burykin A.A.</i> Tenka dialect of the Even language	81
<i>Efremov N.N.</i> Grammatical and functional semantic categories in Sakha	90
<i>Eginova S.D.</i> Adjectives bardam 'cheeky, impertinent', xadjar 'rough, coarse' in modern Yakut language: etymology and semantics	94
<i>Ivanova I.B.</i> Derivation in Yakut language: history of study	99
<i>Kurilov G.N.</i> On the status of <i>langudeng</i> and <i>dite</i> in Yukaghir	103
<i>Zhukova L.N.</i> On some female characters of the Odul folklore	106
<i>Mukhopleva S.D.</i> The types of self recordings of olonkho in the Soviet period (1939–1946)	112
<i>Vassilieva D.E.</i> On the works of people's writers of Yakutia – brothers Semen and Sofron Danilov (to the 95 th anniversary of Semen Danilov and the 90 th anniversary of Sofron Danilov)	119

Research itineraries

<i>Vasiliev V.E.</i> The ethnographic studies on Verkhoyanie	125
--	-----

Our jubilee celebrators

<i>Efremov N.N.</i> Nadezhda Ivanovna Danilova (to the 60 th anniversary)	131
<i>Danilova N.K.</i> Ekaterina Nazarovna Romanova (to the 50 th anniversary)	133

Scientific life

<i>Gotovtseva L.M., Vinokurova N.I.</i> The 10 th Seoul International Altaistic conference «Reexaminations of objects and methods of research into Altaic languages and cultures»	137
<i>Danilova N.I.</i> The all-Russian scientific conference “O.N. Boehtlingk and Turkic linguistics”	139
<i>Romanova E.N.</i> The all-Russian scientific conference “The phenomenon of borderlands in a dialogue between civilizations” (with international participation). 17–19 October 2011, Yakutsk	140
<i>Vinokurova L.E.</i> The roundtable “Ammosov's role in the development of culture, education and spirituality of the peoples of Yakutia, Kazakhstan, Kyrgyzstan”	142
<i>Shelekhova R.V.</i> A review of G.P. Basharin's private fund in the Museum of the history of academic science in Yakutia after G.P. Basharin	147
Information about the authors	156

В.В. Ушницкий

Племена Баргуджин-Тукума XIII в. и проблема этногенеза народа саха

Рассмотрена этническая ситуация Предбайкалья в период Монгольской империи. Доказывается возможность участия «лесных народов» Предбайкалья XIII в. в этногенезе якутского народа через генеалогию бурят и саха. Названия якутских родов Борогон, Мэнэ, Ханалас, Баягантай сопоставляются с названиями племен, обитавших в Байкальском регионе в XIII в.

Ключевые слова: этногенез, монгольские племена, лесные народы, Баргуджин-Тукум, историография, Рашид-ад-дин, эпоха Чингисхана, археологическая культура

Обширный регион таежной зоны Восточной и Южной Сибири, ограниченный в основном рамками Предбайкалья, получил в источниках XIII в. обозначение Баргуджин-Тукума¹. Это место знаменито тем, что род прародительницы монголов Алан-гоа вышел из данной местности. Отец его Хорилартай мэргэн выделялся своим родом хорилар из состава хоритуматского племени («Сокровенное сказание монголов»), которые считаются монголоязычными предками бурят². Основными источниками по «лесным народам» Баргуджин-Тукума являются «Сборник летописей» Рашид-ад-дина и «Сокровенное сказание монголов»³. Проблема этнической принадлежности «лесных народов» Баргуджин-Тукума насчитывает большую историографию, она подробно рассматривалась бурятскими учеными и монголоведами⁴. Бурятская и якутская генеалогия и фольклорные источники могли бы дать дополнительные сведения об этнической принадлежности «лесных народов».

В историографии изучения этногенеза саха возобладало мнение о вытеснении тюркоязычных предков саха «лесными монголами» до XIII в.⁵ Сложилось и другое мнение — об обитании предков саха на западных территориях и роли Предбайкалья как промежуточной области при их продвижении⁶. В сведениях из фольклорных источников, отраженных в записках путешественников и ученых XVIII—

XIX вв., регион Байкала выступает в качестве южной прародины, откуда спустился вниз по Лене сложившийся уже там народ «ураанхай саха»⁷.

Исторические этнонимы якутского народа сопоставимы с названиями племен, обитавших в степях Байкала. Вплоть до XVIII в. якутский фольклор сохранял сведения о проживании предков саха в Байкальском регионе. По данным И. Линденау, предки саха, кочевавшие в степях вокруг Байкала, делились на восемь родов, наименования которых совпадали с названиями центральных якутских улусов в XVIII в.⁸

Переводы китайских и арабо-персидских письменных источников дают сведения о тюркомонгольских племенах, населявших регион Байкала в средние века. В результате интерпретации этих данных в советский период сформировалась курыканская теория происхождения саха, научно обоснованная Б.Э. Петри, Г.В. Ксенофоновым и А.П. Окладниковым⁹. Курыканам приписывается курумчинская археологическая культура VI—X вв.¹⁰

В раннемонгольский период в Южном Приангарье складывается усть-талькинская археологическая культура (XII в.), продолжавшая бытовать и в период существования Монгольской империи (XIV в.)¹¹. В качестве носителя этой культуры выдвигается племя усуту-мангун¹². По другому мнению, племя усуту-мангун могло обитать в Северном Приангарье¹³.

Имя племени усуту-мангун этимологизируется как «речные драконы», их Ю.А.Зуев отождествляет с племенем аджилар (от авестийского *azi* — змей) в составе кимеков¹⁴. А.В.Харинский отождествляет племя усуту-мангун с именем одной из четырех областей «пеголошадников» — Мангу¹⁵. В интерпретации Ю.А. Зуева название области Мангу превращается в мюнгю — обозначение «серебра» в тюркских языках. Это название уже близко к имени крупнейшего якутского улуса Мэнэ, название которого воспроизводится от близкого слова мэнэ — вечный. В труде Рашид-ад-дина об области Ангары, где проживали усуту-мангуны, говорится: «Повсюду там серебро»¹⁶.

Сведения о стране «пеголошадников» на Ангаре, где она «течет в одну область, по соседству с которой находится море»¹⁷, появляются в связи с бегством туда остатков племени татар. Этот эпизод исследователи даже связывали с Ледовитым океаном. Хотя более предпочтительным является вывод о том, что это море — Байкал¹⁸. Близкие аналогии письменному известию находим в якутском фольклоре. В нем имеется рассказ о бегстве предков саха из племени «татаар» по верховьям рек после поражения в войне против монголов¹⁹.

В составе саха выделяется род хангалас, который можно назвать крупным племенем. Их принято сопоставлять с племенем канглы в составе тюркских народов. С хангаласцами связывают проникновение кыпчакских элементов в этнокультуру саха. Проблема усугубляется тем, что племена и роды под названием канглы (или с основой канг) имеются у всех современных тюркских народов. Ю.С. Зуев заявляет о связи с этнонимом канглы-кангюй названия города Канкати, упоминаемого Рашид-ад-дином в стране «пеголошадников». По его гипотезе, тележные канги имелись в составе лыжных тюрков, делившихся на три племена: дубо (тува), милите (меркит) и хэйчэжцы (канглы)²⁰.

А.В. Харинский племя байырку располагает в долине Онона, откуда они в 60-х гг. VII в. под натиском имперских войск династии Тан пересекли Яблоновый хребет и появились в долине Селенги²¹. Описание страны байырку, по которой протекает р. Кангань и где расцветает мох, предполагает местожительство данного племени от Амура до северо-западного Забайкалья. Сюда, видимо, входила Баргузинская долина, которая, как известно, входит в зону распространения курумчинской культуры

(VI—X вв.). В источниках также имеется указание на существование у байегу (байырку) только коневодства. По китайскому источнику «Тун дэнь», в жизни байегу хлебопашество играло не второстепенную, а ведущую роль²².

Хозяйственные занятия байегусцев согласуются с земледельческим характером курумчинской культуры: «В их землях растут обильные травы, все люди живут богато... Все люди надевают лыжи и по льду преследуют оленей. Занимаются хлебопашеством и охотой. В стране много хороших лошадей, производится железо. Обычай сходны с обычаями теле, язык немного отличается»²³.

В тюркских языках слово «байырку» означает «могучий, богатый». В монгольском языке, «могучий, богатый» передается словом «баргу». Поэтому «байырку» считаются предками монгольского племени баргутов. Считается, что баргуты и соседние племена образовали владение Баргуджин-Тукум. По Рашид-ад-дину, племена хори-тумат, баргу, байаут назывались баргутами, так как жили по ту сторону Селенги²⁴.

По Я.И.Линденау, Борогонский улус происходит от сына Элэя, по имени Боркутай²⁵. Если убрать окончание — тай, служащее для образования имени и учесть, что в монгольских языках «о» заменяется на «а», то получится баргу — баргут. То, что борогонцы были потомками именно баргутов, доказывает наличие в Усть-Алданском улусе, т.е. в бывшем Борогонском, топонимов Баргыдай, Баргы. Надо подчеркнуть, что данные топонимы встречаются и на Яне, в наследии Мёгюрюён Мегино-Кангаласского улуса и на Татте, т.е. в тех местах, где проживали или куда доходили хоро²⁶.

В хоринских легендах отцом родоначальника бурят Бурядая и хори Хоридоя является Барга-Батор. По бурятским преданиям, предком бурят является Барга-Батор. Для сравнения: в некоторых генеалогических легендах саха сыном Элэя считается Барга-Баатыр²⁷.

Согласно одному бурятскому преданию, от сына Хун-тайчжи-хана Барга-Батора произошли якуты, от Шоно-Батора — корейцы, булагаты — от Сэрэн-галдана, хори — от Хоредой убгуна²⁸. По сведениям бурятского фольклора, Баргу-Батор направился вместе с сыном Хоридой-Мерген вниз по Лене, на территорию будущей Якутии, сам он вернулся обратно в Иркутскую губернию. Оставшийся там его сын Хоридой женился на «дочери неба», имел только одну собаку и занимался охотой²⁹.

Обычно утверждается, что байырку и гулиганы были тюркоязычными племенами, переход их на монгольский язык происходил после X в., после того, как переселяющиеся из Маньчжурии монголоязычные племена заняли господствующее положение в Центральной Азии³⁰. Подобный взгляд исходит из постулата о тюркоязычии теле и монголоязычии племен шивей. Происхождение тюркских и монгольских племен и языков настолько тесно связано, что могло быть результатом их долгого соседства и взаимной ассимиляции и взаимодействия.

Среди баргузинских эвенков были распространены предания о могущественном народе — баргутах, обитавших на Баргузине. Эвенки баргутов называли корчунами, приписывая им курумчинские древности³¹. Следует указать, что в XVII в. хоринцев иногда называли баргутами. В хрониках баргузинских бурятов «баргуты-хорчины» — это хоринцы³².

Есть также мнение И.Г.Георги, что «древние баргуты, которым предание приписывает следы древнего земледелия, находимые на Баргузине, его притоках и к северу от них до Верхней Ангары, были с даурами, вероятно, одним и тем же народом»³³. Г.Н.Румянцев считал, что дауры — это удалившиеся от страха перед русскими хорчины или баргуты³⁴.

Вероятно, слово *баргут* стало синонимичным словам с таким же корнем в монгольских языках со значениями «богатый, могучий» или «примитивный, дикий» в результате долгого соседства периферийных групп тюрков и монголов в смежных районах Забайкалья. Слово «барги-баргу» в эвенкийском языке имеет значение «противоположный», однокоренное слово баргиган — «заречный житель». Например, на левом берегу Енисея в XVII в. отмечалось проживание эвенкийского рода варгаган, или варагон. Подчеркивается тот факт, что баргуты жили по другую сторону Селенги. Этнотопоним «борогон» в якутском языке также сначала мог иметь географическое значение и употребляться в отношении «заречных жителей», т.е. жителей противоположной стороны Лены.

Этноним баргу и баргут широко встречается в тюркской среде. У кочевых узбеков было племя баргут, среди киргизов имеется большое племя баргу. Отметим наличие этнонима борку (баргу) в «Дешт-и-кыпчаке» XIII–XIV вв., среди ногайцев есть борган-кыпчаки. От этих борганов или «брагуйцев» XIV в. происходят тюркоязычные народы Северного Кавказа: ка-

рачаевцы, балкарцы и кумыки. В «Сокровенном сказании монголов» баргуты называются бархунами, что более близко в окающем варианте к имени борогон³⁵.

По преданиям саха, позднее поколение Омогоя получило название «Баарагай Байагантай» («Огромный Байагантай»). Первоначальной формой «байагантай» является слово «баайага». Прародителями Байагантайского улуса считаются Кёрдэй и Кёгёнюк. Согласно Я.И.Линдену, они являются потомками Элэя, но в других преданиях этот улус происходит от сына Омогоя Аан-Тайбыыр³⁶. Имя предка байагантайцев Кордой или Хордой принято связывать с именем предка хоринских бурят Хоредой-мэргэном. Вероятно, байагантайцы раньше также были ветвью хоро.

Фольклорист А.А. Саввин часто употребляемое в олонхо слово «саха байааттар» или «саха байаан» сравнивал с названием туркменского племени баят³⁷. Название бай встречается и среди самодийцев. В XVII в. существовали тунгусские роды баяки и баягиры. Основой этнонимов баягир, байагантай, байегу и байаут является слово «баайага». Таким образом, можно констатировать этническую преемственность байагантайцев от байегу (байырку) тюркского времени. Близкими родственниками байагантайцев считались игидэйцы и оймьяконцы, помогавшие им в стычках против других якутских родов. Байагантайцы в якутском фольклоре выступают в качестве первых насельников будущей территории Борогонского и Батурусского улусов, т.е. Амгино-Алданского района, где расположены основные памятники кулун-атахской археологической культуры (XIV–XV вв.). Далекie районы Оймьякон и Томпо также осваивали выходцы из Байагантайского улуса.

По фольклорным данным, народ саха имел трех различных легендарных прародителей: Элэя, Омогоя и Улуу-Хоро³⁸. Авторами XVIII–XIX вв., хорошо знакомыми с племенным названием забайкальских бурятов и фольклорной версией о байкальском происхождении якутов, был построен этногенетический мост между хори-бурятами и родами хоро в составе саха³⁹. Так, в материалах участников экспедиции И.И. Биллинга появляются сведения о присоединении бурят-хоринцев к племени Омогоя, под которыми принято понимать батулинцев⁴⁰. Из данного текста выходит, что хоринцы — это иноплеменники, позже присоединившиеся к саха. Проживая среди саха, хоринцы долгое

время сохраняли свой язык⁴¹. Поэтому зададимся вопросом, действительно ли вхождение хоринцев в состав саха могло происходить еще на территории Забайкалья?

Переселяющийся Улуу Хоро дал имя рекам Алдан, Амга, Татта. Остановился в Борогонском улусе, на озере Мюрю⁴². Хоролоры, возглавляемые Улуу-Хоро и Тыгыном, прибыли с юга и пригнали с собой много коров и лошадей. Разбогатеv, они стали расширять свои владения силой. Согласно фольклору, помимо упомянутых рек, прародителем Улуу Хоро впервые были даны названия еще рекам Вилюй и Яна⁴³.

На Среднеленской равнине, в долине Туймаада (от имени тумат), также раньше проживали хоро. Примечательно, что по письменным документам в XVII в., хоролоры занимали места по Амге, Татте и Алдану⁴⁴. В тех местах встречаются наиболее древние памятники кулун-атахской скотоводческой культуры.

У Рашид-ад-дина племя кори упоминается отдельно от туматов. Рашид-ад-дин указывает, что в древности туматы проживали в верховьях Енисея, в начале XIII в. принадлежавших ойратам⁴⁵. Согласно Г.В. Ксенофонтову, сказания вилюйчан о столкновении их предков с иноплеменным народом тумат относятся к прибайкальскому периоду истории якутов⁴⁶. Упоминание единого племени хори-туматов встречается только в «Сокровенном сказании монголов» и «Алтан тобчи»⁴⁷.

В Центральной Якутии находили старинные погребения и поселения, связываемые с загадочным народом хоро⁴⁸. Одежда хоролоров, найденная Е. Стреловым, не походит на древнюю одежду якутов и не имеет ничего общего с одеждой монгольских народов; по своему покрою близко напоминает одежду эвенков⁴⁹. Данное исследование в корне отвергает непосредственное отождествление хоролоров с хоринцами, вышедшими из Забайкалья в начале XVII в.

Хоринские роды в составе бурятов считаются потомками средневековых хори-туматов. Воинственные туматы также считаются средневековым населением Тувы, там имеется местность под названием Тумат-тайга. По фольклорным источникам, богатое и многочисленное племя туматов обитало в Минусинской котловине⁵⁰. Этноним Тумат стал именем божества в алтайской мифологии. На десятом слое неба проживает один из персонажей шаманского пантеона телеутов — Адам т'ери ак-Тумат⁵¹.

Согласно фольклорным источникам, туматов из долины Туймаады изгнал прародитель саха Омогой Баай, победив их в войне. Особое воинственное племя тумат в результате проигрыша было вынуждено перекочевать на север и в сторону Вилюя, где и осело. В составе северных районов были рода с названием тумат, они считались потомками туматов⁵². Судя по наличию этих преданий, до прихода саха туматы могли проживать на территории средней Лены и только потом сосредоточиться на нижнем и среднем Вилюе. Имя туматов запечатлено в названии долины Туймаады.

По архивным данным, в XVII в. имя туматов применялось к группе «пеших» якутов среднего Вилюя⁵³. В начале XVII в. русские землепроходцы встретились на Вилюе с родами «пеших» якутов, существовавших только за счет охоты и рыболовства⁵⁴.

Имеются данные, говорящие в пользу присутствия туматов на средней Лене. Так, род Тумэты входил в состав Мегинского улуса. В документах XVII в. среди подгородных «саха» представлена Чумецкая волость. По мнению Б.О. Долгих, реальное название этой волости — Туматская⁵⁵. Более того, в Центральной Якутии туматы обычно объединялись с хоро. Так, в Хатасском наслеге были люди туматского рода в количестве 230 душ, пришедшие со стороны Вилюя и объединившиеся с хоринцами⁵⁶.

Отсюда допускается, что туматы ранее могли обитать и на средней Лене. На основании вышеприведенных данных можно говорить об участии туматов в этногенезе саха. Таким образом, в составе саха не только на Вилюе и на севере, но и на средней Лене обнаруживается наличие туматского субстрата. Предания об аборигенных родах хара-сагылов, возможно, также связаны с туматами. По известным якутским легендам, туматы — жестокое канибальское племя с татуированными лицами, обитавшее в стороне Вилюя. Как и фольклорные материалы, архивные данные позволяют говорить о том, что туматы являются одним из предков вилюйских саха.

В историографии есть гипотеза, что имя тумат могло означать понятия тайга и «чернолесье» — «горы», покрытые лесом. Исходя из этого, название «тыва кижки» возводится к обозначению горного человека; как и якутское тыа кихитэ⁵⁷. Именно туматам, в согласии с источниками, проживавшим между кыргызами и баргутами, могла принадлежать усть-талкинская культура Южного Приангарья

XII–XIV вв. Поскольку материалы погребений с лошадьми говорят о кыпчакском влиянии, то допускается, что туматы мигрировали в конце XI в. в Прибайкалье с предгорий Саяно-Алтая. Вытеснение части туматов в долину среднего течения Лены связано с проникновением булагатов с юга в начале XV в.⁵⁸. Рашид-ад-дин, говоря о расселении ойратов на верхнем Енисее, намекает на вытеснение с этих мест туматов в Баргуджин-Тукум⁵⁹. Предположительно эти события происходили в XII в. В то же время обращалось внимание на отсутствие погребальных обрядов с остовом коня на территории Тувы, откуда могли переселиться туматы⁶⁰.

Поэтому можно подумать, что именно туматы являются одним из южных компонентов саха. Однако версия фольклорных источников о вытеснении легендарных туматов со средней Лены, потом со среднего Вилюя предками саха и однозначное отношение к туматам как к враждебному племени показывает сложность этногенетических процессов. Следует допустить, что среди туматского племени, как позднее и среди тувинцев, существовало деление на группы охотников и рыболовов — потомков аборигенного населения и группу скотоводов-коневодов тюркского происхождения.

При обсуждении байкальской прародины саха возникает проблема прибытия на среднюю Лену или уже сформировавшегося в регионе Байкала (гипотезы И. Линденау, А.П. Окладникова и И.В. Константинова) народа, или же отдельных племен, участвовавших в этногенезе саха на территории Центральной Якутии (Н.В. Остолопов, Г.В. Ксенофонтов, А.И. Гоголев). Из изложенного выше видно, что нет никаких данных об обитании вокруг Байкала народа «саха» с сформировавшимся самосознанием этнического и территориального единства. В то же время довольно наглядно обнаруживаются субстратные этнолокальные группы якутских улусов (племен). Их часть традиционно связывают с периферийными группами монголов (борогонцы, баайага, хоро, тумат), других можно сопоставить с пограничными группами тюрков (кангаласцы, мегинцы).

ЛИТЕРАТУРА

¹ Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. — Улан-Удэ, 1962.

² Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. — Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1972.; Румянцев Г.Н. Указ. соч.

³ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — Т. I, кн. 1–2. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

⁴ Румянцев Г.Н. Указ. соч.; Нанзатов Б.З. К этногенезу бурят по материалам этнонимии // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. — Вып. 2. — Иркутск, 2003. — С. 30.; Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. — Новосибирск: Наука, 1988.; *Его же*. Монгольские народы: этническая история и современные этнокультурные процессы. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007.

⁵ Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. — Т. I. Кн. I. — Якутск, 1992 (1937); Окладников А.П. История Якутской АССР. — Т. I. Якутия до присоединения к русскому государству. — М.; Л., 1955.

⁶ Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Усть-Талькинская культура. — Владивосток–Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004.

⁷ Ксенофонтов Г.В. Указ. соч.; Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). — Магадан, 1983.

⁸ Там же.

⁹ Ксенофонтов Г.В. Указ. соч.; Окладников А.П. Указ. соч.; Петри Б.Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье (К вопросу о доисторическом прошлом якутов) // Известия народного образования в Чите. — 1923. — № 1. — С. 1–39. (Чита).

¹⁰ Дашибалов Б.Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам. Очерки. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. — 124 с. Окладников А.П. Указ. соч.

¹¹ Николаев В.С. Указ. соч. — С. 152–154.

¹² Харинский А.В., Снопков С.В. Тункинская долина в монгольское время: некоторые аспекты в этнокультурных взаимодействиях // Социогенез в Северной Азии. Сборник статей. Ч. 1. — Иркутск: Изд-во ГТУ, 2005.

¹³ Николаев В.С. Указ. соч. — С. 154.

¹⁴ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — С. 133.

¹⁵ Харинский А.В. Предбайкалье накануне образования монгольского государства // Чингисхан и судьбы народов Евразии: Материалы Междунар. науч. конф. (3–5 октября 2002 г.). — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2003. — С. 107.

¹⁶ Зуев Ю.А. Указ. соч. — С. 135.

¹⁷ Рашид-ад-дин. Указ. соч.

¹⁸ Харинский А.В. Указ. соч.

¹⁹ Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: (По преданиям якутов бывшего Якутского округа) — Якутск: Бичик, 1994.

²⁰ Зуев Ю.А. Указ. соч.

²¹ Харинский А.В. Указ. соч. — 108 с.

²² Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 149.

²³ Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1989. — С. 142.

- ²⁴ Рашид-ад-дин. Указ.соч. – С. 121, 150.
- ²⁵ Линденау И. Указ.соч.
- ²⁶ Иванов М.С. Ис иһигэр киирдэххэ (Размышления об истоках языка). – Якутск: Кн. изд-во, 1988. – С. 100–101.
- ²⁷ Ксенофонтов Г.В. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Новосибирск, 1977. – С. 128.
- ²⁸ Румянцев Г.Н. Указ. соч. – С. 173.
- ²⁹ Хангалов М.М. Собрание сочинений. В трех томах. Т. 1. – Улан-Удэ: Издательство ОАО «Республиканская типография». 2004 (1960). – С. 107–109.
- ³⁰ Харинский А.В., Снопков С.В. Указ. соч. – С. 109.
- ³¹ Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов // Этниогенез народов Севера. – М.: Наука, 1980.
- ³² Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С.327.
- ³³ Цыбенков Б.Д. Происхождение дагуров // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюркомонгольских народов: Сб. научных трудов. – Вып. 2. – Элиста, 2008. – С. 72.
- ³⁴ Там же. – С. 72.
- ³⁵ Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Монгольский обыденный изборник/ Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. – Т. 1. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- ³⁶ Линденау И. Указ. соч.
- ³⁷ Саввин А.А. Термины олонхо // Архив ЯНЦ. Ф.4. Оп. 12. Ед. хр. 7518.
- ³⁸ Боло С.И. Указ. соч. – С. 128.
- ³⁹ Остолопов Н. О происхождении, вере и обрядах якутов // Любитель словесности. – 1806. – Ч. 1. – С. 118–147. Шукин Н.С. Поездка в Якутск. Изд. 2-е. СПб.: Тип. Деп. воен. поселений, – 1844. – 315 с.
- ⁴⁰ Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 гг. / Составитель З.Д.Титова. – Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1978. – 174 с.
- ⁴¹ Гоголев А.И. Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – С. 117.
- ⁴² Эргис Г.У. Исторические предания и рассказы якутов. – Ч. I. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 41.
- ⁴³ Боло С.И. Указ.соч. – С. 41.
- ⁴⁴ Иванов М.С. Дойду сурахтаах, алаас ааттаах (Топонимы Якутии). – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – С. 126.
- ⁴⁵ Рашид-ад-дин. Указ.соч.
- ⁴⁶ Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар.... – С. 157.
- ⁴⁷ Козин С.А. Указ.соч.
- ⁴⁸ Стрелов Е.Д. К вопросу о доисторическом прошлом якутов (По поводу брошюры проф. Б.Э. Петри) // Саха кэскилэ. – 1926. – Вып. 3. – С. 25–27. Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. – Якутск: Бичик, 1995.
- ⁴⁹ Зориктуев Б.Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVIII века. – Улан-Удэ, 1997. – С. 51.
- ⁵⁰ Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан: Изд-во Хакасского госуд. ун-та. им. Н.Ф.Катанова, 2008.
- ⁵¹ Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. – М.: Наука, 2005. – С.111.
- ⁵² Боло С.И. Указ.соч. – С. 256.
- ⁵³ Николаев С.И. Основные этапы этнической истории вилуйских якутов // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. – 1957. – Вып. 27. – С. 90–98. Долгих Б.О. Указ.соч. – С. 468–469.
- ⁵⁴ Там же. – С. 460–462.
- ⁵⁵ Там же. – С. 364.
- ⁵⁶ Иванов М.С. Сири сиксигинэн (По краям и ведам родимой земли). – Якутск: Кн. изд-во, 1985. – С. 22.
- ⁵⁷ Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар.... 1937. – С. 32–34.
- ⁵⁸ Николаев В.С. Указ. соч. – С. 158.
- ⁵⁹ Рашид-ад-дин. Указ. соч.
- ⁶⁰ Харинский А.В. Снопков С.В. Указ. соч.

V.V.Ushnitsky

The tribes of Bargudzhin-Tukuma of the 13th century and the problem of the ethnogenesis of the Sakha people

We have considered the ethnic situation in Cisbaikalia during the period of the Mongol Empire. Evidence is given to the possible participation of the “forest peoples” of Cisbaikalia of the 13th century in the ethnogenesis of the Yakut people through the genealogy of the Buryat and the Sakha. The origin of the Sakha kins of Borogon, Mene, Xanalas, Bajagantaj is linked with the names of the tribes which lived in the Baykal region in the 13th century.

Keywords: ethnogenesis, Mongol tribes, forest peoples, Bargudzhin-Tukuma, historiography, Rashid-ad-din, Ghenghiz Khan’s epoch, archeological culture.

С.Е. Никитина

Переводческая деятельность православных миссионеров в Якутской области*

Переводы православной литературы связаны с миссионерской деятельностью православных служителей в Якутской области. Первоначально это были отдельные эпизоды подвижничества, во второй половине XIX в. с организацией церковно-приходских школ, семинарии для подготовки местных православных кадров количество переводов священных книг на языки народов Севера значительно увеличилось.

Ключевые слова: православные служители, миссионеры, знакомство с бытом и нравами, языком, переводы на языки народов Севера, церковно-приходские школы, семинарии, православные служители из местных.

Социокультурная инкорпорация отдаленных провинций Сибири и Дальнего Востока в Российскую империю возможна была через распространение православной веры среди коренного населения этих окраин. Исследователями отмечалось, что первые массовые крещения коренного населения якутской окраины Северо-Востока России происходили с конца XVIII в.¹ Значительную роль в осознанной христианизации сыграли переводы Библии на языки народов Сибири и Севера, которые связаны с деятельностью русских православных миссионеров².

В ходе изучения материалов по проблеме массового распространения православия среди коренных народов Якутской области возник вопрос. И.И. Юрганова приводит цифру 817776 человек, это количество прихожан Якутского заказа в 1806 г.³ Этой цифре противоречат статистические данные о численности населения Якутской области. Так, по материалам 4-й ревизии 1782 г. население области составляло 98085 чел., 5-й ревизии 1795 г. — 119343 чел., общая численность населения в 1864 г. — 226750 чел.⁴ Получается, судя по материалам ревизий в первой половине XIX в., численность населения Якутской области не выходила за 200 000 чел. с небольшим превышением. Мной был привлечен ценный документ «Записка о разных предметах, касающихся церкви и причтов по Якутской области» архиепи-

скопа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия на имя генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского от 5 июня 1852 г. Сведения архиепископа Иннокентия, возглавлявшего в те годы Камчатскую епархию, мне представляется, являются более достоверными. Он пишет: «Число всех жителей по гражданским спискам простирается за 202 тыс., по церковным росписям 1852 г. всех жителей значится только 178 828 душ»⁵. Через десятилетие им отнесены к христианам 205 622 человека, т.е. практически все население области считалось православным⁶. По данным Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г., 98,4% населения области причислялось к православию.

Миссионерская работа православных служителей на Северо-Востоке России началась с подвижничества первых миссионеров почти сразу с освоением Ленского края казацкими отрядами. Уже в 1641 г. вместе с первыми воеводами стольниками П.П. Головиным и М.Б. Глебовым «прибыла целая церковная миссия», в составе «два иеромонаха, два женатых священника и соборный диакон». По решению Тобольской епархии, куда вошли вновь приобретенные земли, из Казани прибыли священники, чтобы «на реке Лене без попов не было, и служилые люди без покаянья и причастия не помирали». Основной задачей священнослужителей было духовное окормле-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-79101а/Г «Православие в исторических судьбах коренных народов Якутии»

ние русского населения, а также знакомство с местным бытом, обрядами, языком и культурой местных жителей. От Тобольского митрополита они получили антиминос и строгий наказ крестить только тех местных жителей, кто этого пожелает по «своей воле». Местная администрация поощряла активность церковных служителей по крещению коренного населения. При этом новокрестившиеся на три года освобождались от уплаты ясака, возложенного на них в качестве даннического налога, получали денежное и хлебное жалование, это также служило дополнительным стимулом к принятию православной веры. Обычно всем желающим учинялся «допрос» у воеводы, который выяснял, своею ли волею они хотят принять крещение? Только после этого священники получали разрешение крестить их.

Удаленность периферии вызывала трудности в местном управлении краем⁷, православная церковь также стремилась к складыванию в отдаленных окраинах децентрализованной структуры. В 1727 г. из Тобольской митрополии было выделено Иркутское викариатство для «заботы о Восточной Сибири», куда вошли все северо-восточные территории с Камчаткой, позднее к ним были отнесены также земли Русской Америки. Для решения кадрового вопроса штаты нового викариатства, в том числе и в Якутске, по ходатайству архиепископа Иркутского Нила, Синодом пополнились выпускниками Рязанской, Владимирской и Тульской семинарий.

27 августа 1852 г., по определению Святейшего синода, Якутская область отошла к Камчатской епархии, во главе которой в то время был известный святитель-миссионер архиепископ Иннокентий (Вениаминов). В связи с огромностью территории и значимостью Якутска для северо-восточных окраин России владыка Иннокентий перенес архиерейскую кафедру в г. Якутск в Спасский мужской монастырь, настоятелем которого он стал с сентября 1853 г.

В 1858 г. было выделено самостоятельное Якутское викариатство. Первыми якутскими викариями стали епископы Павел (Попов) и Петр (Екатерининский) – ближайšie помощники и продолжатели дела святителя Иннокентия. Третьим якутским викарием, по рекомендации святителя Иннокентия, стал ближайший его помощник и друг, ректор Якутской духовной семинарии протоиерей Дмитрий

Хитров, «как достойнейший и способнейший кандидат». Святитель Иннокентий охарактеризовал его перед Синодом как человека, который «опытно и основательно знает и край, и язык, и характер, и обычаи, и худую, и добрую сторону туземцев, и который всегда пользовался и доныне пользуется отличным уважением всех вообще жителей как человек с отличными качествами, потребными для духовного сана»⁸.

С 1870 г. была создана самостоятельная Якутская епархия, которую возглавил епископ Якутский и Вилюйский Дионисий (Димитрий Хитров). 29 марта 1870 г. в г. Якутске состоялось торжественное открытие епархии. С благословением от святителя Иннокентия на открытии присутствовал настоятель московского Чудова монастыря архимандрит Вениамин, который передал икону Святой Троицы, написанную на кипарисовой доске. В икону был вставлен серебряный мощевичек с частицей величайшей святыни – Животворящего древа Креста Господня. Надпись гласила: «Благословение граду Якутску и новоучрежденной епархии Якутской». Теперь эта икона хранится в кафедральном Никольском соборе⁹.

Первые очаги православия появились, как отмечалось выше, с отрядами казаков, уже при строительстве Ленского острога в 1632 г. была возведена первая деревянная часовня в честь Святой Троицы, которую специалисты считают первым церковным сооружением во всей Восточной Сибири. В 1634 г. острожек был подмыт водой. В 15 верстах от современного Якутска, у начала тракта на Амгу и Татту, был построен Галкинский острог, в 1640 г. при остроге на пожертвования царя Михаила Федоровича, игуменом Нафаилом I была основана монастырская церковь во имя М. Малеина. В 1642 г. острог был смыт весенними водами реки Лены. Летом 1643 г. воевода П.П. Головин построил новый острог – Якутский. Важным событием в истории острога явилось основание Якутского Спасского монастыря в 1663 г. Воевода Ф. Бибииков в 1678 г. разделил посад на четыре участка: к югу от крепости, за лугом, должны были строиться дети боярские и прочие служилые люди; к юго-западу – торговые люди с лавками; к юго-востоку – старообрядцы; и к северу, в сторону монастырской ограды, – прочие ссыльные. Так собор стал центром, вокруг которого начал складываться Якутск как административный, региональный город¹⁰.

Спасский монастырь владел сенокосными и соляными угодьями, отведенными ему воеводами и приобретаемыми по вкладам, содержался за счет пожертвований жителей Якутска, поступавших не только деньгами, но и земельными участками, пушниной, хлебом и скотом. Монахи занимались скотоводством, часть скота отдавая на прокорм, овощи и хлеб получали из верхнеленских деревень. В начале XVIII в. при монастыре начинает работать мельница¹¹. Позднее здесь были проведены первые опыты по хлебопашеству и овощеводству в суровых природных условиях. Монастырь стал основным очагом духовной, хозяйственной и культурной жизни.

Служители монастыря, кроме совершения служб и треб, занимались распространением православной веры и грамотности среди местного населения. Будучи форпостом церкви на Северо-Востоке России, монастырь участвовал в формировании отрядов в отдаленные края. Церковные миссионеры с казачьими отрядами выступали не только как посланники христианской веры, но и русской культуры. Миссионерскими трудами особо прославились иеромонах Макарий, приехавший из Тобольска и проповедовавший на рр. Индигирке и Колыме в 1668–1680 гг., и архимандрит Мартириан, специально присланный митрополитом Тобольским Филофеем (Лещинским) в 1705 г. в Якутск – на заморские реки для проповеди слова Божия и исполнения церковных потреб». Они изучали язык, нравы и обычаи северных народов, ими были составлены первые молитвы на языках народов Севера, их труды способствовали дальнейшему духовному просвещению Восточной Сибири. Именно при этом монастыре в 1735 г. была организована первая в Якутии низшая школа для обучения грамотности местных детей в возрасте от 7 до 18 лет. Среди первых же 15 учеников 5 были крещеными якутами. Школа занималась не только их образованием, но и подготовкой к миссионерской работе среди местного населения, школа просуществовала до 1747 г.¹² В 1829 г. при монастыре открывается духовное училище для подготовки местных церковных кадров.

В 1853 г. святителем Иннокентием в Якутск была переведена Новоархангельская духовная семинария, которая стала первым средним учебным заведением края. Ректором стал ближайший сподвижник святителя протоиерей Димитрий Хитров. Несмотря на то, что семи-

нария просуществовала только до 1874 г., когда по указу Святейшего синода была переведена в г. Благовещенск, значение ее в воспитании целого поколения молодых энергичных священников-миссионеров велико. Семинария выпускала ежегодно 10–12 человек с богословским образованием. Своим указом от 6 мая 1855 г. святитель Иннокентий благословил принимать их на службу в духовное ведомство. В 1867 г. в Якутской семинарии получали образование 79 человек в 6 классах. Ее выпускники трудились на всей территории Восточной Сибири, вплоть до Камчатки, Аляски и Русской Америки. Роль православного духовенства в образовании и просвещении жителей края огромна, так как они были в те годы самыми образованными людьми в улусах, и им часто приходилось выступать в роли врачей, педагогов, писарей и судей. Некоторые из них занимались и научно-исследовательской деятельностью, участвовали в работе различных экспедиций.

При увеличении численности христиан среди местных народов все острее вставал вопрос о строительстве в Якутии новых храмов, что возможно было только на пожертвования. Общая бедность населения и кочевой образ жизни не способствовали росту новых церквей. В 1806 г. в Якутской области действовало 19 церквей¹³. За двадцать лет (1826 г.) количество храмов увеличилось только на два. Поэтому в 1844 г., по представлению архиепископа Иркутского Нила, Святейший синод благословил учреждение в Якутской области двух походных храмов для удобства крещения и обслуживания коренных жителей в отдаленных северных округах. Были сооружены специальные тележки, на которых разместились Николаевская и Благовещенская походные церкви¹⁴. При этом одну из них – Николаевскую возглавил тогда молодой священник Преображенской церкви Димитрий Хитров. Эта церковь обслуживала почти все приходы Верхоянского и Колымского округов, а также отдаленные места Якутского округа, такие как Оймяконский край, Аллах-Юнь (по Охотскому тракту), Нелькан (по Аянскому тракту), Учур и Тимтон (притоки р. Алдана) и, сверх того, кочевья тунгусов в верховьях р. Олекмы. Эти миссионерские путешествия для проповедей среди кочевого местного населения были сопряжены с невероятными трудностями и лишениями. Спустя годы о. Димитрий вспоминал, что ему за год приходилось совершать путь до 10 тысяч

верст. «По несколько месяцев кряду мы ночевали на снегу под открытым небом при трескучих полярных морозах, отчего некоторые из нас — священников — преждевременно сходили в могилу, другие, страдая несколько лет от цинги, до конца расстроили свое здоровье»¹⁵.

С миссионерской деятельностью святителя Иннокентия связан качественно новый подход к дальнейшей христианизации народов Якутии. В упоминаемой мною «Записке...» архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий поднимает целый ряд проблем, среди которых очень важным, на его взгляд, было увеличение количества священников, знающих местные условия. Он пишет, что «для занятия священнических мест по Якутской области необходимо требовать людей из других сибирских епархий, потому что Сибирская семинария или причетники более или менее знакомы с обстоятельствами (и морозом) Сибири, и для них не покажется ужасным расстояние даже из Тобольска до Якутска». В 1855 г. архиепископом Камчатским, Курильским и Алеутским Иннокентием (Вениаминовым) было официально разрешено принимать на службу в духовное ведомство представителей коренного населения Якутской области. В начале XX в. 77% духовенства представляли уроженцы области, из них якуты составляли 36%¹⁶.

Святитель Иннокентий поставил одну из важных задач — «перевести на якутский язык несколько книг Священного Писания, нечто из богослужебных книг... а также перевести или составить несколько поучений на якутском языке, первоначально о самых необходимых предметах»¹⁷. Он считал необходимым это сделать, потому что якутский язык был языком общения между собой всех проживающих в области народов, даже русского старожильческого населения. «Двухвековой опыт показал, что якуты, несмотря на то, что в самих их улусных управлениях дела проводятся на русском языке, и довольно многие читают сами русские молитвы и проч., при настоящем положении обстоятельств никогда не переменят своего природного языка на русский, как это сделали камчадалы и юкагиры; напротив того, захватившие к ним русские волей-неволей принимают их язык»¹⁸, — писал святитель Иннокентий.

Первые попытки переводческой деятельности православных служителей в Якутской области были предприняты еще в 1812 г. Тогда в г. Иркутске были изданы «Молитвы. Символ В. и заповеди Б. (Начатки верования на

якутском языке)». Затем в 1819 г. там же в Иркутской губернской типографии был напечатан «Сокращенный катехизис для обучения юношества православному закону христианскому, переведенный на якутский язык с приложением наперед таблицы для складов и чтения гражданской печати». В том же году все отпечатанные экземпляры были получены в Якутске, и здешнее духовное правление немедленно разослало их по всем церквам согласно числу прихожан. Причем священно- и церковнослужителям внушалось, чтобы они добились того, чтобы прихожане не просто имели книги, но и учились по ним. Поэтому они обязывались приложить все усилия «к возбуждению в своих прихожанах, особенно молодых обоюбого пола, ревностной охоты обучаться читать по табличке, на третьей странице сея книги напечатанной»¹⁹. Как известно, составителем первого якутского алфавита и переводчиком первого катехизиса был священник Олекминской Спасской церкви Георгий Яковлевич Попов.

Будучи чрезвычайно востребованным для работы священнослужителей среди местного населения «Катехизис» на якутском языке быстро разошелся. Поэтому в 1821 г. в Иркутске вышло его новое издание с доработкой, в новом варианте книга включала в себя два параллельных текста — якутский и русский. В Якутске тираж был получен в том же году. Причем Иркутская духовная консистория сопроводила посылку «Катехизиса» указом: «Означенные экземпляры разослать по церквам с таковым при том предписанием священно- и церковнослужителям, чтобы они раздавали оные книги безвозмездно всем желающим из якутов учиться русской грамоте и к учению оной всеми возможными способами споспешествовать с ревностью, неослабным тщанием и терпением, как прежде сего о том было предписано». В Якутске по распоряжению духовного правления с церковнослужителей взяли подписку в точном исполнении ими своих наставнических обязанностей, в том числе обязанности «чаще прочитывать своим прихожанам катехизис, переведенный на якутский язык».

В упомянутой «Записке...» святитель Иннокентий писал, что один из священников Охотской церкви Евсевий Протопопов при первом прибытии святителя Иннокентия в Охотск «в 1841 г. представил, переведенное им на якутский язык «Послание к Римлянам». Ему было предложено перевести «Катехизис... Этот свя-

щенник упоминал, что его перевод («Послание к Римлянам») был выпрошен проезжавшим грамотным якутом²⁰. Имеются сведения о командировке А.Я. Уваровского, служившего чиновником в Якутском областном правлении, в Удский край в это время. Эти факты позволили предположить, что перевод Евсевия Протопопова попал через А.Я. Уваровского, автора «Воспоминаний», О.Н. Бетлингку. Труд талантливого русского ученого О.Н. Бетлингка «О языке якутов» в 1848 г. был издан в составе «Путешествия по Сибири» А.Ф. Миддендорфа на немецком языке. Там же были впервые опубликованы «Воспоминания» Афанасия Яковлевича Уваровского. Следующий перевод («Краткий катехизис на русском и якутском языках»), изданный в Петербурге в 1844 г. принадлежал священнику Михаилу Охлопкову²¹.

Придавая важную роль миссионерской деятельности среди местного населения области на их родном языке, владыка Иннокентий в 1853 г. учредил комитет для перевода церковной литературы под председательством священника-миссионера Дмитрия Хитрова. Первоначально предполагалось перевести из Священного Писания книгу Бытия, Псалтырь, и весь Новый Завет, кроме Апокалипсиса, из богослужебных книг «Часослов» и «Литургии Златоуста» составить общий благодарственный молебен²². Чрезвычайно пригодился опыт переводов святителя Иннокентия. Так, по его рекомендации для якутской азбуки были применены русские и славянские буквы. Для выражения звуков, не имеющих в русском языке, были составлены особые буквы из начертания тех же русских букв, как это было сделано для алеутского языка.

Уже в 1857 г. в Москве и Петербурге были изданы первые восемь книг на якутском языке. Среди них Евангелие, некоторые другие священные книги на якутском и тунгусском языках и «Краткая грамматика якутского языка», которую составил протоиерей Дмитрий Хитров, а также знаменитая книга самого святителя Иннокентия «Указание пути в Царствие Небесное». Все эти книги находились в библиотеке Троицкого собора, где все желающие могли с ними ознакомиться. В 1866 г. в Якутске выходит «Краткая Священная история на русском и якутском языках» и в 1867 г. «Краткая Священная история на якутском языке».

Перевод и издание церковной литературы на якутском языке сделали возможной дав-

нюю мечту Иннокентия – провести службу на якутском языке. Особое значение придавалось работе по переводу на якутский язык церковной службы. Святитель Иннокентий писал по этому поводу: «Предполагается по отправлении торжественного молебна на якутском языке в первый раз, дозволить с этого времени по якутским церквам отправлять службы вместо славянского на якутском языке. Следовательно, нынешний год для якутского края будет весьма замечателен, и в истории якутов должен составить эпоху»²³. 19 июля 1859 г. в Троицком кафедральном соборе впервые состоялась Божественная литургия на якутском языке. Во время службы Евангелие на якутском языке прочел сам святитель Иннокентий. Один из очевидцев этой службы так описывал это незабываемое событие в жизни своего народа: «С раннего утра толпы народа спешили к соборной церкви, которая едва ли когда вмещала столько молящихся, как в тот день. Тут были и якуты, были и русские, большая часть которых знает якутский язык не хуже туземцев... Первые звуки якутского языка, на котором отправлялось решительно все богослужение, казались удивительными для самих якутов. Хотя служение происходило в первый раз, но оно шло чрезвычайно стройно, обычным порядком. Якутов до того тронуло это событие, что родоначальники их от лица всех своих собратий представили владыке Иннокентию покорнейшую просьбу, чтобы 19 июля навсегда было днем праздничным, потому что в этот день они в первый раз услышали Божественное слово в храме на своем родном языке»²⁴.

В сентябре 1860 г. викарный епископ Павел предписал священнослужителям, поступившим из других губерний, чтоб они в течение двух месяцев научились отправлять богослужение на якутском языке. И «если, кто будет уклоняться, то о таковых будет доложено лично Иннокентию, дьяконам и причетникам также предлагалось в течение двух месяцев непременно научиться служить по-якутски, в противном случае вопрос будет поставлен перед Иннокентием об удержании у них половины доходов в пользу бедных духовного звания до тех пор пока не приготовят себя служению литургии по-якутски». Тогда же священно- и церковнослужители г. Якутска дали подписку с обязательством исполнить данное предписание. Позднее епископ Дионисий (Д. Хитров) также продолжил требовать от священников богослужения на якутском языке. Свое пред-

писание якутскому духовному правлению от 11 апреля 1869 г. епископ Дионисий объяснил тем, что богослужение на якутском языке в г. Якутске совершалось редко, и то только в одной Преображенской церкви, поэтому он распорядился, чтобы в каждой городской церкви «хотя однажды в неделю была совершенна литургия по-якутски». Что касается сельского духовенства, то оно просто обязывалось совершать богослужение по-якутски²⁵.

С образованием самостоятельной епархии начался следующий этап в жизни православной церкви в Якутии, и, прежде всего, было продолжено дело церковного строительства. В 1865 г. в Якутской епархии было уже 85 храмов и 80 часовен, построенных на средства прихожан из местного населения, улусных голов, купцов. Разбросанные по всей Якутии храмы и часовни играли важную роль не только в приобщении местных жителей к православной вере и русской культуре, но и в распространении грамотности, так как при них всегда открывались приходские школы, где всех желающих обучали писать и читать на своем родном языке. При этом православие входило в сознание якутского народа мягко, бесконфликтно, исподволь меняя мировоззрение и образ жизни.

В январе 1870 г. по инициативе митрополита Московского и Коломенского Иннокентия было открыто Всероссийское миссионерское общество в Москве, охватившее своей деятельностью всю Российскую империю, среди них Якутская область считалась «великой миссией». В г. Якутске был создан епархиальный комитет православного миссионерского общества, который охватил более 80 человек. Совет комитета возглавил епископ Дионисий Хитров.

В 1883 г. изданы в Казани «Литургия Златоуста с требником на якутском языке», «Канонник на якутском языке», «Канон и часы Пасхи на якутском языке», «Христос Тианна. Канон и часы Святые на якутском языке», «Требник на якутском языке». В 1887 г. в Казани «Часослов на якутском языке», «Священное Евангелие на якутском языке», «Псалтырь на якутском языке», «Канонник на якутском языке». В 1887 г. в Якутске «Всенощное бдение на якутском языке», «Литургия Златоуста с требником на якутском языке». Затем вышли следующие переводы: в 1889 г. в Казани «Канон и часы Святые на якутском языке», в 1891 г.

«Поучение о православной вере христианской с переводом на якутский язык», в Якутске в 1894 г. «Поучение о православной вере на русском и на якутском языках», в 1895 г. «Богослужение на якутском языке», в 1897 г. в Казани «Букварь для якутов», в 1898 г. в Казани «Евангелие от Матфея на якутском языке», «Святое Евангелие на якутском языке», «Четвероевангелие», «Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие на якутском языке», «Букварь для якутов» (переиздание).

С начала 1900-х гг. на страницах журнала «Якутские епархиальные ведомости» стали печатать якутские тексты переводов духовных лиц на религиозные темы. «Беседа священника о пользе грамотности» (1900, № 1, 2, 3, 4); «Поучения в неделю Ваий» (1900, № 5, 6). В 1900 г. удалось издать в Казани «Книгу Премудрости Иисуса сына Сирахова на якутском языке» (в переводе Д. Попова), в 1902 г. «Апостольские чтения на все воскресные и праздничные дни и на разные случаи на якутском языке», в том же году в Томске «Сборник слов, поучений и бесед на якутском языке», «Опыт перевода на якутский язык. Воскресный стихирь и др.», «Опыт перевода тропарей и кондаков», «Сборник поучений на якутском языке». В последний сборник вошло 11 статей, в том числе Димитриана Попова «Беседа о пользе грамотности», «Беседа на день св. и чудотворца Николая», «Слово на день св. Николая», «Слово над гробом духовного сына», «Слово на новый год», «Слово пред Св. Причастием». В 1910 г. в Якутске напечатан «Сборник поучений на якутском языке на некоторые праздничные и великопостные дни священника Григория Попова», в 1911 г. – «Сборник песнопений и проповедей» и большой «Сборник якутских переводов», в который вошли 28 переводов, в том числе 5 поучений священника Григория Попова, «Беседы о загробной жизни Дим. Попова». В 1912 г. в Якутске издан «Краткий молитвенник на якутско-русско-славянском языках», тиражом в 10 тыс экземпляров. В 1913 г. в Якутске вышли «Сборник катехизических поучений на якутском языке» в переводе протоиерея Вас. Бережного, сборник якутских переводов протоиерея Михаила Протопопова «Краткое изложение христианского вероучения», «Молитва за царя»²⁶.

Переводная литература стала печататься в Якутске. Здесь были изданы в 1914 г. «Сборник поучений и бесед на разные случаи на

якутском языке», «Как следует верить, жить и молиться» (перевод прот. Вас. Бережнова), «Простые речи о делах Божьих» (перевод священников Гр. Попова и Ф. Сивцева), в 1915 г. «О спасении души» и в 1916 г. «Жизнь Пресвятой Богородицы на якутском языке»²⁷.

Много переводов принадлежало Димитриану Попову. В работе переводческого комитета также участвовали студенты якутяне, обучавшиеся в г. Казани: Ильинский (известный деятель, миссионер), Дамиан Кочнев. В.В.Попов, студент Казанской духовной академии, А.Оконешников – студент миссионерского отделения Казанской духовной академии, Н.Н.Москвин, С.Н.Лебедев, Ф.Г.Сивцев.

С 1887 г. началось издание журнала «Якутские епархиальные ведомости». Это издание должно было служить «весьма сильным проводником народного просвещения», где в неофициальной части журнала отводилось большое место для публикации трудов нравственного воспитания, в том числе и переводов православных произведений.

Таким образом, Иннокентий Вениаминов и его сподвижники сыграли большую роль в процессе перевода библейских текстов на национальные языки народов Севера. Были изданы «Священное Евангелие на якутском языке» (все книги Нового Завета, кроме Апокалипсиса), «Краткая грамматика якутского языка, составленная протоиреем Д. Хитровым», две книги из Ветхого Завета – Бытие и Псалтирь, богослужебные книги, книга святителя Иннокентия «Указание пути в Царствие Небесное», а также две книги на тунгусском (эвенкийском) языке. В свою очередь переводческие опыты священников оказали значимое влияние на изучение якутского языка, появление первых письменных памятников на якутском языке. Значительна роль православных служителей в подготовке местных кадров, ставших со временем ядром формирования будущей местной интеллигенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

¹ Шишигин Е.С. Распространение христианства в Якутии. – Якутск, 1991; *Его же*. Якутская епархия (Краткий исторический очерк и проблемы возрождения). – Мирный, 1997; Сафронов Ф.Г. Православное христианство в Якутии. – Мирный, 1998; Юрганова И.И. История Якутской епархии. 1870–1919 г. (деятельность духовной консистории). – Якутск, 2003 и др.

² Никитина С.Е. Национальные проекты Российского библейского общества по переводам Священного писания в XIX в. // Языки и фольклор народов Сибири. – 2010. – № 1 <http://www.sivir.ru/search/>.

³ Юрганова И.И. Церкви Якутии: (краткая история). – Якутск, 2005. – С. 12.

⁴ Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии. – Якутск, 1994. – С. 16.

⁵ Иннокентий митрополит Московский. Записка о разных предметах, касающихся церковей и причтов по Якутской области // Творения Иннокентия митрополита Московского. Кн. 2-я. / Собраны Иваном Барсуковым. – М.: Синодальная типография, 1887. – С. 286.

⁶ Там же. – С. 341.

⁷ Никитина С.Е. Местное управление Якутской области и реформа М.М. Сперанского // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Вторая Международная научно-практическая конференция. Москва, 15-25 января 2010. – Т. 2. – М., 2010. – С. 105–109.

⁸ Дмитриева И.А. Первый епископ Якутии Дионисий (Хитров) – миссионер, духовный пастырь, человек // Якутский архив. – 2005. – № 4. – С. 102–107.

⁹ Епископ Зосима (Давыдов). Служение Русской православной церкви в Якутском крае // Православие. Ru./ Интернет-журнал. – 2006. – 14 декабря. / <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/684.htm>.

¹⁰ Явловский П.П. Летопись города Якутска от его основания до настоящего времени (1632–1914 гг.). – Т. 1. (1632–1800 гг.). – Якутск, 2002.

¹¹ Юрганова И.И. Церкви Якутии: (краткая история). – С. 15.

¹² ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Т. 1. Д. 1826.

¹³ Юрганова И.И. Церкви Якутии: (краткая история). – С. 11.

¹⁴ Иннокентий митрополит Московский. Записка о разных предметах, касающихся церковей и причтов по Якутской области. – С. 288.

¹⁵ Дмитриева И.А. Первый епископ Якутии Дионисий (Хитров) – миссионер, духовный пастырь, человек. – С. 103.

¹⁶ Юрганова И.И. Церкви Якутии: (краткая история). – С. 94.

¹⁷ Иннокентий митрополит Московский. Записка о разных предметах, касающихся церковей и причтов по Якутской области. – С. 287.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Якутские епархиальные ведомости. – 1900. – № 24. – С. 346–347.

²⁰ Иннокентий митрополит Московский. Записка о разных предметах, касающихся церковей и причтов по Якутской области. – С. 164.

²¹ Якутские епархиальные ведомости. – 1904. – № 1. – С. 13.

²² Иннокентий митрополит Московский. Записка о разных предметах, касающихся церковей и причтов по Якутской области. – С. 322.

²³ *Иннокентий митрополит Московский*. Записка о разных предметах, касающихся церквей и причтов по Якутской области. — С. 326.

²⁴ *Стуков Ф.* Богослужение на якутском языке // Якутские епархиальные ведомости. — 1904. — № 10. — С. 155–157.

²⁵ *Парышев С.* О предписаниях епископов Павла и Дионисия // Якутские епархиальные ведомости. 1902. — № 7. — С. 21–28; № 8. — С. 130–132.

²⁶ *Якутские епархиальные ведомости*. — 1913. — № 14. — С. 267–272.

²⁷ *Там же*. — 1914. — № 18. — С. 359.

S.E. Nikitina

Translation work of Orthodox missionaries in the Yakut region in the 19th century

Translations of Orthodox literature are linked with the missionary work of Orthodox servants in the Yakut region. Initially these were separate episodes of pioneering work but in the second half of the 19th century with the organization of parochial schools, a seminary for preparing local Orthodox cadres, the number of translations of holy books into languages of the peoples of the North increased significantly.

Keywords: Orthodox servants, missionaries, familiarization with life, customs and language, translations of holy books into languages of the peoples of the North, parochial schools, local Orthodox servants.

УДК 001.891(571.56):94(571.65/.66)

Д.А. Ширина

Деятельность геоморфологического отряда Якутской академической комплексной экспедиции в контексте истории Колымского края. 1929–1930 гг.

В статье представлены состав, маршруты, результаты деятельности одного из отрядов Якутской академической комплексной экспедиции второй половины 20-х гг. XX столетия; рассмотрены размышления руководителя отряда С.В. Обручева о перспективах развития Колымского края.

Значительное внимание уделено материалам, свидетельствующим о состоянии края и жизнедеятельности его населения.

Ключевые слова: Академия наук, Северо-Восток, Колымский край, экспедиция, коренные народы, пути и средства сообщения.

Как известно, в 1925–1930 гг. состоялась Якутская академическая комплексная экспедиция. В первые годы ее деятельности исследования велись, главным образом, на южных территориях республики. Позднее объектом изучения стали труднодоступные районы Севера, и одним из отрядов, работавших здесь в 1929–1930 гг., был геоморфологический. Члены этого отряда экспедиции изучали р. Колыму, ее притоки — Коркодон и Омолон. Руководил работой отряда Сергей Владимирович Обручев (1891–1965), выпускник Томского

реального училища, затем физико-математического факультета Московского университета; известный геолог и географ, исследовавший низовья Ангары, Енисейский золоторудный бассейн, долину Подкаменной Тунгуски, реки — Индигирку и Колыму¹.

Геоморфологический отряд в составе С.В. Обручева, инженера-геодезиста К.А. Салищева, радиста В. Бизяева и трех рабочих выехал из Ленинграда 25 января 1929 г. до Иркутска. Этот город К.А. Салищев, В. Бизяев оставили 6 февраля и двинулись санным путем по Лене до Якутска. С.В. Обручев вылетел на аэроплане. Из Якутска отряд двинулся маршрутом:

Олба (18 марта) — устье Хандыги — Оймякон (прибыли 4 мая, оставили 30) — верховья Индигирки — хребет Тас-Кыстабыт. На р. Аян-Юрях С.В. Обручев с рабочим и проводником отделились от каравана и поплыли вниз по Колыме. Караван, возглавляемый К.А. Салищевым, прошел вдоль Колымы до устья р. Лош-калаха и по Сеймчанской тропе двинулся на восток, пересекая притоки Колымы и цепи хребта Черского, до населенного пункта Таскан. Спустившись вниз по р. Таскан, караван встретился с группой, возглавляемой С.В. Обручевым. Члены отряда посетили прииски Союззолота на р. Среднекан, первого сентября прибыли в Среднеколымск, где и зазимовали. Отсюда же в Москву уехал по семейным обстоятельствам В. Бизяев, а 12 февраля отряд двинулся в путь, посетив Верхнеколымск (начало марта) — устье Коркодона (18 марта) — устье Рассохи (22 марта) — Омолон — Нижнеколымск (13 июля). Затем рабочие экспедиции зимним путем выехали в Якутск и Иркутск; научные сотрудники 18 августа начали плавание на пароходе «Колыма» до Владивостока².

За два года отряд прошел более 6000 км, продвигаясь на быках, на лодках, оленях, лошадях. Исследователи определили 17 астрономических и 29 магнитных пунктов, собрали 2500 кг геологических коллекций, изготовили свыше 2500 фотографий; описали гидрографическую сеть и орографию края, представленную хребтами (Верхоянский, Тас-Кыстабыт, Гыдан), Оймяконской впадиной, плоскогорьями (Нерское, Юкагирское); составили очерк геологического строения края³. С.В. Обручев 11 сентября 1929 г. телеграммой из Среднеколымска сообщил о золотоносности ряда притоков Колымы, особенно Берелеха, Дебина и Таскана. Прогноз ученого совпал с разысканиями Ю.А. Билибина (руководитель Колымской геолого-разведочной экспедиции 1928—1929 гг.), сообщившего о своих наблюдениях в представительстве Союззолота во Владивостоке и Иркутске в октябре—ноябре 1929 г.⁴ Значительное место в работе отряда заняли ведение маршрутной съемки и изучение земного магнетизма. Магнитные определения были необходимы как для аэронавигации, так и для магнитометрических разведок полезных ископаемых⁵. Обращаясь к картографическим работам отряда, которые «составляли существенную часть» заданий, К.А. Салищев отмечал, что сотрудники предыдущих экспедиций исследовали преимущественно зону морских побережий, что источниками для составленных

ранее карт были, главным образом, распросные сведения, которые для территорий значительной протяженности «неизбежно вели к самым невероятным ошибкам». Одним из результатов деятельности геоморфологического отряда стала разработка географической карты внутриматериковой части Северо-Востока, основу которой составили астрономические определения, маршрутные съемки, распросные сведения⁶. Карта Колымско-Индигирского края, составленная К.А. Салищевым, по словам С.В. Обручева, «представляла, в сущности, первое сколько-нибудь верное изображение страны»⁷. Ученый уточнил некоторые из результатов работы экспедиции 1929—1930 гг., в том числе те, которые позволили пересмотреть ряд представлений, отраженных на существующих картах. Исследователь писал, что за это время удалось установить следующее: хребет Черского не поворачивает на северо-восток, а простирается на юг, пересекает Колыму и заканчивается несколькими рядами цепей у Колымско-Охотского водораздела; между Колымой и Омолоном, где на картах был изображен хребет Колымский, раскинулось обширное плоскогорье, названное путешественниками Юкагирским. Кроме того, на карту была нанесена большая область верховьев Колымы. Все маршруты экспедиции, за исключением пути от Верхнеколымска до Нижнеколымска (эту территорию посетила экспедиция, возглавляемая И.Д. Черским), проходили по территории «не посещавшейся ни одним геологом»⁸.

Особое место в материалах экспедиции занимает описание передвижения отряда. Составленное С.В. Обручевым, оно содержит значительный объем информации о состоянии края в конце 20-х годов XX столетия, коренных народах, выносливости, удивительной приспособленности коренного населения к жизни в суровых климатических условиях, населенных пунктах, некоторых изменениях в крае, связанных с установлением советской власти, путях и средствах сообщения и т.д. Эти зарисовки, оставленные очевидцем, приобретают значение документальных свидетельств, повествующих об истории края тех лет.

Так, для продвижения к Алдану отряд нанял несколько «тощих лошадей» и быков. В условиях бескормицы и недорода, когда «сено для лошадей купить трудно», использование быков было предпочтительней. Учитывая усталость лошадей, люди шли пешком, перекладывая груз с одной подводы на другую. Нанять же быков было затруднительно пото-

му, что скот перегнали в районы, более обеспеченные сеном.

В Уолбу, где члены отряда нашли приют в школе, «большом здании без крыши», весь отряд вошел пешком. Именно в этом улусном центре исследователи осознали всю сложность найма оленей для дальнейшего продвижения. Несмотря на то, что стада эвенов и якутов находились в 300 – 400 километрах от Алдана, к окончанию зимы ездовые олени были истощены либо заняты перевозкой грузов⁹. В Уолбе же состоялось знакомство С.В. Обручева с председателем Годниканского эвенского рода Гаврилой Баишевым и писарем, молодым якутом Александром Егоровым, которые занимались вопросом о переходе эвенов на оседлость. Речь шла о постройке для народа поселков в устье Амги и на Алдане, причем «на первое время им давали муку и денежное пособие». Любопытно описание вечера в память Парижской коммуны, который состоялся 18 марта в школе, где остановился С.В. Обручев. Дети были заняты в пьесе «Казнь коммунара», изображая парижан в русских костюмах, а мэра Парижа – с цепью и звездой на груди. Спектакль шел на якутском языке при использовании некоторых русских слов. Из Уолбы отряд отправился в Крест-Хальджай на санях.

В Крест-Хальджае, как и в Уолбе, путешественники остановились в школе, в связи с чем С.В. Обручев писал: «Нельзя не вспомнить еще раз с благодарностью то радушное гостеприимство, которое мы всегда встречали в якутских школах». Перед роспуском на каникулы 30 марта состоялся прощальный школьный вечер, во время которого ученики были удивлены пятидесятисвечевой (приблизительно 50 ватт) электрической лампой, которую питала походная динамомашинка. Школьники декламировали стихи и поставили драму «из якутской жизни».

6 апреля отряд отправился на быках вниз по Алдану к устью Амги. С.В. Обручев замечал, что быкам необходим был отдых днем и ночевка в хотоне. А чтобы напоить животных, ямщик пешней прорубал лед и очищал прорубь лопатой. За три дня путешественники дошли до Ынги, небольшого поселения якутов в устье Амги¹⁰.

Для продвижения по Хандыге удалось нанять оленей. В апреле снег уже таял, поверхность реки была покрыта водой. С.В. Обручев писал: «Вода идет теперь сплошной массой по снегу и покрывает реку на десятки километров... мокрый снег вместе с водой образует

густую кашу, в которой тонут олени и вязнут нарты... Олени выбиваются из сил. Проводники бродят все время по колено в холодной воде (по ночам морозы доходят до 40 градусов)». Но если русские приходили в отчаяние, эвены оставались спокойными, а Голиков, стройный и ловкий эвен, заместитель председателя Годниканского наслега (присоединился к отряду в Крест-Хальджае) в самые трудные минуты весело пел, пританцовывал.

Сбор оленного каравана обычно длился очень долго, а после Юн-Кюрме эта операция намного замедлилась. Объяснялось это тем, что у годнинских эвенов было мало ездовых оленей и пришлось использовать важенок и диких животных. Диких оленей отпускали пастись с бревнами, которые привязывали к шее. Окружив оленя, эвены бросали аркан («мамыкта»), «нечто вроде лассо», у которого на конце закрепляли костяное кольцо. После поимки оленя его привязывали к дереву до отправки отряда¹¹. Иногда причиной стоянок было рождение оленят, кроме того, нужно было дать отдых важенкам, которые «чрезвычайно добросовестно исполняли свои обязанности».

Иногда проводники, сопровождавшие отряд, ехали целыми семьями: с Баишевым ехала жена, с Голиковым – жена, свояченица и дочь двух лет. Женщины правили оленями, ставили палатки, либо чум, готовили пищу; мужчины охотились.

Во время спуска в бассейн Индигирки число новорожденных оленят увеличилось до шести, некоторые из них бежали за нартами, а ослабленные закутанные в шкуры ехали на нартах. Со временем важенки с оленятами были оставлены у эвенов, равно как и уставшие олени, а 4 мая отряд вошел в Оймякон, где путешественники разместились в старой церкви, используемой под клуб. Кроме того, в Оймяконе были четыре юрты, в которых проживало постоянное население, и две церкви, которые «когда-то были построены местным богачом Кривошапкиным». С.В. Обручев вспоминал, что во время пребывания отряда в Оймяконе с одной из церквей снимали кресты и купола, готовя здание под больницу. В селении размещался исполком, который возглавляли коммунисты, приехавшие из Якутска.

В Оймяконе путешественники решили продолжить следование вьючным транспортом, что было осложнено тем, что значительное число лошадей необходимо было послать в Охотск для доставки продовольствия, кото-

рое не успели завезти по зимнику. Кроме того, закупами лошадей для Сеймчанского района. Ведя переговоры о приобретении животных, сотрудники отряда перепакывали груз, приводили в порядок материалы наблюдений, проявляли фотоснимки, заготавливали вычужные седла и потники. Для последнего были заказаны якутские «бото» из сена и закуплены арчаки (деревянные основы седел)¹².

В Оротукане, в то время главном центре верхней Колымы, в котором насчитывалось до 20 якутских юрт, состав отряда пополнился проводниками — якутом Степаном Дягилевым (кузнец; в Оротукан приезжал, чтобы сдать и получить заказы) и Михаилом Протопоповым. На Колыме М. Протопопов занимался рыбалкой и однажды выловил двадцать штук чукучанов, «довольно смешной рыбы, с длинной мордой и круглым ртом, с присосками» на нижней стороне головы. С.В. Обручев замечал, что эта рыба встречалась только в Северо-Восточной Сибири, а ее родственники — в Китае и в Северной Америке. Ученый заключал: эта рыба «принадлежит к представителям животного мира, общему для Восточной Азии и Северной Америки, и доказывает существование в области Берингова пролива твердой земли, связывавшей раньше оба материка»¹³.

Два дня путешественники провели в Сеймчане — поселении, в котором насчитывалось двадцать юрт, расположенных в стороне от реки, и находилась заброшенная церковь, используемая под склад для кооперативных товаров. Ниже Сеймчана отряд встретился с экспедицией Наркомвода, работавшей на Колыме второй год. Катер этой экспедиции был первым, поднявшимся до среднего течения реки (ранее катера достигали только Верхнеколымска).

В нескольких километрах от устья Балыгычана (правый приток Колымы) на болотистых лугах расположилось поселение якутов, состоящее из четырех юрт. Отмечая уединенность поселения (200 км до Сеймчана и 900 км по тропе, 1200 км по реке до Оймякона, улусного центра) С.В. Обручев писал о том, что население Балыгычана поддерживало отношения с Оймяконом.

В связи с посещением расположенного в середине р. Коркодона острова Столб, который, по словам С.В. Обручева, по-видимому, когда-то был местом для жертвоприношений юкагиров (на вершине острова путешественники видели остатки жертвенной кучи с камнями и кусками дерева), ученый написал об одном из

юкагирских преданий о женщине Большое Сердце («Чомо-Чуводзэ») и юношах — Когэлгиз (название утеса на левом берегу Коркодона) и Лягаеке (утес правого берега). Влюбленные в Большое Сердце юноши боролись, а ребенок, которого Чомо-Чуводзэ родила от Когэлгиз, Лягаек бросил в реку. И там, где тело ребенка остановилось, согласно преданию возник остров Столб¹⁴.

Во время пребывания геоморфологического отряда в этих местах на острове располагалась фактория Якутгосторга, рядом с которой стояла изба юкагира Дмитрия Винокурова. Летом Д. Винокуров жил на отмели в чуме, покрытом берестой; зимой перебирался в избу рядом с факторией, которую и охранял. У него же путешественники встретились с юкагирами, приехавшими из селения, которое располагалось в 90 километрах от устья Коркодона. Юкагиры, по словам С.В. Обручева, жили на некоторых притоках Верхней Колымы, на Омолоне, в западной тундре.

В Верхнеколымске, расположенном на берегу р. Ясашной, где некогда насчитывалось 50 домов и проживали казаки, путешественники нашли семь юрт, разрушающуюся церковь, избу, в которой зимовал И.Д. Черский, небольшой огород, «который уже много лет служит робким началом будущего земледелия». В 1929 г., как писал С.В. Обручев, хорошие результаты в хлебопашестве и огородничестве были достигнуты в Верхнеколымске, Балыгычана, Сеймчане.

В Среднеколымске исследователь обратил внимание на то, что почти все дома не имели крыш (исключение составляли лишь новые постройки — радиостанция и несколько домов) и накат потолка был просто покрыт землей, что объяснялось небольшим количеством дождей и отсутствием на Колыме лесопилки. «Новой частью» города были исполком и клуб¹⁵.

Надеждам отряда на продвижение по Колыме от Среднеколымска на моторной лодке не суждено было сбыться из-за отсутствия топлива и мотора, которые должны были доставить из Владивостока еще в 1928 г., и путешественники купили баркас. Баркасы — небольшие лодки, которые, по словам С.В. Обручева, в Верхнеколымском районе изготавливали юкагиры, прибывая к долбленому днищу доски в два ряда и получалась вместительная устойчивая лодка с крутыми бортами.

Отмечая, что в 1929 г. большая часть бассейна Колымы была заселена якутами, что

русское население проживало вблизи Среднеколымска и Нижнеколымска, он писал, что основной «святой едой» для колымчан была рыба (ряпушка (сельдь), чир, муксун, омуль, пелядь, сиг, нельма). Налимы, щуки, чукучаны, замечал С.В. Обручев, использовались преимущественно для прокорма собак, которые съедали «не меньше половины всего улова». Очень редко рыбу засаливали, много заготавливали рыбы вяленой и копченой, обычно же ее замораживали.

Привлек внимание путешественника язык колымчан, которые жили в низовьях Индигирки: шепелявящее, картавящее наречие, сохранность в нем древних слов и выражений, «занесенных сюда казаками».

Среди заимок, расположенных на р. Колыме, где можно было увидеть неводы, карбасы, низкие избы с плоскими крышами и крестами на длинных шестах, С.В. Обручев назвал Кульдино (ниже Половинного Камня), Петрово, Жирково¹⁶.

Во время передвижения до Верхнеколымска путешественники познакомились с бытом колымских якутов, в юртах которых они проводили порой целые сутки в ожидании лошадей. Особое место в хозяйстве народа занимали покосы, так как скотоводство, равно как и рыбная ловля, были «главным источником питания». Близлежащими и хорошими покосами владели до раскулачивания в 1930 г. богатые люди. Заметил С.В. Обручев и то, что в отличие от Западной Якутии основным угощением здесь была строганина, которую готовили следующим образом. Большого чира приносили с мороза, немного отогрели у камелька, срезали чешую вместе с кожей ножом, затем стругали «очень изящными тонкими стружками». Ели «превосходную на вкус» строганину с солью, без хлеба. Ученый вспоминал: «Даже в бедных юртах, где самим нечего было есть, старались принять нас как можно лучше и давали иногда несколько кусочков мяса на блюде».

В Камсе караван путешественников разделился, и группа во главе с К.А. Салищевым уехала на лошадях. Запрягая лошадь (на Колыме «еще не применяли оглоблей»; в них ходили только быки), привязывали сани к животному веревкой, прикрепленной к седлу. При этом верхом на лошадь садился ямщик, который слезал и придерживал сани при спуске с горы. С.В.Обручев возглавил группу, двинувшуюся на оленях. Верным признаком устало-

сти животного было состояние его хвоста: опущенный хвостик свидетельствовал об усталости животного¹⁷.

В низовьях р. Ясашной расположилось Нелемное, небольшое селение юкагиров, некогда «многочисленного и сильного народа, населявшего Северо-Восточную Азию». С.В. Обручев писал о «чрезвычайно тяжелом» экономическом положении народа до советского времени. Жизнь юкагиров, которые были охотниками и рыболовами (олений у верхнеколымских юкагиров не было) зависела в значительной степени от улова рыбы. Члены геоморфологического отряда стали свидетелями разбегов специальных агентов Госторга, которые привозили продовольствие в поселения юкагиров. Ученый замечал, что позднее в устье Коркодона возникла культбаза, которая проводила «большую работу по культурной помощи этому маленькому народу и по изменению его быта».

17 марта 1930 г. путешественники добрались по санному следу («здесь в начале зимы провезли груз в факторию Госторга») до фактории у устья Коркодона, куда в феврале приходили с Россохи и Сугоя для закупки товаров эвены. Во время продвижения каравана вверх по Коркодону к отряду присоединился Бережнов, член Колымского окружного исполкома и одновременно агент Госторга, который собирался отвезти в устье Россохи юкагирам муку. Упомянутое юкагирское поселение, носившее название Чинганджа, состояло из нескольких юрт якутского образца, лабазов. Чтобы предохранить продукты от зверей, лабазы были поставлены на один-два высоких столба. Будки для собак были сделаны из сухой травы¹⁸.

Юкагиры этого поселения ушли вверх по р. Россохе ловить рыбу; оставшийся старик расплатился за товары, привезенные Бережновым, шкурками белок.

Продвигаясь в направлении к Омолону, отряд шел вверх по Коркодону «по следам нарт юкагиров». Добравшись до их стана, путешественники увидели женщин, которые ставили чумы и палатки («палатки при перекочевках гораздо удобнее, чем кожаные и берестяные чумы; они уже прочно привились у якутов и проникают к юкагирам и эвенкам»); собак, сидящих по две-четыре на теплых подстилках; грудных детей, лежащих «в мехах» на снегу. Впереди возвращавшихся с рыбалки мужчин «в просторных меховых парках» шли на широких коротких лыжах мальчики пяти-шести

лет. Путешественников принимали в самом большом чуме, угощая строганиной и чаем. У Бережнова юкагиры получали продукты (мука, табак, мануфактура); сдавали пушнину. С.В. Обручев упоминал о молодой девушке лет семнадцати-восемнадцати «с ярким цветом лица — знаменитой охотнице Ольге», которая в эту зиму убила пятьдесят белок, и о том, что юкагиры сдавали не только свою пушнину, но и ту, что перекупили у горных эвенов¹⁹. На предложение Бережнова перейти на оседлость и поселиться рядом с культбазой в фактории юкагиры, как передает С.В. Обручев, ответили: «Живите сами в культбазе, а нам не выжить; если мы должны будем отказаться от вольного воздуха и перекочевков, мы умрем». Однако, позже, по его же словам, когда культбаза была построена, юкагиры стали селиться возле. Упоминал он и о зимней рыбалке юкагиров, которые пробивали поперек реки проруби и сквозь них пропускали сеть.

Осматривая утесы по берегам Коркодона, путешественник проходил огромные расстояния на «местных» лыжах, которые купил в Верхнеколымске. Лыжи были подбиты мехом (камус); их ширина в средней части достигала двадцати восьми сантиметров; «ходить на таких лыжах очень хорошо, и они удобны для подъема на горы». С.В. Обручев продолжал: «Зимой без лыж человек здесь совершенно беспомощен. У наших проводников лыжи как бы приросли к ногам»²⁰.

Вдоль Коркодона отряд продвигался по следам эвенов, которые кочевали по водоразделу среднего течения Коркодона и Сугоя. В поисках сведений о дороге путешественники посетили чум юкагира. Жилище располагалось в лесу на горе, над рекой, «среди редкого лиственничного леса». Гостей посадили на почетную сторону на оленьи шкуры. Чай подали на маленьком низком деревянном столике, а кусочки оленьего мяса разложили на эмалированной тарелке.

Во главе каравана шел опытный проводник, якут по прозвищу Кука, умеющий выбирать и прокладывать дорогу. Он шел все время на лыжах и тащил за собой связку нарт. При этом первая нарта была практически пустой, вторая шла с небольшим грузом, за ними следовали груженные нарты (на каждой — около ста пятидесяти килограммов). Передние олени пробивали снег, часто выбивались из сил; их меняли. И только Кука «весь день неутомимо идет вперед, всегда веселый, мурлыкая какие-

то песни», в то время как остальные, особенно русские рабочие, приуныли. Среди ямщиков, которые сопровождали караван, С.В. Обручев называл Димитрячку («маленький, немного горбатый якут») и Конона («веселый молодой парень»). Писал он и о каоре Ване Березкине («очень милый молодой человек, с хорошим характером, прилежный в работе»).

Добравшись до Эленя, члены отряда с радостью обнаружили свидетельства недавнего пребывания здесь эвенов — рыбные заездки («перегородки из кольев, оплетенных прутьями») и свежие следы оленей. С.В. Обручев замечал, что горные эвены Колымского района не пользовались нартами, а летом и зимой кочевали с вьючными оленями²¹.

Упомянув о нестерпимом блеске снежных равнин, ученый писал о достаточно широком распространении очков с темными стеклами среди эвенов и якутов. Те же, кто их не имел, носили особые козырьки из длинной шерсти, либо дощечку с узкими щелями («примитивные северные снеговые очки»).

В долине р. Русской к отряду подъехал эвен на приморских коряцких легковых нартах, копылья которых, представляющие ряд дуг упирившихся в полозья, были сделаны из приморской кривой березы. Такая нарта, узкая и легкая, удобная для быстрой езды, была рассчитана лишь на одного человека.

Значительным препятствием при передвижении отряда на нартах были тарыны, по гладкой ледяной поверхности которых оленям было тяжело идти, и поэтому нарты часто передвигали люди. В случае же, если некоторые из оленей падали, связка тащила их по льду, и только при падении большинства животных караван останавливался, а связку делили на части. Иные трудности поджидали путешественников, когда временами они выходили на Омолон, где полыньи простирались порой более чем на километр. Тогда приходилось останавливаться и пробовать твердость наста, а в переднюю нарту впрягать две пары оленей, т.к. одной было не под силу пробивать дорогу²².

Когда отряд остановился в устье Мунугуджака, к ним приехал Каменкин — коренастый, смуглый, немногословный коряк, владевший значительным количеством оленей («всего до десяти тысяч голов»), одетый в меховой костюм «из почти черного оленя» и обшитый белой меховой канвой.

Обустроивая свой стан в устье Мунугуджака, путешественники оборудовали склад и

метеорологическую будку для наблюдений. С.В.Обручев и К.А. Салищев приводили в порядок материалы зимнего передвижения, осматривали на лыжах либо утром пешком (когда наст был твердым) окрестные горы. Одной из задач этой полуторамесячной остановки было изготовление лодки, в связи с чем рабочие с утра рубили деревья, распиливали их на доски, которые протаскивали по снегу к протоке.

Продвигаясь на лодке, исследователи посетили заимку Колымскую, в которой жили обрусевшие юкагиры, говорившие по-русски и по-якутски, но не знавшие свой родной язык. В центре этой заимки находилась могила Н.Д. Черского («возле сруба маленькой часовни»). С.В. Обручев заметил, что жена исследователя – М. Черская в 1892 г. поставила здесь «простой крест», а в 1929 г. экспедиция Наркомвода поставила столб с медной доской, позже же «на могиле Черского был поставлен каменный обелиск»²³.

Спустя двадцать часов после отплытия от устья Омолона, отряд был в Нижнеколымске, в котором в 1930 г. «было только тридцать или сорок домов». Город располагался на небольшом возвышении, дома в нем были без крыш («обычная колымская архитектура»), в церкви размещался клуб; на колокольне были вырезаны инициалы и подписи побывавших здесь в Гражданскую войну командиров белых армий. В этом же городе путешественники ждали прибытия парохода из Владивостока. Как известно, рейсы через Северный Ледовитый океан были начаты в 1913 г., но и в 1930 г. «плавание этим путем не было вполне обеспеченным, и на обратном пути суда иногда зимовали». По маршруту Колыма – Владивосток ходили в то время два парохода – «Колыма» и «Ставрополь» («совершенно не приспособленные для работы среди льдов»). Известны были и шхуны американца Свенсона (ходили на Колыму «по особому договору с Госторгом»). Когда «Колыма» стояла во льдах порой целые сутки, матросы и пассажиры выходили на лед погулять и пострелять, а капитан использовал стоянку для пополнения запасов свежей воды («из больших луж с поверхности льдин, образовавшихся от таяния снега»). Путь от Нижнеколымска до Золотого Рога (гавань Владивостока) занимал два месяца²⁴.

В очерке, посвященном географии и геологии Колымско-Индибирского края, С.В. Обручев опубликовал раздел, в котором представил свои размышления о перспективах его развития.

Считая основным богатством края пушнину («вся эта пушнина вывозится непосредственно в Америку на аукционы Амторга»), отмечая постепенное сокращение этого промысла («рассчитывать на большое увеличение добычи пушнины в будущем трудно: страна не так богата зверем, как это представляется по ее былой славе»), он связывал его определенное оживление с устройством заказников и разведением пушного зверя в питомниках²⁵.

Рентабельной необходимой для края отраслью хозяйства С.В. Обручев считал крупное оленеводческое хозяйство. Однако, по его словам, количество оленей на территории между Колымой и Индигиркой за 10 лет сократилось на 80–90%. Между тем, животные, служащие основой сухопутного транспорта и источником теплой одежды, при увеличении поголовья могли бы стать «главным источником мясного снабжения населения», а само оленеводство могло бы приобрести «крупное экспортное значение».

Развитие рыболовства («главная основа питания населения долины Колымы») С.В. Обручев связывал с улучшением способов лова и переводом собачьего транспорта («собаки сейчас поглощают половину всей рыбы») на олений и гужевой.

Писал ученый об опытах хлебопашества и огородничества в Сеймчане, Верхнеколымске, Родчеве, Среднеколымске, Оймяконе, Таскане, Балыгычане; сообщал, что в 1930 г. неподалеку от Верхнеколымска по инициативе Колымского окружного исполкома появился первый опытный совхоз под руководством А. Жулькова. Все эти опыты, по мнению С.В. Обручева, свидетельствовали о том, что снабжение населения «по крайней мере овощами может производиться из местных источников»²⁶.

Однако наиболее перспективной для будущего развития края он считал горную промышленность, о чем свидетельствовало, по словам С.В. Обручева, необычайное разнообразие горных пород, которые были обнаружены в ходе геологических исследований. Значительное внимание он уделил вопросу о золотосодержимости района и состоявшимся в связи с этим работам. Ученый писал о том, что в 1928 г. (время появления приискового управления Союззолота) на р. Среднекан работали 25 старателей и геолого-разведочная экспедиция Геологического комитета во главе с Ю. Билибиным, которая открыла новое месторождение

по реке Утиной (Угунья). В 1929 г. Колымский геоморфологический отряд обнаружил признаки золотоносности, начиная от Берелеха до Таскана и от Оротукана до Таскана. На Среднекане в 16 км от устья располагалась Приисковая контора, а в устье — амбар и склады. В 1930 г. на Среднекане работали уже около 100 человек, а на Утиной — около 60. В том же году, посланная Главным геолого-разведочным управлением партия во главе с Цареградским, обнаружила золотоносность жилы порфира на р. Среднекан, а экспедиция, во главе которой был С.В.Обручев, обнаружила признаки рассыпного золота в верховьях Омолона.

Путешественник писал о признаках медных руд на Колыме (ниже Коркодона); о вулканических туфах, пригодных для производства цемента, на Колыме и Омолоне; об известных месторождениях каменного угля на р. Зырянке и слюды (мусковит) вблизи Кыгыл-Балыктаха. В связи с последним С.В.Обручев сообщал о том, что из этой слюды были сделаны окна, сгоревшей в 1928 г. старинной часовни в Оймяконе, и заключал: «Эти единичные факты, собранные при начале серьезного исследования края, указывают на наличие здесь разнообразных полезных ископаемых»²⁷.

Непосредственно связанным с предстоящим развитием горной промышленности в крае ученый считал вопрос о транспорте. Отмечая, что для перевозок использовались олени, собаки, лошади, С.В.Обручев писал о необходимости шоссейных дорог для автомобильного транспорта, использования в северных рейсах судов ледокольного типа и организации постоянных полярных рейсов на Колыму, замены мелких катеров и кунгасов пароходами и баржами («катера должны остаться для притоков») при движении по рекам. Для перевозки почты, пушнины, ценных продуктов горной промышленности, он считал необходимым «по

примеру Аляски», установить между Колымой, Якутском, Охотским побережьем воздушное сообщение²⁸.

ЛИТЕРАТУРА

¹ <http://nova.rambler.ru>; *История геологической службы России (1700–2000)*. Персоналии. — М., 2002. — С. 394.

² *Маршрут экспедиции воспроизведен по изданию: АН СССР. Труды Совета по изучению производительных сил. Серия якутская. Вып.1. С. Обручев. Колымско-Индибирский край. Географический и геологический очерк.* — Л., 1931. — С. 6–12.

³ *Там же.* — С. 12, 21–53.

⁴ <http://nova.rambler.ru>

⁵ *Салищев К.А.* Астрономические, геомагнитные и картографические работы 1929 – 1930 гг. (Предварительный отчет) // *Обручев С.* Колымско-Индибирский край. Географический и геологический очерк. — С. 63.

⁶ *Там же.* — С. 61, 64.

⁷ *Обручев С.* Колымско-Индибирский край. Географический и геологический очерк. — С. 1.

⁸ *Обручев С.В.* В неизведанные края. — М., 1954. — С. 180–181.

⁹ *Там же* — С. 104–105.

¹⁰ *Там же.* — С. 106–107.

¹¹ *Там же.* — С. 108–109.

¹² *Там же.* — С. 110–113.

¹³ *Там же.* — С. 120, 128.

¹⁴ *Там же.* — С. 128–129, 130–131.

¹⁵ *Там же.* — С. 131–133.

¹⁶ *Там же.* — С. 133–135.

¹⁷ *Там же.* — С. 142–143.

¹⁸ *Там же.* — С. 144–146.

¹⁹ *Там же.* — С. 146–147.

²⁰ *Там же.* — С. 148–149.

²¹ *Там же.* — С. 151–152, 153–155.

²² *Там же.* — С. 157–158.

²³ *Там же.* — С. 160–161, 170–171.

²⁴ *Там же.* — С. 172, 176, 180.

²⁵ *Обручев С.* Колымско-Индибирский край. Географический и геологический очерк. — С. 55.

²⁶ *Там же.* — С. 55–56.

²⁷ *Там же.* — С. 56–58.

²⁸ *Там же.* — С. 58–60.

D.A. Shirina

The activities of the geomorphic unit of the Yakut academic complex expedition within the context of the history of the Kolyma region in 1929–1930

Presented in the paper are the staff, routes and results of the activity of one of the units of the Yakut academic complex expedition in the second half of the 1920's. The paper also considers the contemplations of the unit leader S.V. Obruchev about the development perspectives of the Kolyma region.

Keywords: Academy of sciences, North-East, Kolyma region, expedition, indigenous peoples, lines and means of communication

Е.П. Антонов

Роль С.З. Борисова в подготовке специалистов для республики

Рассматривается роль одного из партийно-советских руководителей Якутии сталинской эпохи С.З.Борисова в подготовке специалистов для региона, в том числе из коренных жителей, а также расширении сети образовательных, научных, медицинских и культурных центров и учреждений. Отмечены, наряду с достижениями, значительные ошибки и просчеты, связанные с необоснованной дискриминацией многих представителей научной и творческой интеллигенции.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал, национальная интеллигенция, дискриминация, классики якутской литературы, подготовка специалистов.

Семен Захарович Борисов сыграл значительную роль в наращивании интеллектуального потенциала республики. В 1962 г. в народном хозяйстве республики трудилось 32 тысячи человек с высшим и средним образованием, в том числе 9 тысяч якутов и представителей малочисленных народов. В вузах центра, Урала и Сибири обучалось 1500 студентов-якутян. За 1958–1962 гг. в республике было подготовлено 1259 специалистов с высшим образованием. Из числа выпускников вузов 600 человек были выдвинуты на руководящие должности в республиканские, районные, совхозные, колхозные, научные, советские, партийные и другие органы¹.

Количество врачей в республике увеличилось с 277 человек в 1945 г. до 1130 – в 1962 г. Благодаря энергичным усилиям С.З.Борисова в центре планомерно готовились высококвалифицированные кадры. Только в 1958 г. в Якутскую АССР прибыло 153 врача, а в медицинских вузах страны обучалось 230 студентов, в основном из числа коренных жителей региона. В клинической ординатуре в центральных институтах обучалось 9 человек, 60 врачей было отправлено в центр на курсы усовершенствования. В 1958 г. в музыкальных учебных заведениях обучалось 13 человек (в Московской консерватории им. П.И.Чайковского – 5, Уральской консерватории – 2, Ленинградской музыкальной школе – 4, музыкальном училище им. Римского-Корсакова – 1, Новосибирском музыкальном училище – 1). Однако, по мнению Семена Захаровича, это не удовлет-

воряло «растущие потребности республики в музыкальных кадрах»².

В подготовке кадров в центре имелись крупные недостатки. Так, 5 марта 1954 г. отдел науки и вузов ЦК КПСС сделал критические замечания. Вместо отправки на забронированные места в вузах страны молодежи из коренного населения республики на значительное количество бронируемых мест направлялись дети приезжих работников. Республика стремилась забронировать максимальное число мест в вузах Москвы и Ленинграда, в то время, как в вузах Томска, Новосибирска, Омска и Иркутска, расположенных в более подходящих для здоровья якутян климатических условиях и требующих меньших затрат на проезд, ежегодно оставались незаполненные места. Бронировались места в отдаленных от Якутии вузах Киева, Одессы, Сталинграда, Саратова и других³.

С открытием ЯГУ в регионе резко увеличилась подготовка кадров. Так, в 1956–1960 гг. 5 тысяч якутян получили высшее образование, что было больше, чем за 15 лет (1941–1956 гг). Получили дипломы 80 геологов и горняков, 20 инженеров промышленного и гражданского строительства, 42 ветеринара, 25 зоотехников и 159 преподавателей русского языка и литературы, математики, физики, биологии и географии⁴.

С.З.Борисов сыграл выдающуюся роль в формировании сети научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Именно тогда стали известны имена Ю.Г.Шафера, П.И.Мельникова, А.Д.Егорова, Л.Н.Харитоновы и многих других. Звание заслуженного деятеля

науки Якутской АССР 25 февраля 1956 г. получили доктора наук А.П.Окладников, С.А.Токарев и Е.И.Убрятова. На вручении наград Семен Захарович подчеркнул, что благодаря публикации замечательных археологических открытий А.П.Окладникова в «Ленских древностях» и I томе «Истории Якутии», трудов по фольклору и этнографии якутов стала известна древняя история региона. В трудах по общественному строю якутов и сельской общины Якутии, «Очерке истории якутского народа» С.А.Токарев поставил и разрешил важнейшие проблемы истории якутов с момента присоединения Ленского края к Русскому государству и до Октябрьской революции. Он также являлся ответственным редактором фундаментального II тома «Истории Якутии». Монография «Исследование по синтаксису якутского языка» Е.И.Убрятовой получила широкую известность среди советских и зарубежных тюркологов. На ее основе был составлен учебник. Она оказала огромную помощь при переходе якутской письменности на русскую графику⁵.

По ходатайству Семена Захаровича в 1958 г. Президиум СО АН СССР принял решение об открытии в Якутске на базе Северо-Восточного отделения Института мерзлотоведения АН СССР Института геокринологии. На утверждение этого вопроса в Президиуме АН СССР в Москве затянулось. Поэтому Семен Захарович договорился с Президентом АН СССР А.Н. Несмеяновым и академиком М.А. Лаврентьевым организовать данный институт в составе Сибирского отделения с подчинением ему станций на Алдане и Анадыре. Более того, в 1957–1959 гг. обком выделил 6 млн. рублей на строительство лабораторных корпусов и жилых домов для сотрудников отделения⁶.

С.З.Борисов остро критиковал свое детище — филиал Академии наук. Это видно из протокола заседания научной сессии ЯФ АН СССР в июне 1952 г., где отмечалось следующее: разработка многими учеными тем и проблем, не связанных с практикой и задачами народно-хозяйственного строительства; невыполнение плана формирования научных кадров; подготовка исследователей без учета потребностей различных отраслей народного хозяйства, науки и культуры; отсутствие контактов академического филиала с производственными предприятиями и отраслевыми институтами, где можно было бы набирать аспирантов и докторантов; длительное бездействие президиума филиала, который не сумел превратиться в коллегиальный орган управления, что снижало

уровень научных разработок⁷. Конечно, критика, Семен Захарович, исходил из практических соображений получения скорейшего эффекта от научно-исследовательских разработок. Но ученые занимались фундаментальной наукой и естественно не могли полностью отдаваться решению текущих народно-хозяйственных задач.

Якутский государственный университет, открытый в 1956 г., по словам Н.Г.Рысакова, стал осью вечного двигателя культурного и экономического развития народов Якутии. Кроме того, Семен Захарович планировал открыть в республике институты горного дела, архитектуры и строительства, алмазов, энергетики, экономики и другие. Эти планы обуславливались тем, что всем отраслям народного хозяйства требовалось в 1960 г. 12350 специалистов с высшим образованием, а фактически имелось лишь 9179 человек, т.е. не хватало 3170 человек. С учетом развития экономики и культуры республике требовалось еще 2750 человек, в целом Якутия нуждалась в 5920 специалистах с высшим образованием⁸.

С.З.Борисов добился согласия на открытие медицинского факультета в Министерстве образования и здравоохранения СССР, но встретил противодействие со стороны министра здравоохранения РСФСР С.В.Курашова. Семену Захаровичу пришлось обратиться к секретарю ЦК КПСС А.Б.Аристову. Необходимость открытия нового факультета секретарь обкома обосновывал обеспечением учреждений здравоохранения врачами из числа коренных жителей региона, а также подготовкой местных ученых. Бюро Якутского обкома КПСС выделило для организации медфака здания, где ранее находились Якутский филиал АН СССР и детский санаторий на 75 коек (они переехали в новые здания). В этих помещениях предусматривалось разместить учебные аудитории и кафедры.

Минздрав РСФСР отправлял в ЯАССР ежегодно 80–100 молодых врачей сроком на три года, что не покрывало минимальную потребность республики во врачебных кадрах, составляющую 240 человек. По истечении срока контракта 70–80% из них выезжали за пределы республики. Ежегодно на завоз и вывоз медицинских кадров Якутская АССР расходовала более миллиона рублей, а за 1951–1955 гг. из бюджета Якутии было затрачено 5,5 млн. рублей. При этом качество медицинского обслуживания на селе оставалось низким, по-

скольку в подавляющем большинстве медицинских учреждений работали одни молодые врачи. Естественно, приезжие кадры не знали якутского языка и за три года не успевали усвоить разговорный язык, что также негативно отражалось на качестве лечебной и санитарно-просветительной работы. Из 773 врачей, работающих в Якутской АССР, врачей-якутов было только 47 человек. Начиная с 1951 г. практиковалась ежегодная отправка по 40–60 абитуриентов в центральные медицинские институты. Но дети из сельской местности, особенно из северных районов, из-за материальных затруднений очень редко соглашались ехать в центр. Между тем в связи с бурным развитием промышленности в республике возникали новые города и рабочие поселки, интенсивно возрастала численность населения, что требовало открытия новых лечебно-профилактических учреждений. Если в 1958 г. имелось 857 врачей, то к 1965 г. потребность во врачебных кадрах возросла до 1818 человек, что восполнить завозными кадрами становилось невозможно.

Ни один кандидат и доктор медицинских наук не приезжал в республику для работы в лечебно-профилактических учреждениях, так как имелась существенная разница между зарплатой в НИИ и в обычных больницах. Якутия также не могла предложить соответствующие жилищно-бытовые условия для приглашаемых научных работников. Даже отдельным врачам из числа коренных жителей, защитившим диссертации, республика не могла предоставить соответствующую работу из-за отсутствия научно-исследовательских медицинских учреждений и стационарных медицинских учебных заведений⁹.

С.З.Борисов стремился улучшить условия труда специалистов. К примеру, в течение 1947–1948 г. Совмин ЯАССР постановил построить здание для детской музыкальной школы на 200 мест. В план 1947 г. вошли расходы в размере 250 тыс. рублей на строительство жилых домов для инженерно-технических работников местной промышленности¹⁰.

С.З.Борисов обращал серьезное внимание на материальное положение научных сотрудников и студентов. Так, 22 марта 1958 г. он обратился с письмом к председателю Совмина РСФСР Ф.Р.Козлову с просьбой распространить поясные климатические надбавки на сотрудников Якутского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Такие

выплаты производились сотрудникам Якутского филиала АН СССР и Якутского отделения Института мерзлотоведения в размере 50%, в ЯГУ – 30% и в Якутском филиале Института туберкулеза – 20%. Обком при этом руководствовался важностью и значимостью работ, производимых в ЯНИИСХ, а также привлечением новых научных кадров¹¹.

10 августа 1957 г. С.З.Борисов и председатель Совмина ЯАССР В.Кучеров выдвинули перед секретарем ЦК КПСС Н.И.Беляевым вопрос о приравнивании стипендий студентов ЯГУ к стипендиям студентов горных институтов и геологических факультетов, что требовало увеличить ассигнования на 975 тыс. рублей в год. Якутские студенты получали такую же стипендию, как студенты вузов Украины и Грузии. Между тем, первым приходилось тратить больше средств на приобретение теплой одежды и обуви, на покупку высококалорийных продуктов питания. При чем 50% студентов воспитывались ранее в интернатах и прибывали на учебу без теплой одежды и без средств на её приобретение, что становилось причиной высокой заболеваемости и отсева студентов из числа коренных национальностей. За 1956/57 учебный год отсеялось 42 человека, а 15 – получили академический отпуск по состоянию здоровья. Из 1247 студентов университета 926 состояли на учете в медицинских учреждениях по таким заболеваниям, как туберкулез, трахома, ревматизм и т.д.¹² И таких обращений было немало.

5 июня 1950 г. С.З.Борисов выступил в Институте истории АН СССР по поводу представления Г.П.Башариным на соискание ученой степени доктора исторических наук его капитального труда «История аграрных отношений в Якутии с 60-х годов XVIII века до 30-х годов XIX века». Семен Захарович назвал защиту диссертации Г.П.Башарина одним из крупных событий в культурной жизни республики, а саму работу – первым выдающимся исследованием истории аграрных отношений в Якутии. Отметил ценность диссертации при будущем написании многотомной истории народов республики, а также ее практическое значение в области развития сельского хозяйства¹³.

Но 5 февраля 1952 г. по инициативе того же С.З.Борисова вышло постановление бюро Якутского обкома КПСС «О буржуазно-националистических извращениях при освещении истории якутской литературы», в результате

чего в республике развернулась кампания гонения и травли автора монографии «Три якутских реалиста-просветителя» доктора исторических наук Г.П.Башарина. Дискриминация затронула и его единомышленников из числа партийно-советских руководителей, научной и творческой интеллигенции. Это постановление сыграло негативную роль в подготовке гуманитарной интеллигенции.

В 1957 г. после защиты докторской диссертации в Москве Г.П.Башарин просил С.З.Борисова направить его в Якутск. В ответ на эту просьбу Семен Захарович отправил телеграмму вице-президенту АН СССР, академику И.П.Бардину об отправлении Георгия Прокопьевича в распоряжение Якутского филиала АН СССР.

27 февраля 1962 г. на собрании писателей Якутии С.З.Борисов открыто признал свои ошибки, выразившиеся в нарушении конкретно-исторического подхода к культурному наследию, проявлении нигилистического отношения к классикам художественной литературы якутов. С Г.П.Башариной и его единомышленников из числа ученых и писателей были сняты несправедливые обвинения в буржуазном национализме¹⁴. Но под предлогом борьбы против «идеализации» жизнедеятельности трех якутских классиков критика трудов Г.П.Башарины, Е.Е.Алексеева, И.М.Романова, Г.Г.Макарова, И.А.Аргунова и других продолжилась. Об этом свидетельствует X пленум Якутского обкома КПСС 5 июля 1963 г., первое совещание историков республики в апреле 1964 г. и многочисленные жалобы с необоснованными политическими обвинениями выше-названных историков в различные инстанции. Организатором этих компаний, негативно отразившихся на развитии исторической, литературоведческой науки, повлекшей за собой глубокий раскол среди творческой и научной интеллигенции, являлся Семен Захарович¹⁵.

С.З.Борисов был одним из руководителей национальных республик сталинской эпохи, с именем которого связан важный этап формирования высококвалифицированных кадров региона, потому что он отличался стратегическим мышлением крупного руководителя. С открытием Якутского государственного университета и созданием ЯФ СО АН СССР значительно ускорилось формирование интеллигенции из числа якутян. С.З.Борисов придавал особое значение созданию социокультурной инфраструктуры (НИИ, больницы, учреждения культуры, искусства и т.д.) для воспроизводства кадрового потенциала в условиях масштабной модернизации. Он внимательно относился к вопросам улучшения условий труда и материального положения работников умственного труда. Но в деятельности Семена Захаровича имелись и значительные ошибки и просчеты, связанные с необоснованной дискриминацией многих представителей научной и творческой интеллигенции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

¹ *НА РС(Я).* Ф. 1894-П. Оп. 1. Д. 315. Л. 14. Д. 329. Л. 5, 6.

² *Там же.* Д. 252. Л. 17, 41; Д. 329. Л. 22; Д. 228. Л. 42.

³ *Там же.* Д. 108. Л. 1.

⁴ *Там же.* Д. 277. Л. 2.

⁵ *Там же.* Д. 154. Л. 2–3.

⁶ *Там же.* Д. 300. Л. 13; Д. 54. Л. 13.

⁷ *Там же.* Л. 14.

⁸ *Там же.* Д. 293. Л. 109; Д. 315. Л. 12–14.

⁹ *Там же.* Д. 214. Л. 30–32. Д. 252. Л. 41.

¹⁰ *Там же.* Д. 5. Л. 8.

¹¹ *Там же.* Д. 234. Л. 6.

¹² *Там же.* Д. 214. Л. 25.

¹³ *Там же.* Д. 23. Л. 1, 3, 4.

¹⁴ *Там же.* Д. 216. Л. 20–21; Д. 321. Л. 20, 23.

¹⁵ *Алексеев Е.Е.* Национальный вопрос в Якутии (1917–1972 гг.). – Якутск, 2007. – С. 347–349.

Е.Р. Antonov

The role of S.Z. Borisov in the training of specialists for the republic

The article considers the role that one of the Soviet party leaders of Yakutia under Stalin S.Z. Borisov played in the training of specialists for the region including locals from among the indigenous peoples as well as in the expansion of the network of educational, scientific, medical and cultural centers and institutions. Along with achievements we have mentioned a number of significant mistakes and blunders connected with the unjustified discrimination of many representatives of scientific and artistic intelligentsia.

Keywords: intellectual potential, national intelligentsia, discrimination, the classics of Yakut literature, preparation of specialist cadres.

А.А. Сулейманов

Проблема изменения климата Земли и международное научное сотрудничество в арктических районах Якутии в конце XX века

Рассматриваются наиболее значительные международные научно-исследовательские проекты, осуществляемые в арктических районах Якутии в последнее десятилетие XX в. для изучения различных аспектов глобального изменения климата. Отмечено, что объединенные усилия российских, немецких и японских исследователей позволили расширить научные представления о геологической истории Земли, динамике температурного режима, установить количественные показатели содержания парниковых газов в вечной мерзлоте.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, изменение климата, международное сотрудничество, научные исследования.

Уже более тридцати лет проводя исследования, дискутируя на симпозиумах и конференциях, в научных изданиях и через средства массовой информации, учёные пытаются выяснить причины происходящего изменения климата Земли и определить его возможные последствия.

Для понимания современного изменения климата и прогнозирования его будущих трансформаций особую актуальность приобрели исследования климатической истории нашей планеты и реконструкция древних условий окружающей среды. Не случайно, начиная с 1980-х гг., целые международные группы учёных отправились на полюса нашей планеты, где история земного климата сохранилась во льду. Именно в вечной мерзлоте содержится информация о возрасте льда, его составе, включая вулканическую пыль и песок периодов засухи. Концентрация различных изотопов кислорода в ледяных ядрах способна пролить свет на колебания температуры в прошлом. Таким образом можно установить влияние климатических изменений на крио- и биосферу Земли, содержание в атмосфере углекислоты, метана, объяснить и понять процессы, происходившие с парниковыми газами в период несколько десятков тысяч лет назад.

Последнее стало особенно актуальным именно в 90-е гг. XX в., когда гипотеза о том,

что глобальное потепление вызвано, прежде всего, увеличением содержания уровня углерода и метана в атмосфере, утвердилась среди значительной части ученых и сделала чрезвычайно важными исследования по подсчету всего количества «производимых» природой и человеческой цивилизацией парниковых газов.

Учитывая все вышесказанное, очевидно, что внимание мировой научной общественности не могла не привлечь Якутия. Ведь территория республики практически полностью покрыта вечной мерзлотой, которая помимо того, что является кладезем информации о климате прошлого, содержит углерод и другие парниковые газы, столетиями формировавшиеся под землей в результате жизнедеятельности микроорганизмов, разлагающих старую органику в почве. Причем, по предварительным подсчетам, вечная мерзлота в Северном полушарии содержит углерода в два с лишним раза больше, чем его текущее содержание в атмосфере. Поэтому анализ последствий влияния трансформаций климата на вечную мерзлоту Якутии имел и имеет важнейшее значение.

С падением железного занавеса для российских ученых открылась возможность сотрудничества с зарубежными коллегами по всему спектру научных дисциплин и проблем. Ученые из Германии, Соединенных Штатов, Франции, Японии и других стран мира получили возможность проводить свои исследования в нашей стране, в том числе и на ее арктических территориях.

В 1990 г. руководство Института низких температур Университета Хоккайдо (Япония) предложило администрации Института мерзлотоведения СО РАН (г. Якутск) провести совместные геокриологические исследования по выяснению воздействия глобальных изменений климата на вечную мерзлоту¹. В ноябре того же года Р.М. Каменский (директор Института мерзлотоведения) и М. Фукуда [M. Fukuda] (профессор Института низких температур) подписали «Протокол о намерениях...», в котором предусматривалась возможность организации совместных комплексных научно-исследовательских работ японских и российских ученых по трем проблемам: изучение процессов образования ледяных тел и жил льда в мерзлых горных породах; глобальное изменение климата и реакция мерзлоты; гидрология снеговых вод в районах распространения мерзлых пород².

В мае следующего, 1991 г., между институтами был заключен договор о проведении совместных изысканий по двум основным направлениям. Первое направление предполагало сотрудничество по исследованию генезиса и распространения грунтового льда, включая анализ добытых материалов в японских лабораториях при участии сотрудников Института мерзлотоведения. Второе — изучение взаимосвязи долговременных и кратковременных изменений климата и мерзлоты с помощью приборов температурного мониторинга, предоставляемых Институте низких температур. В связи с тем, что программа совместных изысканий включала выполнение биологических исследований, договор предусматривал участие специалистов Института биологии СО РАН (г. Якутск)³. Руководили работами с японской стороны — М. Фукуда, со стороны Института мерзлотоведения — В.В. Куницкий, от Института биологии — Б.И. Иванов⁴.

Летом 1991 г. состоялся рекогносцировочный этап полевых исследований, в котором приняли участие сотрудники Института мерзлотоведения (В.В. Куницкий, В.Г. Русаков, В.А. Базылев, Г.Г. Пудов, М.Н. Григорьев, Г.З. Перльштейн и Л.В. Прокопьева), Института низких температур (М. Фукуда) и Университета Нагоя (С. Саито [S. Saito]). В ходе экспедиции ученые ознакомились с естественными разрезами подземного льда и мерзлотно-геоморфологическими особенностями в различных районах Якутии, включая дельту Лены и низовье Колымы⁵.

Через год российско-японская геокриологическая экспедиция провела первые изыскания. На полуострове Быковский и острове Дашка, в районе поселка Тикси (Булунский улус), а также в низовьях р. Енисей ученые документировали естественные разрезы ледового комплекса, отобрали пробы мерзлых пород для последующего лабораторного анализа их газового и изотопно-кислородного состава, а также определения абсолютного возраста сохранившихся растительных остатков. Одновременно с целью проведения температурных измерений по программе геотермического мониторинга исследователи установили автоматизированное оборудование в буровой скважине Института мерзлотоведения недалеко от Тикси. В этих работах участвовали специалисты Института низких температур (М. Фукуда, Т. Соне [T. Sone], Д. Нагаока [D. Nagaoka], Т. Накаяма [T. Nakayama]), Института мерзлотоведения (В.В. Куницкий, В.Г. Русаков, В.А. Базылев, Г.Г. Пудов, М.Н. Григорьев, В.В. Тарасов, Е.Г. Карпов, М.С. Иванов, Е.Д. Ермолин, В.А. Дятлов) и переводчик из Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Н.А. Кутузов)⁶.

С 1993 г. к совместным исследованиям Института мерзлотоведения и Института низких температур подключился Московский государственный университет. В мае того же года М. Фукуда, В.Г. Русаков и В.А. Дятлов оснастили автоматизированной установкой для проведения температурных измерений буровую скважину около поселка Черский (Нижнеколымский улус)⁷. Летом 1993–1995 гг. специалисты Института низких температур, участвовавшие в изысканиях 1992 г., сотрудники Исследовательского центра (г. Сендай, Япония) К. Сайджо [K. Sejo] и Технологического института (г. Токио, Япония) А. Акияма [A. Akiyama], Северной экспедиции МГУ (А.А. Архангелов — руководитель, В.Н. Государев, Б.А. Вакилов, В.Б. Лебедев, А.В. Мурадов, Г.А. Ржаницын, Ю.Г. Толпегин) и Института мерзлотоведения (В.В. Куницкий, М.Н. Григорьев, В.Г. Русаков и В.С. Любимов) провели полевые работы в районе Тикси и Черского, на островах Дашка и Муостах в районе устья Лены и территориях урочищ Ойгос Яр (прибрежная зона Яно-Индибирского междуречья), Дуванный Яр (низовья Колымы), а также на Новосибирском архипелаге (острова Большой Ляховский, Новая Сибирь, Фаддеевский, Котельный, Столбовый). Содержание и методика

исследований были аналогичны геокриологическим изысканиям, выполненным в 1992 г.⁸

В 1996–1999 гг. Институт мерзлотоведения и Институт низких температур сотрудничали по изучению арктических районов Якутии на основании Дополнительного соглашения к договору 1991 г.⁹ и договора 1997 г.¹⁰, в соответствии с которыми был продолжен мониторинг за температурой мерзлых пород на буровых скважинах близ Тикси и Черского. С российской стороны исследованиями руководил В.Г. Русаков, с японской – М. Фукуда¹¹.

В российско-японских биологических исследованиях с 1993 г. в рамках соглашения с Институтом биологии СО РАН стал участвовать Институт леса и лесных продуктов (г. Саппоро, Япония)¹². В договоре были предусмотрены следующие направления работ: спутниковые обзоры территорий и оценка их углеродного бюджета; учет динамики изменения биомассы и запаса углерода в лесных экосистемах; динамика фотосинтеза и дыхания при повышенных уровнях CO₂ (проводились лабораторные исследования в Японии. – А.С.); прогнозирование бюджета углерода в лесах разного типологического состава, а также выбор и анализ основных растений – индикаторов потепления климата в переходной зоне между тайгой и тундрой.

Хотя, в основном, совместные работы Института биологии и японских специалистов были организованы в центральной части Якутии и, в первую очередь, на станции «Спасская падь» (30 км севернее Якутска), часть изысканий прошла и за Северным полярным кругом. Всего же в 1992–1996 гг. были выполнены исследования в 9 пунктах, в том числе в районе поселка Жиганск (Жиганский улус), города Верхоянск (Верхоянский улус), Черского и Тикси¹³.

В этих изысканиях участвовали Н.Н. Винокуров, Р.В. Десяткин, Б.И. Иванов, А.П. Исаев, Т.Х. Максимов (Институт биологии СО РАН), Д.П. Ефремов (Министерство охраны природы РС(Я)) и японские специалисты: Т. Ишизаки [T. Ishizaki], Т. Сато [T. Sato], Ш. Тсуюзаки [S. Tsuyuzaki], М. Фукуда, К. Такахашаи [H. Takahashi] (Институт леса и лесных продуктов), А. Такенака [A. Takenaka] (Национальный институт по изучению окружающей среды, г. Цукуба), Й. Ямамура [Y. Yamamura] (Университет Ибараки) и А. Озава [A. Ozawa] (Токийский университет сельского хозяйства и технологий)¹⁴.

Ученые измерили уровень выделения углекислого газа почвой в разное время года и его поглощения древесно-кустарниковыми растениями, содержания в вечной мерзлоте органического углерода, азота и метана, изучили растительный покров низовий Колымы (характеристика высоты деревьев, их распределения в зависимости от ландшафта, оценка годового роста стволов)¹⁵. Причем, как отмечает Т.Х. Максимов, все полевые исследования выполнялись при помощи японских измерительных приборов, аналогов которым в Якутии не было. Без сотрудничества с японскими учеными невозможно было бы произвести и расшифровку полученного материала ввиду слабой лабораторной базы республики¹⁶.

Совместные российско-японские геокриологические и биологические изыскания позволили установить приблизительные объемы содержания парниковых газов (углерод, метан, азот) в вечной мерзлоте обследованных районов Якутии и их эмиссии, а также определить примерные показатели выделения названных газов в случае потепления климата и последующего таяния подземных льдов¹⁷. Кроме этого, на основе проведенных исследований специалисты составили прогноз смещения растительных зон Якутии в случае дальнейшего потепления климата¹⁸.

Одновременно в результате лабораторного анализа полученных во время полевых изысканий проб мерзлых пород ученые определили их возраст, химический состав и произвели реконструкцию древних условий окружающей среды. Проведенные изыскания способствовали восстановлению палеогеографических данных о растительном покрове и фауне исследованных районов, их геологической истории, условиях осадконакопления и формирования, температурном режиме в период 40–20 тыс. лет назад¹⁹.

В марте 1992 г. между Институтом мерзлотоведения и Национальным институтом по изучению окружающей среды был заключен договор о проведении совместных геохимических изысканий, призванных помочь в понимании «взаимосвязи экологической, геологической, химической и метеорологической систем в криолитозоне»²⁰.

В соответствии с указанным соглашением с 1994 г., когда в Тикси была размещена стационарная автоматическая газогеохимическая лаборатория, началось изучение состава атмосферных аэрозолей и газов²¹. На основе по-

лученных лабораторией данных В.Н. Макаров (Институт мерзлотоведения), С. Ота [S. Ohta], Т. Фуказавы [T. Fukasawa], Н. Мурао [N. Muraо] и С. Ямагата [S. Yamagata] (Университет Хоккайдо) установили уровень содержания в воздухе магния, кальция, натрия, аммония, сульфатов, нитратов, хлора, органического углерода и его сезонную зависимость, связанную с переменной ветров²². Ученые выяснили, что в районе Тикси нет серьезного загрязнения нижнего слоя атмосферы вредными веществами, а химический состав аэрозолей в нем близок к фоновым для арктических областей²³.

Проблеме изменения климата Земли было уделено серьезное внимание и в ходе реализации российско-немецкого проекта «Система моря Лаптевых-2000». Основным объектом изысканий в его рамках была вечная мерзлота и ее воздействие на регион моря Лаптевых. Проект выполнялся на основании соглашения между Институтом мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН и Институтом полярных и морских исследований им. Альфреда Вегенера (г. Бремерхафен, Германия), рассчитанного на три года (позже было пролонгировано. — А.С.), и был призван помочь «получить новые данные, которые позволят судить об изменении климата и гидросферы в прошлом и найдут применение при прогнозировании развития гидрологических и геокриологических систем Арктики и Субарктики»²⁴.

В исследованиях 1998–2000 гг. приняли участие российские специалисты Института мерзлотоведения СО РАН (М.Н. Григорьев, А.Н. Курчатова, С.О. Разумов, В.В. Куницкий, С.Н. Самсонов, И.И. Сыромятников), Международной биологической станции «Лена-Норденшельд» (В.И. Поздняков), ресурсного резервата «Лена-Дельта» (И.А. Ахмадеева, Д.В. Соловьева, Ю.М. Черкасова), Тиксинской гидробазы (В. Добробаба, Д.В. Мельниченко), Арктического и Антарктического научно-исследовательского института (ААНИИ, г. Санкт-Петербург), Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения, Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН (г. Санкт-Петербург), Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (г. Москва) и немецкие ученые из Музея естественных наук (г. Хемниц), Отделения геохронологии четвертичного периода Саксонской академии наук (г. Фрайберг), Ин-

ститут полярных и морских исследований им. Альфреда Вегенера, полярной экологии (г. Киль), почвоведения Гамбургского университета и геологии Фрайбергской Горной академии. Научную координацию осуществляли с российской стороны М.Н. Григорьев и Д.Ю. Большианов (ААНИИ), с немецкой — В. Рахольд [V. Rachold] (Институт полярных и морских исследований им. Альфреда Вегенера)²⁵.

Первая экспедиция по проекту «Система моря Лаптевых-2000» — «Дельта Лены 98» состоялась в июле–августе 1998 г. Изыскания проводили 30 ученых (16 человек представляли российские научные учреждения, 14 — немецкие) в составе четырех исследовательских групп, каждая из которых имела конкретные цели и участки работ.

Одна группа ученых исследовала остров Самойловский. Ее основной целью было изучение современных химических процессов, происходящих в вечной мерзлоте. В связи с этим междисциплинарные исследования были посвящены изучению сезонной изменчивости потоков углерода, подсчетам энергетического и водного баланса в активном слое почвы (верхний слой, подвергающийся сезонному протаиванию и промерзанию). Параллельно оценивались климатические и почвенные, микробиологические показатели, которые влияют на производство, окисление и интенсивность выбросов газов в многолетнемерзлых грунтах. Исследования включали измерение содержания метана в почве и эмиссии двуокиси углерода в системе «глубокие слои земли — дерн — растительность»²⁶.

Вторая группа работала над изучением древних и современных отложений в дельте Лены. Исследовались протоки устья реки, в том числе при помощи судна «Дунай» и вертолета — при изысканиях на озере Николай (глубина 26 м), на труднодоступном острове Арга-Муора-Сисе. Важное место в деятельности отряда заняло изучение динамики мерзлотных береговых процессов, а также различных аспектов влияния разрушения берегов на эко- и геосферу. В частности, специалисты дали количественную оценку сезонных изменений баланса веществ в устье Лены, современных и древних наносов в море Лаптевых²⁷.

Еще одна группа участников экспедиции «Дельта Лены 98» провела палеоклиматическое и палеоэкологическое изучение полуострова

Быковский. Ученые исследовали подземные льды с использованием различных методов изотопного и гидрохимического анализов для реконструкции климата и окружающей среды в период позднего плейстоцена (140 – 11 тыс. лет назад) и голоцена (11 тыс. лет назад – по наст. время)²⁸.

Наконец, четвертая группа изучала палеогеографию центральной части дельты Лены и озерные отложения на острове Сагастыр²⁹. Ученые, таким образом, работали в тех же местах, где сто семнадцатью годами ранее была расположена одна из станций для наблюдений по программе Первого Международного полярного года.

В следующем, 1999 г., состоялась вторая экспедиция по проекту «Система моря Лаптевых-2000», в которой приняли участие 43 специалиста (23 из России, 20 из Германии). На этот раз экспедиция работала уже в составе пяти групп, а изыскания проводились с мая до сентября.

Такое расширение временных рамок позволило ученым, работавшим на острове Самойловский, охватить своими исследованиями как летние условия, так и зимне-весенние, и в течение 4 месяцев вести непрерывные измерения содержания метана и эмиссии двуокси углерода³⁰.

Одновременно было продолжено изучение современных и древних отложений в дельте Лены и на побережье моря Лаптевых с целью углубления понимания генезиса глубоких озер и количественной оценки веществ, поступающих в море в результате обрушения берегов. Для чего были проведены исследования на островах Арга-Муора-Сиссе, Куба и Муостах, протоках устья Лены, а также на полуострове Широкостан и острове Макар (восточнее устья р. Яна)³¹.

Помимо этого, российские и немецкие ученые исследовали Оленекскую протоку дельты Лены, полуостров Быковский и остров Большой Ляховский. Основной целью этих изысканий была реконструкция условий климата и окружающей среды в эпоху позднего плейстоцена и голоцена, а также последующее сопоставление полученных данных между собой. В связи с этим специалисты изучили структуру кристаллов льда, различных типов почв, отобрали пробы пород для определения их возраста, собрали коллекцию останков ископаемых млекопитающих и растений³².

Изыскания 2000 г., в которых приняли участие 10 российских и 9 немецких ученых, были проведены в августе. Исследователи продолжили свою деятельность на острове Самойловский с целью изучения современных химических процессов в многолетней мерзлой породе в почве. При этом основное внимание было сосредоточено на анализе водно-энергетического баланса многолетнемерзлых грунтов, а также баланса метана и углекислоты³³.

Параллельно в ходе исследовательских работ на судне «Нептун» была собрана информация с датчиков, установленных в крупнейших протоках дельты Лены и бухте Тикси во время экспедиций 1998 и 1999 гг., регистрировавших температуру и уровень воды, а также продолжено изучение прибрежной эрозии и осадконакопления вдоль береговой линии в дельте Лены и западном секторе моря Лаптевых (Оленекский залив, устье рек Оленек и Анабар)³⁴.

Значительное внимание вновь уделялось получению данных об эволюции климата в эпоху позднего плейстоцена и голоцена. С этой целью было проведено междисциплинарное изучение (геологические и геокриологические обследования, отбор проб) ледовых отложений в протоках дельты Лены, хребте Чекановского, на полуострове Быковский и острове Самойловский³⁵.

Проведенные в рамках проекта «Система моря Лаптевых-2000» в 1998–2000 гг. изыскания помогли восполнить несколько пробелов в знаниях об исследованном регионе. Ученые установили существенное снижение темпов разрушения льдистых морских берегов в последнее десятилетие XX в., связанное, по мнению специалистов, с относительным похолоданием климата в Восточной Арктике, и одновременный рост скорости эрозии берегов в местах, испытывающих техногенные нагрузки³⁶. Кроме этого изыскания позволили определить итоговую массу наносов, выносимых в бассейн моря Лаптевых в результате разрушения берегов; выявить общее количество и содержание поступающих в море веществ с континента (как из-за эрозии береговой зоны, так и выносимые реками), включая органический углерод; оценить концентрацию парниковых газов (метан и углерод) в мерзлых породах и их выделение в результате оттаивания почвы в летние месяцы. Также работы по проекту способствовали получению новых данных об эволюции климата и окружающей среды ре-

гиона дельты Лены в позднем плейстоцене и голоцене.

Таким образом, проблема изменения климата Земли и возможность изучения в Якутии ее различных аспектов объединили усилия немецких, российских и японских исследователей. В результате ученые получили сведения о древней флоре и фауне исследованных территорий, их геологической истории, условиях осадконакопления, формирования и, главное, — температурного режима за период около 40 тысяч последних лет. Кроме того, специалисты оценили объемы содержания и эмиссии парниковых газов в мерзлых породах, изучили динамику температурного режима, показатели атмосферных аэрозолей и газов. Все это способствовало развитию научных представлений о глобальных климатических процессах, позволило ученым составить долгосрочные прогнозы изменения климата нашей планеты и, в частности, дало возможность говорить о цикличности данных трансформаций, при которой период потепления сменяет эпоха похолодания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

¹ Данные об организации и проведении совместных российско-японских геокриологических исследований в 1990–1995 гг. // Текущий архив Института мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН. — С. 1.

² Протокол о намерениях по проведению совместных геокриологических исследований Институтом низких температур (г. Саппоро, Япония) и Институтом мерзлотоведения СО АН СССР (г. Якутск, СССР), г. Якутск. 15 ноября 1990 г. // Там же.

³ Договор о проведении совместных научных исследований в области мерзлотоведения между Японией и СССР, г. Саппоро. 16 мая 1991 г. // Там же.

⁴ НА РС(Я). Ф. П-1534. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

⁵ Данные об организации и проведении совместных российско-японских геокриологических исследований в 1990–1995 гг. // Текущий архив Института мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН. — С. 2.

⁶ Там же. — С. 3.

⁷ Там же. — С. 4.

⁸ Там же. — С. 5–7.

⁹ Дополнительное соглашение к Договору между Институтом мерзлотоведения СО РАН (Россия) и Институтом низких температур, Университет Хоккайдо (Япония) о проведении совместных научных исследований в области мерзлотоведения, г. Якутск, 4 апреля 1996 г. // Там же.

¹⁰ Договор между Институтом мерзлотоведения СО РАН (Россия) и Институтом низких температур, Университет Хоккайдо (Япония) о проведении совместных научных исследований для изучения реакции криолитозоны на современное потепление климата. 26 августа 1997 г. // Там же.

¹¹ Институт мерзлотоведения им. академика П.И. Мельникова. Отчет о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности за 1996 г. // Там же. — С. 11; Отчет ... за 1998 г. // Там же. — С. 18; Отчет ... за 1999 г. // Там же. — С. 18

¹² Договор о сотрудничестве между Институтом биологии СО РАН (г. Якутск, Россия) и Институтом леса и лесных продуктов (г. Саппоро, Япония). 27.11.1992 // Текущий архив Института биологических проблем криолитозоны СО РАН.

¹³ Иванов Б.И., Максимов Т.Х. Российско-японские биологические исследования влияния климатических изменений на северные экосистемы // Климат и мерзлота: комплексные исследования в Якутии / Отв. ред. Г.Н. Максимов, А.Н. Федоров. — Якутск: ИМЗ СО РАН, 2000. — С. 151.

¹⁴ Proceedings of the Fourth Symposium on the Joint Siberian Permafrost studies between Japan and Russia in 1995 / Ed. M. Fukuda. — Sapporo: Kohsoku Printing Center, 1999. — 177 p.

¹⁵ Matsuura Y., Isaev A.P., Yefremov D.P. Soil-water-ground ice carbon and nitrogen storage of soils in Plaxino site, Kolyma lowland // Ibid. — P. 141–148; Sato T., Takahashi H., Ivanov B.I. et al. Changes in vegetation patterns and phytodiversity from taiga to steppe in micro scales // Ibid. — P. 36; Tsuyuzaki S., Ishizaki T., Sato T. Vegetation structure in gullies developed by the melting of ice wedges along Kolyma river, Northern Siberia // Ibid. — P. 9–16; et al.

¹⁶ НА РС(Я). Ф. П-1534. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Иванов Б.И., Максимов Т.Х. Указ. соч. — С. 151–152.

¹⁹ Fukuda M., Sento N., Kunitzky V.V. et al. Radio carbon dating results of organic materials obtained from Eastern Siberia permafrost // Proceedings of the Fourth Symposium ... — P. 155–164; Ishizaki T., Fukuda M., Kunitzky V.V. Water-soluble salts in the ice wedge in Kolyma Lowland // Ibid. — P. 149–154.

²⁰ Договор о проведении совместных геохимических исследований «Влияние глобального изменения климата на сибирские мерзлотные экосистемы» между Институтом мерзлотоведения Сибирского отделения Российской академии наук и Национальным институтом по изучению окружающей среды, Японское агентство охраны окружающей среды, Япония. 18 марта 1992 г., г. Цукуба, Япония // Текущий архив Института мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН.

²¹ Институт мерзлотоведения им. академика П.И. Мельникова. Отчет о научно-исследовательской работе и научно-организационной деятельности за 1994 год // Там же. — С. 11.

²² Ohta S., Fukasawa T., Muraio N. et al. Atmospheric aerosol concentrations at Yakutsk, Tiksi and Norilsk // Proceedings of the Fourth Symposium ... – P. 111–115.

²³ Институт мерзлотоведения им. академика П.И. Мельникова. Отчет о научно-исследовательской работе и научно-организационной деятельности за 1997 год // Текущий архив Института мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН. – С. 33.

²⁴ Договор о научном сотрудничестве между Институтом мерзлотоведения СО РАН (Якутск) и Институтом полярных и морских исследований (Бремерхафен) в области геокриологических и палеогеографических исследований в Якутии на 1997–2000 гг., г. Якутск. 15.04.1997 // Там же.

²⁵ List of participants // Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998 Expedition / Ed. V. Rachold, M.N. Grigoryev. Ber. Polarforsch. – 1999. – № 315. – P. 16–17; List of participants // Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Expedition LENA 1999 / Ed. V. Rachold, M.N. Grigoryev. Ber. Polarforsch. – 2000. – № 354. – P. 20–21; List of participants // Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Expedition LENA 2000 / Ed. V. Rachold, M.N. Grigoryev. Ber. Polarforsch. – 2001. – № 388. – P. 14–15.

²⁶ Pfeiffer E.-M., Akhmadeeva I., Becker H. et al. Modern processes in permafrost affected soils // Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Lena Delta 1998... – P. 19–80.

²⁷ Rachold V., Grigoryev M.N., Antonow M. et al. Modern Sedimentation and Environmental History of the Lena Delta // Ibid. – P. 81–144.

²⁸ Schirrmeister L., Siegert C., Kunitzky V. et al. Paleoclimate Signals of Ice-rich Permafrost // Ibid. ... – P. 145–258.

²⁹ Rachold V., Grigoryev M.N., Antonow M. et al. Modern Sedimentation and Environmental History of the Lena Delta // Ibid. – P. 81–144.

³⁰ Pfeiffer E.-M., Wagner D., Becker H. et al. Modern Processes in Permafrost Affected Soils // Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Expedition LENA 1999... – P. 22–54.

³¹ Rachold V., Grigoryev M.N., Schwamborn G. et al. Coastal Processes in the Laptev Sea and the Environmental History of the Lena Delta // Ibid. – P. 55–74, 92–112.

³² Kunitzky V., Schirrmeister L., Grosse G. et al. Quaternary deposits of Big Lyakhovsky Island // Ibid. – P. 113–168; Pavlova E.Yu., Dorozhkina M. Geological-geomorphological studies in the western and central sectors of the Lena Delta // Ibid. – P. 75–90; Pavlova E.Yu., Dorozhkina M., Kozlov V. Observations of water level oscillations in the Olenyokskaya Channel // Ibid. – P. 90–91; Sher A., Parmuzin I., Bortsov A et al. Ice Complex On Bykovsky Peninsula // Ibid. – P. 169–182.

³³ Wagner D., Kurchatova A., Stoof G. et al. Modern Processes in Permafrost Affected Soils // Russian-German Cooperation System Laptev Sea 2000: The Expedition LENA 2000 ... – P. 16–47.

³⁴ Rachold V., Grigoryev M.N., Antonow M. Coastal Processes in the Laptev Sea and the Environmental History of the Lena Delta // Ibid. – P. 48–64.

³⁵ Kunitzky V., Schirrmeister L., Grosse G. et al. Late Quaternary and recent environmental situation around the Olenyok Channel (western Lena Delta) and On Bykovsky Peninsula // Ibid. – P. 85–134; Pavlova E.Yu., Dorozhkina M. History of the relief formation of the western Lena Delta Sector in the late Pleistocene-Holocene // Ibid. – P. 65–77.

³⁶ Григорьев М.Н., Балобаев В.Т., Разумов С.О. и др. Научно-технический отчет о результатах НИР по проекту 16.5. «Эрозия льдистых берегов арктических морей». Программа 16 Президиума РАН «Мировой океан: геология дна, геодинамика, биология моря и экология». Якутск, 2002 // Текущий архив Института мерзлотоведения СО РАН. – С. 113.

A.A. Sulejmanov

The problem of climate change and international scientific cooperation in the Arctic regions of Yakutia in the late XX century

The most significant international research projects organized in the Arctic regions of Yakutia in the last decade of XX century to study various aspects of global climate change are considered in the article. It's noticed that the combined efforts of the Russian, German and Japanese researchers have enhanced the scientific understanding of Earth's geological history, the dynamics of the temperature, and set numerical targets for greenhouse gases in permafrost.

Keywords: Arctic, Yakutia, climate change, international cooperation, scientific research.

С.И. Боякова, Л.И. Винокурова, В.Б. Игнатьева, В.В. Филиппова

Социальные последствия и адаптация населения РС(Я) к чрезвычайным ситуациям природного характера (по материалам социологических исследований 2009–2010 гг.)*

В статье даны предварительные итоги социологических исследований 2009–2010 гг., проведенных в районах, подвергавшихся наводнениям за последние десятилетия. Выявлены оценки населением последствий чрезвычайных ситуаций природного характера. Полевые исследования показывают обеспокоенность сельских жителей отсутствием системного мониторинга текущих природных процессов, профилактики ожидаемых чрезвычайных ситуаций. Первичный анализ результатов 2009–2010 гг. высвечивает общественное мнение: местные муниципальные власти недооценивают масштабы и перспективы угрожающих природных изменений, обусловленных потеплением климата, и связанных с этим чрезвычайных и латентных ситуаций. Предпринимаемые меры зачастую носят формальный и эпизодический характер.

Ключевые слова: изменение климата, катастрофические наводнения, последствия, коренное население, общественное мнение, адаптация.

Все большую озабоченность в мире в последнее время вызывают вопросы безопасности человека и общества, тесно связанные с проблемой глобальных климатических изменений. Наиболее драматические коллизии, прямо или косвенно связанные с глобальным изменением климата, проявляются через фиксируемый рост природных катаклизмов, их ареала и масштабов увеличивающимися затратами на ликвидацию их последствий, а также неуклонным ухудшением состояния окружающей природной среды¹. В этой связи представляется необходимым обратить внимание на итоги социологических опросов населения Республики Саха (Якутия), которые показывают, что в последнее десятилетие проблемы стихийных бедствий постоянно входят в ряд факторов, вызывающих социальную напряженность в обществе. Общеизвестным является факт, что наибольшую опасность для населения и экономики Якутии представляют чрезвычайные ситуации природного характера, обусловленные наводнениями, лесными пожарами (рис. 1) и продолжительной засухой.

В создавшейся ситуации особенно важное значение приобретает изучение социальных последствий и выявление механизмов адапта-

ции населения региона к подобного рода чрезвычайным ситуациям. В указанном контексте специального изучения также требуют вопросы предупреждения и защиты населения от стихийных бедствий и их последствий, прежде всего, защиты населенных пунктов в период наводнений. Эти и другие вопросы легли в основу наших социологических исследований, проведенных в 2009–2010 гг. в Усть-Алданском, Мегино-Кангаласском, Олекминском и Верхоянском улусах РС(Я). Развернутые социологические исследования включали в себя массовый социологический опрос сельского населения и лейтмотивные и нарративные интервью с ключевыми информаторами (старожилы, краеведы, народные метеорологи, специалисты сельских администраций и учреждений). Анкетирование и интервьюирование жителей сел выявили общую картину социальной реакции на чрезвычайные ситуации природного характера, включая оценки действий власти и общества в экстремальных и латентных природно-климатических ситуациях.

В настоящее время подведены предварительные итоги наших исследований². В первую очередь нами выявлялись оценки населением последствий чрезвычайных ситуаций природ-

* Исследования проведены при поддержке РФФИ, проект №09-06-98503.

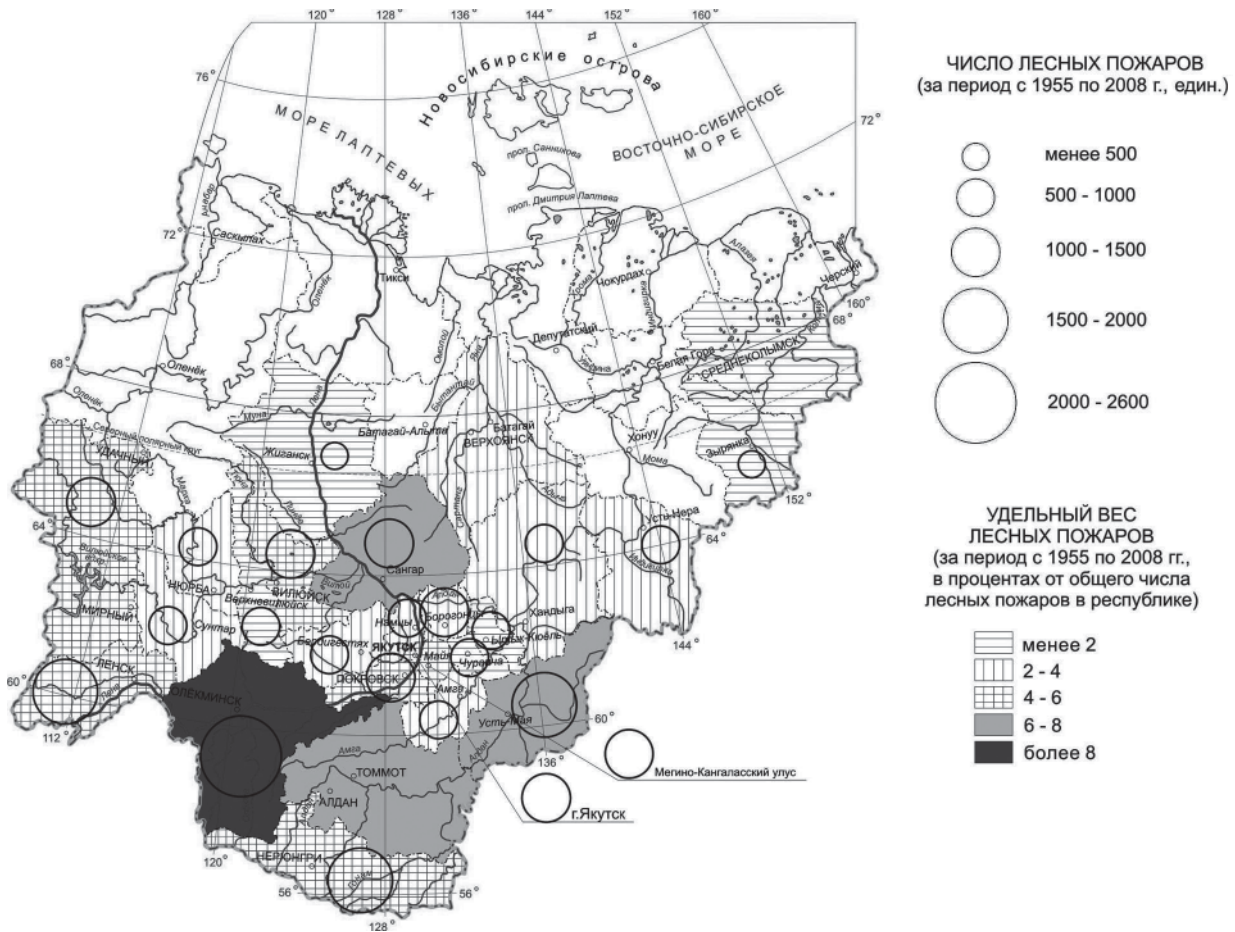

Рис. 1. Карта-схема лесных пожаров в Якутии. 1955–2008 гг.

ного характера. Материалы социологических опросов сравнивались с результатами интервью и бесед со старожилками, местными краеведами, ведущими самостоятельные наблюдения. По замечаниям последних, подтверждается факт потепления климата за последние 140 лет – десять самых жарких летних сезонов приходится на последние пятнадцать лет. И в этот период произошли крупные наводнения, разрушительные последствия которых в Якутии нами наблюдались по материалам 1998, 2001, 2007 и 2010 гг. (рис. 2).

Как показывают наши полевые исследования, опрошенные сельские респонденты обеспокоены отсутствием системного мониторинга текущих природных процессов, профилактики ожидаемых чрезвычайных ситуаций. Сельские жители, отмечая происходящие изменения окружающей природной среды, обеспокоены их вторжением в хозяйственную деятельность и повседневную жизнь. Они считают, что катастрофические наводнения, речные заторы и подтопления необходимо и возможно прогнозировать заранее. Колебания темпера-

турного режима сезонов, состояние грунтов и локальной фауны, по их мнению, могут и должны учитываться в краткосрочных прогнозах природных явлений. В трех центральных и в одном северном улусе Якутии в 2009–2010 гг. выявлены природные факторы, наиболее тревожные в социальном плане: это наводнения, таяние ледяного слоя в грунтах и пожары.

При этом в сфере взаимоотношений человека с природными чрезвычайными ситуациями весьма низок рейтинг местной муниципальной власти. У сельских жителей большую тревогу вызывает то, что разрушительные процессы практически не предупреждаются какими-либо природозащитными или восстановительными работами. Первичный анализ результатов анкетирования 2009–2010 гг. высвечивает общественное мнение: местные муниципальные власти недооценивают масштабы и перспективы угрожающих природных изменений, обусловленных потеплением климата, и связанных с этим чрезвычайных и латентных ситуаций. Предпринимаемые меры зачастую носят формальный и эпизодический характер.

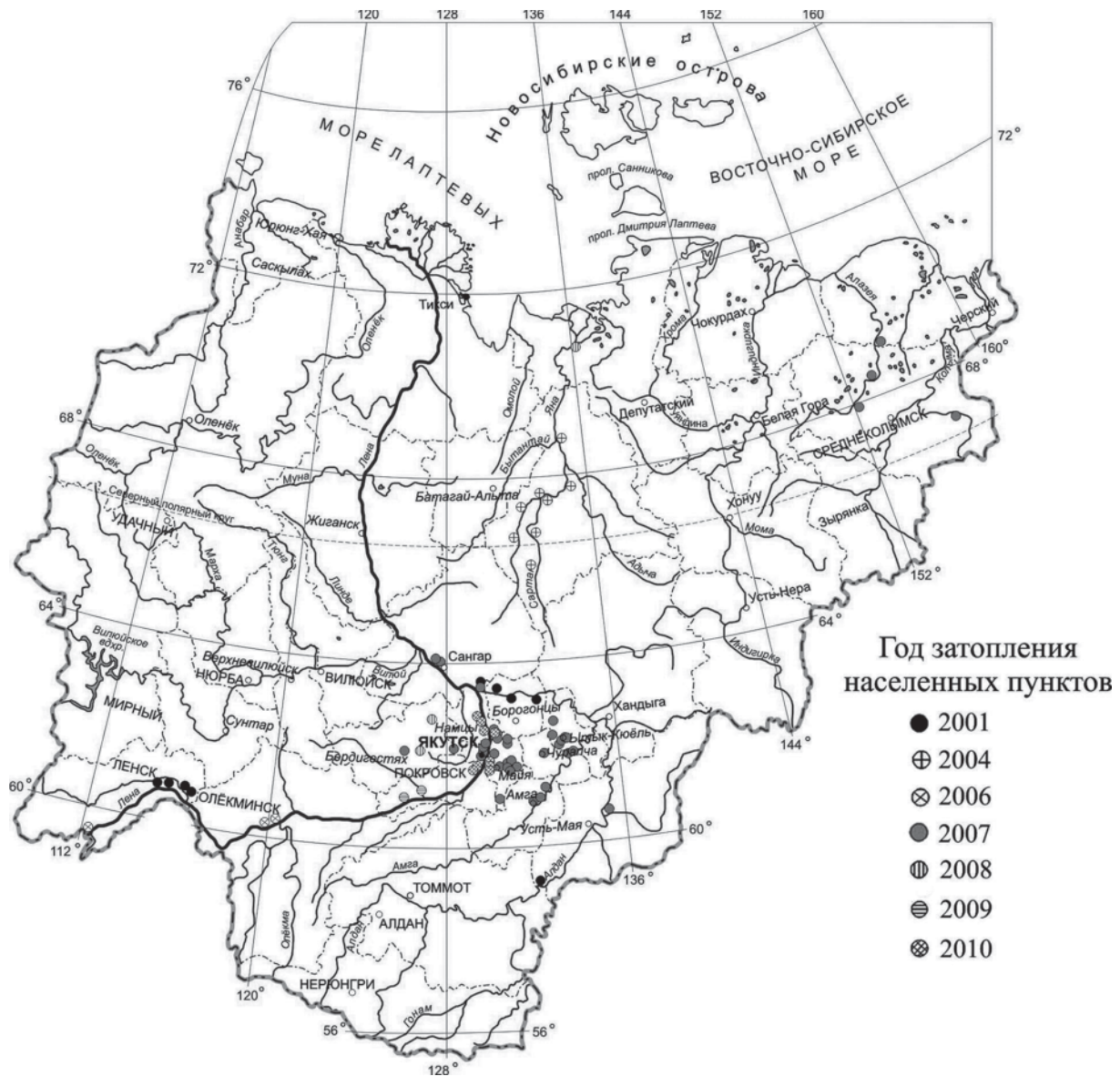

Рис. 2. Карта-схема наводнений в Якутии. 2001–2010 гг.

Кроме материалов соцопросов, нами накоплены документальные фото- и видеоматериалы, зафиксировавшие последствия природных катаклизмов и текущих (часто связанных именно с последствиями катастроф) природно-ландшафтных изменений. В социальном плане чреваты новыми вызовами: поврежденные таянием грунта дороги и линии электропередач, разрушение производственных и иных коммуникаций. Для многих якутских сел, расположенных вдоль рек и озер, стали обычными явления: обрушение берегов водоемов, наступление болот и воды на жилые и хозяйственные объекты.

Люди озабочены необходимостью адаптации к меняющимся условиям жизнедеятельности. Так, среди опрошенных в 2010г. в Верхоянском улусе почти 55% отметили, что место их постоянного проживания уязвимо для негативных природных явлений, при этом 77,4% опрошенных ожидают угрозы для здоровья человека. Показательно, что чрезвычайные ситуации как социальную опасность с серьезными и долговременными последствиями признают сельские жители всех возрастных групп, включая самых юных опрошенных – от 14 до 17 лет. Это характерно для всех улусов, где проводились социологические опросы, самым

значимым вызовом для молодых респондентов являются наводнения. Это при официально признанной постоянной угрозе подтоплений для 14,9% населенных пунктов республики, где проживает около 7% населения. Но в реальности происходит так, что в 1998 г., например, под воду ушли 205 населенных пунктов в 23 из 35 улусов Якутии. В отдельных районах — ниже города Ленска и по р. Алдан пострадало от 70 до 80% населенных пунктов.

Население достаточно критически оценивает готовность власти предотвратить чрезвычайные ситуации. В частности, в Верхоянском улусе 37,6% опрошенных не удовлетворены определенно или больше не удовлетворены, чем удовлетворены, деятельностью поселенческой власти в сфере предупреждения и защиты населения от катастроф природного характера. Довольны управлением в этом направлении или скорее довольны, чем нет, — 43,8% опрошенных. На уровне улуса действиями власти недовольны уже 38,4% опрошенных жителей, переживших наводнения и пожары, в том числе катастрофическое наводнение 2007 г. В целом довольны мерами защиты и устранения последствий природных катастроф около 42% жителей улуса.

условиям жизни и труда». 18,2% при невозможности вести прежнее хозяйство, скорее всего, покинут место жительства; затрудняются ответить 12,1% опрошенных.

Достаточно высоки ожидания сельских жителей от управленческой власти, в частности, 51,5% опрошенных в Верхоянском улусе считают, что необходимы обучающие семинары по адаптации к изменениям климата с целью сохранения традиционного образа жизни. При этом среди постоянного населения сел, охваченных исследованием, лица молодого и среднего возрастов склонны к миграции в случаях ухудшения экологической ситуации, угрозы целостности социальных коммуникаций и ухудшения состояния флоры и фауны. Данный фактор в сочетании с длительным миграционным исходом из сельской местности Якутии, постсоветской депрессии сельского хозяйства и промыслов может стать дестабилизирующим в сфере продовольственной и этносоциальной безопасности республики. Негативным социальным явлением следует также считать низкую в целом оценку сельским населением реальной деятельности и потенциальных возможностей муниципальных и республиканских структур власти в сфере предотвращения

Сельский сход в с. Бетенкес Верхоянского улуса во время наводнения 2004 г.

Население сельской Якутии вынуждено и в целом готово адаптироваться к латентным и экстремальным природным изменениям. По материалам Верхоянского улуса, 78,8% респондентов убеждены, что человек должен приспособиваться ко всем изменениям природы. Модели поведения в процессе адаптации, разумеется, различны. На вопрос нашей анкеты: «В случае усиления явлений изменений климата в ближайшие годы, что именно Вы собираетесь предпринять?» — в Верхоянском улусе 63,6% опрошенных выбрали ответ «Постараюсь адаптироваться к изменившимся

или ликвидации последствий природно-климатических бедствий. Отсутствие ожиданий эффективности действий со стороны муниципальных и государственных органов характерны для респондентов всех возрастных групп.

Анализ предпринятых в отношении села Кыллах Олекминского улуса мер по его переносу показал, что есть и будут самые разные социальные трудности даже при таком радикальном решении предотвращения катастроф. Проводятся работы по переносу села в строящийся новый поселок в местности Даппарай на общую сумму около 953 млн руб. Уже по-

строено 70 домов, но переехало около 100 чел. В 2001 г. в затапливаемом Кыллахе проживало 1054 чел., а в 2010 г. — 1181 чел. Причина такой стабильности при перспективах переезда — в отсутствии учета на новом месте основ жизнедеятельности. Здесь нет сельхозугодий и достаточной площади для приусадебных хозяйств, частного животноводства. Типовые дома не рассчитаны для условий Якутии, опрошенные переселенцы из Кыллаха Олекминского улуса жалуются на холод в новых домах.

Результаты социологических исследований подтверждают, что природно-климатические изменения и связанные с ними чрезвычайные ситуации многократно увеличивают и обостряют повсеместно существующие социальные, экономические и экологические проблемы сельского населения и, таким образом, могут

быть признаны угрозой для безопасности их жизнедеятельности. Вместе с тем климатически обусловленным изменениям окружающей среды, определяющим прогнозируемую длительную бедность сельских жителей и даже лишение их постоянного места жительства, уделяется очень мало внимания как вопросу их безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Боякова С.И., Винокурова Л.И., Игнатьева В.Б., Филиппова В.В. Якутия в условиях глобальных климатических изменений: уязвимость, риски, социальная адаптация // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2010. № 1 (1). — С. 22–25.

² В статье использованы полевые материалы авторов за 2009–2010 гг., собранные в Центральной и Северной Якутии.

S.I. Boyakova, L.I. Vinokurova, V.B. Ignatjeva, V.V. Filippova

Social consequences and adaptation of the population of the Sakha Republic (Yakutia) to the extreme situations of natural character (based on materials of sociological investigation in 2009–2010)

The article gives preliminary results of sociological investigation in 2009–2010 conducted in regions which were flooded in the last decades. We have revealed the population's estimates of consequences of extreme situations of natural character. Field investigations show that the countryside population is worried by the lack of systematic monitoring of current natural processes, prevention of expected extreme situations. A primary analysis of results of 2009–2010 reveals public opinion: local authorities underestimate scales and perspectives of threatening natural changes connected with climatic warming and subsequent extreme and latent situations. Measures undertaken often carry a formal and episodic character.

Keywords: climate change, catastrophic flooding, consequences, local population, public opinion, adaptation.

УДК 391/397(=554)(571.65)

П.Е. Прокопьева, В.И. Шадрин, А.Е. Прокопьева

Коркодонские юкагиры в начале XXI века*

В статье дана характеристика основных результатов, полученных во время экспедиции к юкагирам Среднеканского района Магаданской области 2011 г. Представлены данные относительно этнокультурной и социально-экономической ситуации у исследуемой группы юкагиров, описаны собранные языковые, фольклорные и этнографические материалы.

Ключевые слова: лесные юкагиры, коркодонская группа, этнокультурная ситуация, этническое самосознание, юкагирский язык, фольклор, традиционное мировоззрение.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-11-14601е/Т «Этнокультурная ситуация у коркодонских юкагиров».

Статья освещает результаты экспедиции в Магаданскую область 2011 г., состоявшейся в рамках реализации гранта РГНФ «Этнокультурная ситуация у коркодонских юкагиров». Цели экспедиционной поездки — изучение этнокультурной и социально-экономической ситуации у коркодонской группы лесных юкагиров, сбор у них языкового, фольклорного и этнографического материалов.

Магаданская область, наряду с Республикой Саха (Якутия) и Чукотским автономным округом, является регионом расселения коренного малочисленного народа Севера — юкагиров. В 2002 г., по данным Всероссийской переписи населения, численность юкагиров в Российской Федерации составляла 1509 чел., из них 79 насчитывалось в Магаданской области*. Здесь они в основном проживают в п. Сеймчан Среднеканского района.

Лесные юкагиры считаются коренными жителями верхней Колымы. В прошлом в их составе выделяли две группы, обозначенные самими юкагирами по территориальному признаку, — ясачинскую и коркодонскую (по названиям рр. Ясачная и Коркодон).

Первое описание коркодонской группы дал в конце XIX — начале XX в. известный ученый-северовед В.И. Иохельсон¹. Как следует из материалов исследователя, ранее коркодонские юкагиры представляли один из трех родов лесных юкагиров с названием *Мэдьвид омок* «Нартенный род»². В 1850-х гг. по причине малочисленности три рода официально были объединены в *Чолбород омок* 'Заячий род', именуемый по самоназванию юкагиров рр. Ясачная, но верхнеколымские юкагиры продолжали располагаться и кочевать по местам расселения своих предков. По переписи в 1897 г., численность объединенного Заячьего рода составляла всего 79 человек. В том же году вместе с остатками юкагирских родов на рр. Ясачная и Коркодон проживали 80 юкагиризированных ламутов (эвенов) Второго Каменно-дедянского рода³.

* Согласно переписи 2002 г., в Республике Саха (Якутия) проживало 1097 юкагиров, в Чукотском автономном округе — 185.

Коркодонские юкагиры.

Фото из семейного архива В.Б. Будановой

Сведения о коркодонских юкагирах содержатся в трудах юкагирского ученого Н.И. Спиридонова — Тэки Одулока «Одулы (юкагиры) Колымского округа» и «На Крайнем Севере» (1933)⁴. Во время его работы у юкагиров их насчитывалось чуть более 50 человек, проживали коркодонцы в стойбищах Коркодон, Столбовое, Чингэндже, Усть-Шайдан, Устье Бургала и Хиетачан⁵.

В 1955—1956 гг. социально-экономическое положение данной группы было изучено известным этнографом И.С. Гурвичем. В 1959 г. ученый принял участие в работе комплексной экспедиции Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, в задачи которой входили сбор данных по языку, фольклору, культуре и быту юкагиров, антропологическое обследование юкагирского населения, изучение этнических процессов. Во время экспедиционных работ основными местами проживания коркодонских юкагиров являлись с. Балыгычан и п. Сеймчан Магаданской области. Материалы, собранные в процессе исследований, были опубликованы в 1975 г. в коллективной монографии «Юкагиры: историко-этнографический очерк»⁶.

Изучение научной литературы и архивных документов позволяет проследить историю коркодонской группы юкагиров от советского периода до наших дней.

В советское время планомерно проводилась политика перевода коренного населения на оседлость и коллективизации хозяйства. Первая попытка организации у коркодонских юкагиров коллективного хозяйства была пред-

принята в 1927 г., когда Дальгосторг организовал первичный кооператив «Юкагир» в районе р. Коркодон.

В 1931 г. у коркодонских юкагиров создали оленеводческо-транспортную, охотничье-рыболовную артель «Новый путь», ориентированную на ведение традиционных видов хозяйствования. В связи с этим в районе р. Столбовая и устья Коркодона были построены рубленные дома.

В 1942 г. из-за малочисленности и сильнейшего наводнения, постигшего Коркодон, Коркодонский сельский Совет был упразднен. Артель коркодонских юкагиров «Новый путь» объединили с якутским колхозом с. Балыгычан. В результате слияния был создан новый колхоз им. III Пятилетки, занятиями которого являлись животноводство и огородничество.

В 1948 г., по данным Похозяйственной книги по учету населения, в Балыгычанском сельском совете числился 121 чел., в том числе 32 юкагира*. В 1959 г. комплексная экспедиция выявила в с. Балыгычан всего 20 юкагиров⁷.

Поселкование и укрупнение колхозов привели к ломке у юкагиров привычных форм быта, частичному отказу от традиционного хозяйства, переезду части коркодонских юкагиров в с. Нелемное Верхнеколымского района Якутии (место компактного поселения ясачнинских юкагиров). Проживание в среде интонационального преобладания способствовало усилению ассимиляционных процессов, сужению сферы функционирования юкагирского языка, утрачиванию традиционной культуры юкагиров. Фактическое закрытие с. Балыгычан в конце 1980-х годов и переезд оставшейся части юкагиров в п. Сеймчан, находящийся в 450 км от их родовых угодий на р. Коркодон, повлияли на то, что юкагиры почти полностью прекратили заниматься охотой и рыболовством.

В рамках исследования этнокультурной и социально-экономической ситуации у коркодонских** юкагиров в ходе экспедиции 2011 г. были проведены интервьюирование представителей

Юкагиры п. Сеймчан. Слева направо:
А.П. Коруна, Н.П. Мачулина, Д. П. Борисова

органов государственной власти и местного самоуправления, активистов общественных организаций коренных малочисленных народов Севера, работников учреждений культуры, науки и образования, анкетирование среди юкагиров.

В настоящее время в п. Сеймчан Среднеканского района проживает около 2800 чел. На 01.01.2011 г., согласно статданным учета представителей коренных малочисленных народов Севера районной администрации, в районе насчитывалось 69 юкагиров, 68 – зарегистрированы в п. Сеймчан.

По половозрастному составу юкагиров Среднеканского района выявлено следующее: несовершеннолетние составляют 31,8% (22 чел.), люди трудоспособного возраста (до 55 лет) – 58% (40 чел.), пожилые люди (старше 55 лет) – 10% (7 чел.). Представителей мужского пола – 52% (36 чел.), женского – 48% (33 чел.), в том числе несовершеннолетних 32% (22 чел.), из них – мальчиков 68% (15 чел.), девочек 32% (7 чел.). Только 5,8% юкагиров (4 чел.) старше 60 лет, в их числе лишь 1 мужчина.

Для определения семейного положения, образования, занятости и уровня этнокультурной идентификации коркодонских юкаги-

* Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-43. Оп. 1, Д. 80, Л. 11–16.

** Сегодня понятие «коркодонские юкагиры» достаточно условно. В прошлом в основе разделения лесных юкагиров на ясачнинских и коркодонских лежали родовое происхождение и место расселения, при этом группы были тесно связаны между собой родственными отношениями. В настоящее время среди лесных юкагиров память об этнических группах продолжает сохраняться. Так, в Верхнеколымском улусе Якутии проживают семьи Дьячковых, Шадриных и др., признающие себя потомками коркодонских юкагиров, Д.П. Борисова, переселившаяся в п. Сеймчан из с. Нелемное, относит себя к ясачнинским юкагирам. Используя общепринятый термин, мы вкладываем в понятие «коркодонская группа лесных юкагиров» территориальную принадлежность и подразумеваем юкагиров Среднеканского района Магаданской области.

ров было проведено сплошное анкетирование (ввиду малочисленности группы), которым охвачено 24 юкагира старше 18 лет, это 51% общей численности юкагиров старше 18 лет, в том числе 33% мужчин и 67% женщин. Среди респондентов молодые люди (18–25 лет) составляют 21%, люди среднего возраста (26–40 лет) – 37,5%, люди старшего возраста (41–60 лет) – 29%, люди старше 60 лет – 12,5%.

Результаты анкетирования показывают, что 37,5% чел. (из них 33,3% составляют мужчины и 66,7% – женщины) не состоят в браке, в том числе 33% – люди до 45 лет, что составляет 50% общего количества людей фертильного возраста. Состоят в браке 62,5% чел., из них 33,3% – мужчины и 66,7% – женщины.

Из общего числа респондентов имеют неполное среднее образование 16,7%, причем 8% – люди моложе 30 лет (это 28% респондентов до 30 лет), только среднее образование имеют 20,8% юкагиров, среднее специальное – 37,5%, неоконченное высшее – 16,7%, высшее образование – 12,5%. Из молодых людей до 35 лет 33,3% не имеют полного среднего и среднего специального образования.

По итогам анкетирования складывается следующая картина занятости: 21% являются пенсионерами, 42% работают в бюджетной сфере, 29% – в частном бизнесе, 4% – безработные и 4% – студенты. Из числа работающих 53% заняты малоквалифицированным трудом, в том числе 11% – это мужчины.

Таким образом, экспедиционные материалы позволяют говорить о том, что у юкагиров наблюдаются невысокая продолжительность жизни, особенно у мужчин; значительное количество людей фертильного возраста, не состоящих в браке; большое число молодых людей, не имеющих среднего и специального образования; высока доля людей, занятых малоквалифицированным трудом.

Результаты экспедиции подтверждают тот факт, что юкагирский язык находится на грани исчезновения. Из общего числа исследуемой группы юкагиров (69 чел.) только 3 (4%) являются носителями юкагирского языка, 3 слабо владеют родным языком, 6 знают несколько слов. Из числа юкагиров, принявших участие в анкетировании, только 41,7% (10 чел.) назвали юкагирский родным языком. Эти показатели коррелируются с данными переписи 2002 г., когда 13 чел. в Магаданской области указали на юкагирский язык как на родной.

Можно констатировать, что язык перестал быть основным критерием этнической иден-

тификации для юкагиров. Тем не менее из анкетированных 83% сказали, что знание языка необходимо при этнической идентификации, а 100% отметили, что желают знать родной язык.

Материалы экспедиции свидетельствуют о том, что традиционная этническая культура у исследуемой группы юкагиров практически утрачена.

Основу традиционного хозяйства лесных юкагиров издревле составляли охота и рыболовство. Считается, что главным образом в сфере традиционных промыслов проявляется сохранность материальной и духовной культуры: именно здесь используются национальные одежда и инвентарь, сберегается этническая кухня, продолжают функционировать традиционные представления и обычаи. Но в настоящее время среди юкагиров Среднеканского района не выявлено ни одного человека, занятого в традиционных отраслях хозяйственной деятельности. Среди анкетированных 37,5% мужчин отметили, что изредка охотятся или рыбачат в свободное время. Интересно, что 79% из числа респондентов подчеркнули значимость традиционных промыслов для этнической идентификации.

Судя по данным интервьюирования и анкетирования, большинство юкагиров не имеют представления об обрядах и обычаях своего народа, не располагают знаниями о родном фольклоре. При пошиве национальной одежды для районного праздника летом 2011 г. источниками сведений о традиционном костюме стали книги и Интернет. Однако 96% опрошенных юкагиров считают, что знать культуру своего народа важно.

Одним из главных факторов этнической самоидентификации 87,5% респондентов назвали семейно-родовую принадлежность. При этом столько же процентов юкагиров признают, что они – потомки смешанных браков. Следует заметить, что среди среднеканских юкагиров нет ни одного человека, у которого предками до третьего колена были только юкагиры.

Несмотря на неблагоприятную этнокультурную ситуацию, у сеймчанских юкагиров отмечается высокий уровень этнического самосознания. Из опрошенных юкагиров, как было указано выше, 100% хотят знать родной язык и культуру, 92% желают, чтобы юкагирский язык изучали их дети.

Очевидно, что в условиях отсутствия объективных этнических признаков (язык, тради-

ционная культура, традиционное хозяйство) основой для этноидентификации у юкагиrow становится этническое самосознание, которое обуславливается целым рядом субъективных аспектов. Можно говорить о следующих основных факторах, влияющих на самоидентификацию:

1. Социально-экономические факторы. Известно, что этническая идентификация у коренных малочисленных народов Севера в последние годы не ослабевает, а, напротив, актуализируется. Основой данного процесса является признание международным сообществом прав коренных народов (Декларация ООН о правах коренных народов 2007 г.). В Российской Федерации также развиваются федеральное и региональное законодательство в области прав коренных малочисленных народов Севера, Правительством РФ утверждена Концепция развития этих народов до 2018 г. В Магаданской области действуют программы поддержки коренного населения, ориентированные на получение ими некоторых преференций. Так, предусматриваются бесплатное лекарственное обеспечение, зубопротезирование, компенсация стоимости проезда к месту специализированного лечения в государственных учреждениях здравоохранения, единовременные выплаты женщинам в связи с беременностью и рождением ребенка и др. Действует система льготных мест при поступлении в учебные заведения Магаданской области. Региональной особенностью является обеспечение представителей коренных народов Севера рыбной продукцией в количестве до 100 кг на 1 человека в год. Все большее значение приобретает положение федерального законодательства, по которому общины и предприятия коренных малочисленных народов Севера имеют приоритетное право закрепления охотничьих и рыболовных участков, а сами представители этих народов для котлового питания могут заниматься рыболовством и охотиться без особых ограничений. Таким образом, признание себя представителем коренных малочисленных народов Севера может являться фактором, позволяющим более успешно адаптироваться к современным экономическим условиям.

2. Аффективные аспекты. Аффективные, т.е. иррациональные, компоненты этнической идентичности отражают отношение к собственной этнической общности. Одним из основных моментов является престижность/значимость своего народа среди окружающих.

В.Б. Буданова,
носитель юкагирского языка и культуры

Важным фактором повышения самооценки является внимание российских и зарубежных исследователей к языку и культуре юкагиrow.

3. Общественно-административная деятельность. Одним из внешних факторов сохранения идентичности остаются административные факторы. Магаданская область официально является местом компактного проживания юкагиrow, это подчеркивается во многих официальных документах. В области ведется постоянный учет представителей коренных малочисленных народов Севера, включая юкагиrow. В последние годы при проведении областных культурных мероприятий в состав делегации Среднеканского района включают представителей от юкагиrow. С другой стороны, сами юкагиры стали принимать активное участие в общественной работе по пропаганде родного языка и культуры. Так, в рамках деятельности клуба «Олох» при районной библиотеке стали проводить занятия по юкагирскому языку с детьми школьного возраста, что получило широкий резонанс среди жителей Сеймчана, а летом 2011 г. две женщины сшили национальные костюмы для участия в районных и областных мероприятиях.

Из сказанного следует, что этническая идентичность коркодонских юкагиrow сохраняется, при этом она не статична, а динамично реагирует на изменения в жизни общества.

Помимо изучения этнокультурной ситуации, другим направлением экспедиционной программы являлся сбор языковых, фольклорных и этнографических материалов.

Общий объем языкового материала, собранного от двух носителей юкагирского языка – В.Б. Будановой и Д.П. Борисовой, составляет около 240 мин. записи на диктофоне.

От информантов записаны несколько фольклорных текстов, рассказы на темы «Моя семья», «Моя автобиография», «Игры моего детства», воспоминания. В процессе сбора зафиксированы не зарегистрированные ранее лексические единицы, видовые и залоговые формы некоторых глаголов, например: **альэш-** – *перех. страд.* обделить; **шолгэсь-** – *неперех.* упасть в обморок; **йохсии-** – *перех.* додумываться; **нингжиэну-** – *продолж.* от **нингжэ-**: пищать, визжать; и др.

Проведена специальная работа по уточнению значений и выявлению грамматических форм отдельных слов, записаны фразовые примеры к ним: **йэнгисьэшоо-** – *страд.* от **йэнгисьэш-**: быть украшенным. Мэт эрбаха пугэлбиэлэ йэнгисьэшоой. – Мое платье украшено мехом; **пулдэндьигиэ** – *сущ.* утка-нырок. Адин оожии нодо – пулдэндьигиэк. Эта утка – нырок; **пулдэндьигидэ** – *деепр.* ныряя. Адин оожии нодо пулдэндьигидэ йиэрэй. – Эта утка, ныряя, плавает; и др.

Отдельно выполнена работа по сбору юкагирских антропонимов, записаны такие прозвища, как: *Норхуча* (от норхофоо- – быть подвижным, вертлявым), *Тохуйаан*, *Тохсьаа* (от тофоо- – быть густым, человека называли так потому, что у него были густые волосы), *Хаахаадиэ* (от хаахаа – дедушка), *Аннойхаадиэ*, *Тизпуньяа*, *Кушэндьяа*, *Хонгоштиэ*, *Алундиэ*, *Танбарчик*, *Мэлэкуудиэ*, *Номтобандиэ* (не этимологизируются) и др.

Записанные материалы интересны с точки зрения развития звукового строя юкагирского языка. В современном языке лесных юкагиров, потомков рассеянных в прошлом по верховьям р. Колыма родов, выявляется немало фонетических вариантов (*ж-р*, *м-б*, *у-б* и др.), которые указывают на существовавшие языковые различия. В речи юкагиров, проживающих в п. Сеймчан, выявлены следующие варианты произношения: *сь* (-ч) (*сиэсьэ* ~ *чиэдэ* «зима», *сьаасьяа* ~ *чаачаа* «старший брат»), *зь* (-дь) (*йэ-льоозьэ* ~ *йэ-льоодьэ*, *йуозьэ* ~ *йуодьэ* «рана; нарыв»). То, что языковые особенности имели

Сын коркодонской юкагирики А.Д. Солнцевой
А.С. Шохин

место быть, подтверждают воспоминания юкагиров. Так, А.С. Шохин (1954 г.р.) рассказал: «Вот Тохуян, Николай Николаевич, тот грубее разговаривал. Все время тетю Олю (свою жену) поправлял: «Вот так правильно». Она: «Вот у нас так принято».

В речи знатоков юкагирского языка отмечается употребление некоторых якутских слов: *наар* «всегда», *набаа* «очень» (есть производное от него – *наа*), *анаан* «нарочно», *тохофо* «гвоздь» и др. Как известно, лесные юкагиры, в том числе коркодонские, тесно общались с верхнеколымскими якутами, многие юкагиры хорошо знали якутский язык. Об этом говорят и сами юкагиры: «Все владели якутским языком. Они свободно переходили на якутский. Говорили на юкагирском, потом тут же на якутском» (А.С. Шохин). В отдельных случаях использования якутизмов (слово *наар*) можно говорить о заимствовании, в других (слово *тохофо*) – о факте двуязычия.

Интересные данные по юкагирскому языку обнаружены в Государственном архиве Магаданской области. Так, в документах под названием «Материалы (сведения, доклады) о коренном населении Колымского края за 1933–1941 гг.»* найден небольшой список юкагирских слов. Среди них есть не зафиксированные прежде в данных значениях слова: *чолхоро мэй-нугэ* «полярная сова», *андила* – «ястреб»**. В записях обнаружен вариант слова россомаха – *арнумуйаа*, до этого были известны варианты *арнуйаа* и *арнубуйаа*.

* ГАМО. Ф. Р-50, Оп. 1, Д. № 17, Л. 9-об.

** В «Словаре юкагирско-русском и русско-юкагирском (верхнеколымский диалект)» И.А. Николаевой и В.Г. Шалугина словом *чолборо мэйнугиэ* обозначен «ястреб», а словом *андилэ* – «сокол».

Во время экспедиции зафиксировано всего несколько фольклорных образцов: две сказки, одна песня, два варианта детской песни, две песенки, посвященные конкретному лицу. Информантами явились В.Б. Буданова (1935 г. р.), Д.П. Борисова (1946 г. р.) и Е.А. Миронова (1955 г.р.).

В первой сказке, рассказанной Д.П. Борисовой, говорится о том, как неблагодарный Заяц бежит от своей матери-человека, которая кормит его своей грудью, в тайгу. Произведение относится к известному у юкагиrow циклу о хитром и ловком Зайце. Впервые тексты о нем записал в конце XIX в. известный ученый-северовед В.И. Иохельсон. Носителями цикла являлись представители Заячьего рода, и данный факт позволил исследователю выдвинуть предположение о том, что заяц когда-то являлся тотемом рода⁸. Произведение, зафиксированное от Д.П. Борисовой, представляет собой один из образцов, свидетельствующих о процессах трансформации сюжетов о Зайце. Для записанных ранее текстов характерны мотивы подготовки людей к съедению Зайца (изготовление посуды), поиска и поимки беглеца, в некоторых современных вариантах данные мотивы отсутствуют.

Вторая сказка рассказывает о двух сестрах, одна из которых – работящая, другая – ленивая. В образе ленивицы сказка тонко высмеивает неприемлемые для жителя Севера лень и безделье: когда горит дом сестер, ленивая девушка, которую вытащила из горящего дома сестра, сожалеет об оставшейся там веревке для собаки.

Песня, пропетая Д.П. Борисовой, – одна из многочисленных вариаций популярной у лесных юкагиrow песни о неразделенной любви «Ярхадана»:

Крутой нъаасил чофосьаа

<i>будиэ</i>	На крутом берегу
<i>Нолуттэдиэ обоонил,</i>	Ивушки стоят,
<i>Чиэсьэ илэйэ титтэгэлэ</i>	Холодный ветер их
<i>Йэрхужэшит огиэжшм.</i>	Покачивает и придерживает...

От Д.П. Борисовой и Е.А. Мироновой записаны два варианта детской песенки о танце «кабардинка». Слова песни указывают на то, что она была сочинена в современное время, тем не менее, произведение представляет интерес с точки зрения развития песенной культуры юкагиrow и языковых данных.

Куриэба пиччиидиэ модой, На заборе птичка сидела,
Титимиз йахтэлэк йахтэй: И такую песенку пела:
«*Куи мэт мурэ шашабоонуй,* «Пусть мои ботинки рваные,
Кабардинка лондоги лондойо». Я танцую танец кабардинку».

До недавнего времени у юкагиrow бытовали импровизированные песенки, адресованные конкретному человеку. В них подмечались внешность, характер, особенности поведения того, о ком пели. Например, образец, записанный от В.Б. Будановой, – это музыкальная характеристика походки любимого человека:

Папакэ, тэтэкэ, тандаа кэлул... Папочка, тэтэкэ, вон идет...

Интересны воспоминания людей старшего поколения о том, какое место занимали песни в жизни юкагиrow. По рассказам информантов, юкагиры очень любили петь. «Он (Н.Н. Дьячков, 1912 г.р.) всегда ночью пел. Мог полночи петь. Протяжные. Он сядет в палатке, поет и поет. Наверное, про свою жизнь и то, что он видит, природу» (сообщение А.С. Шохина). Про свою мать А.С. Шохин рассказал, что она с сестрой «утром рано почему-то сидели на речке, уходили вдвоем, я приходил послушать, они вдвоем сидят, поют по-своему. Чаще грустные песни пели. Они очень хорошо отзывались о том месте, где родились. Говорили, что там хорошие люди жили, но их никого не осталось».

В процессе опросов выяснилось, что наши собеседники старшего поколения в основном не помнят содержание юкагиrowских сказок, но некоторым из них знакомы популярные герои юкагиrowского сказочного фольклора, например, Заяц, Чарчахан (имя человека) и др.

Сохраняются воспоминания о том, что у юкагиrow бытовали исторические предания о межплеменных столкновениях: «Часто мне об этом (войнах с коряками) рассказывал Николай Николаевич. Он говорил: «Я тебя когда-нибудь свожу на то место, где возьмешь стрелу, а она в руках рассыпается от старости» (А.С. Шохин).

Несколько фольклорных текстов, записанных в разные годы от коркодонских юкагиrow («Петр Бэрбэкин и хмель», «Дэбэгэй», «Зайчик» и др.), хранятся в Среднеканском районном краеведческом музее. Директор музея С.А. Ярышева предоставила участникам экспедиции копии этих материалов. Кроме того, в музее есть магнитофонные записи, сделанные С.А. Ярышевой у юкагиrow с. Нелемное Верхнеколымского улуса Якутии. Они также были переданы исследователям.

В ходе бесед со старожилками получены ценные сведения по традиционному мировоз-

зрению юкагиров, которые дополняют ранее зафиксированные исследователями материалы.

Записанные в Сеймчане рассказы подтверждают, что юкагиры верили в возвращение души. Считалось, что душа умершего человека способна вернуться в семью, вселившись в новорожденного. Душу возвратившегося «узнавали» по отметинам на теле ребенка, особенностям его поведения. Также думали, что умерший мог сам возвестить о своем скором приходе, явившись во сне. «Угадать» душу можно было и позже — из рассказов ребенка о его «прошлой» жизни. Как правило, младенцу, чья душа была «узнана», присваивалось имя вернувшегося родственника. В современное время у лесных юкагиров в реинкарнацию верят, прежде всего, старейшины — люди, выросшие в традиционной юкагирской среде, часть людей старшего поколения относится к древнему поверью если не с убежденностью, то толерантно. Как рассказала нам Д.П. Борисова, когда она родила первенца, одной ее родственнице приснился умерший муж, поэтому та попросила назвать ребенка его именем. А.С. Шохин, вспоминая коркодонского юкагира Н.Н. Дьячкова, сообщил: «Он говорил, человек повторяется. Повториться может, на бабушку или на дедушку похож».

Как поведала В.Б. Буданова, юкагиры также верили в то, что умерший человек способен обернуться птичкой. Аналогичные представления существуют у ясачнинских юкагиров с. Нелемное.

Экспедиционные материалы свидетельствуют о бытовавших у юкагиров верованиях и обычаях, связанных с традиционной промысловой деятельностью — рыболовством и охотой. По словам А.С. Шохина, коркодонский юкагир Н.Н. Дьячков, с которым он много общался, говорил о том, что юкагиры очень бережно относились к природе. «Сколько лет они прожили, ни пожара (не было), ничего не сгорело». На участке старейшины никогда не валялись кости добытых животных. Он и его жена, юкагирка О.Д. Солнцева, приехав на место стоянки, в первую очередь кормили огонь. «Он говорил, что о добром надо говорить, спасибо, мол, у костра можно мясо просить, рыбу». Н.Н. Дьячков предупреждал о том, что неуважение к огню имеет негативные последствия: «Плохо обошелся с огнем, допустим, его неудача сопровождает...». А.С. Шохин сам соблюдает старинный обычай: «С костром люблю общаться. Когда придет что-то (имеется в

виду добыча), спасибо огню скажем». Н.Н. Дьячков рассказывал ему о том, что у всего есть свой дух, река тоже кому-то принадлежит. О.Д. Солнцева, вспоминает А.С. Шохин, когда ехали по реке, всегда бросала что-то в воду в качестве подарка: «У нее в сумочке мелочь всякая была, бусинки, может, обрезки ткани». После удачной рыбалки Н.Н. Дьячков обязательно благодарил место промысла, рыбу.

Юкагиры с почтением относились к медведю. В древности юкагиры верили в то, что медведь имеет двойную, божественную и человеческую, природу¹⁰. Д.П. Борисова рассказала о том, что ее мать наказывала им, детям, не кричать и не баловаться в лесу, чтобы не беспокоить медведя. По воспоминаниям Д.П. Борисовой, В.Б. Будановой, А.С. Шохина, юкагирские женщины не ели медвежье мясо — «грех». Этот обычай, по всей видимости, связан с легендой о браке женщины и медведя.

Особое отношение юкагиров к зайцу, вероятному тотему лесных юкагиров, усматривается в действиях магического порядка. Как подтвердила Д.П. Борисова, заячью лопатку использовали для гаданий, например, чтобы узнать, когда вернутся охотники.

Важное место в традиционных представлениях юкагиров занимали птицы. По сообщению А.С. Шохина, коркодонские юкагиры считали кукушку плохой птицей: «Один раз с мамой пошли ягоду собирать на Рассохе, она таскала мелкокалиберную винтовку. А кукушка перед тем, как куковать, как будто смеется. Она схватила это ружье и побежала за ней. «Я ее не застрелила, — говорит, — не смогла догнать, она улетела». Я говорю: «Зачем?». Она: «Мы вообще не любим кукушку». По верованиям юкагиров, если произошла встреча с «нехорошей» птицей, то надо помолиться или убить эту птицу. Д.П. Борисова слышала о том, что нужно застрелить глухаря, если тот прилетел в поселок и сел на чей-нибудь дом. Юкагиры также с опасением относились к ворону, считая его предвестником или источником неприятных событий.

Одним из главных божеств языческого пантеона юкагиров являлось Солнце. Значимым для них был летний праздник, который посвящался солярному культу. Важные компоненты праздника, как сообщили наши информанты, составляли круговые танцы, обмен подарками.

Во время экспедиции были сфотографированы вышитые бисером вещи (сумочка, панно и др.), изготовленные А.Г. Шадринной (1929 г.р.)

и В.Б. Будановой. В орнаменте изделий обнаруживается традиционный юкагирский узор – «солнышко», выполнявший в древности функцию оберега, талисмана.

Культуроведческие материалы экспедиции свидетельствуют о том, что традиционные представления юкагиrow репрезентируют древнейшую охотничью культуру. Основной идеей их верований, обрядов и обычаев является гармоничное сосуществование и взаимодействие человеческого и природного миров.

О тесной связи юкагиrow с природой, их исконных занятиях говорится в рассказах тех, кто жил и трудился рядом с ними. Житель с. Балыгычан (село, куда в 1942 г. были переселены коркодонские юкагиры) якут А.М. Слепцов (1937 г.р.) вспоминает, что привыкшим к иному труду юкагирам с трудом давалась новая для них работа в укрупненном колхозе им. III Пятилетки, специализировавшемся на животноводстве и огородничестве. В частности, он рассказал об одном случае, произошедшем на лесозаготовке: «Председатель приезжает и говорит: «Николай Николаевич (речь идет о юкагире Н.Н. Дьячкове), ты отлыниваешь, плохо работаешь». «Как это плохо?» «Давай-ка, – говорит председатель, – добудь лося лучше для бригады». Он обрадовался и в ту же ночь собак своих запряг. <...> А утром я выхожу, смотрю – возле каждой палатки по куску мяса. Уже он по насту поехал на собаках, добыл лося, ночью привез и раздал. Вот это ему нравилось – охота, а вот бревна катать он не может».

В целом, в результате экспедиции получены и проанализированы сведения относительно современной этнокультурной и социаль-

но-экономической ситуации у коркодонской группы лесных юкагиrow, собраны новые данные по их языку, фольклору и духовной культуре, которые представляют интерес для североведения.

ЛИТЕРАТУРА

¹ *Иохельсон В.И.* По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный быт и письмена // Изв. Русского географического общества. – СПб., 1989. – Т. 34, вып. 3. – С. 257–292; *Иохельсон В.И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Якутск: Бичик, 2005. – 272 с.; *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

² *Иохельсон В.И.* Материалы... – С. 136.

³ *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризованные тунгусы... – С. 98.

⁴ *Спиридонов Н.И.* Одулы (юкагиры) Колымского округа. – Якутск: Северовед, 1996. – 78 с.; *Тэки Одулок.* На Крайнем Севере // Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. На Крайнем Севере; *Николай Тарабукин.* Моя жизнь; *Джанси Кимонко.* Там, где бежит Сукпай. – Якутск: Кн. изд-во, 1987. – С. 96–236.

⁵ *Спиридонов Н.И.* Одулы (юкагиры) Колымского округа. – С. 25.

⁶ *Юкагиры.* Историко-этнографический очерк. – Новосибирск: Наука, 1975. – 244 с.

⁷ *Там же.*

⁸ *Иохельсон В.И.* Материалы... – С. 136.

⁹ *Николаева И.А., Шалугин В.Г.* Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект): Учеб. пособие для уч-ся нач. школ. СПб.: «Дрофа», 2002. – С. 14, 80.

¹⁰ *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. – С. 637–638.

P.E. Prokopieva, V.I. Shadrin, A.E. Prokopieva

Korkodon Yukaghirs in the beginning of the 21st century

The article gives a characteristic of the main results which were obtained during the expedition to the Yukaghirs of the Spednekan district of the Magadan region in 2011. Presented are the data relating to the ethnic cultural and social economical situation of the Yukaghir group under investigation. Also described are the collected linguistic, folklore and ethnographic materials.

Keywords: Forest Yukaghirs, Korkodon group, ethnic cultural situation, ethnic identity, Yukaghir language, folklore, traditional world outlook.

Т.С. Ермолаев

Молодое поколение Южной Якутии: практика политической адаптации

Политическая адаптация молодежи в условиях кардинальных трансформаций является важнейшим показателем жизнеспособности любого общества. Политическая социализация молодого поколения возможна посредством усвоения молодежью политических ценностей и норм общества, преобразования их в систему социальных и политических установок, определяющую их позиции и поведение в политической системе. Статья базируется на результатах социологического опроса, проведенного среди представителей молодого поколения Южной Якутии.. Пилотное исследование опровергает мнение о политической пассивности и несознательности молодежи. Молодежь желает и может участвовать в политической жизни общества, но при поддержке со стороны государства.

Ключевые слова: молодежь, социализация, трансформация, политическое сознание, политическая культура, поведение.

Политическая социализация — один из важнейших процессов в обществе, особенно в условиях кардинальных трансформаций, как это происходит в современном российском обществе. Под политической социализацией понимается процесс взаимодействия субъектов политики с политической системой, приводящий к изменению отношения к государственным структурам и партиям и трансформирующий политическое поведение и ценностные ориентации.

Молодое поколение — своеобразный аккумулятор и конденсатор тех трансформаций, которые обычно идут в обществе, в его глубинах, которые зачастую внешне не очень заметны. Это критические взгляды и настроения в отношении существующей действительности, новые идеи, невостребованная энергия. Во что выльется эта энергия — в «кущевский синдром», в российского Гавроша на Манежной площади, скованные одной цепью «Молодую гвардию» и «Наших» — зависит от намерений самой молодежи и от того, как использует эту силу общество.

Теоретический анализ различных подходов к проблеме политической адаптации молодежи позволяет рассматривать молодое поколение как важнейший стратегический ресурс разви-

тия региона и страны. Представители молодого поколения оказались сегодня скорее не в ситуации политической ресоциализации, а в процессе первичной или вторичной социализации, так как им практически не пришлось менять основы формирующейся политической картины мира. Интересно, что их взгляды на современную политику напоминают взгляды представителей старшего поколения. В целом молодежь так же аполитична, как их родители, но они принимают современную политическую ситуацию как данность, хотя демократические ценности усвоены ими поверхностно. Демократия для них — это режим, обеспечивающий права и свободы личности, однако политика воспринимается многими как бизнес. Некоторые представители молодого поколения готовы не только участвовать в политике в качестве избирателей, но и самим войти в политическую элиту современного общества. Однако в целом политика не входит в круг интересов молодежи, а перспективы демократии в России оцениваются ими довольно пессимистично. В силу ряда объективных и субъективных факторов в молодежной среде современной России происходит следующее: деформация морально-нравственных ориентиров, девальвация базовых ценностей, таких как семья,

* Работа выполнена по гранту Российского гуманитарного научного фонда, проект № 10-03-79302а/Г.

патриотизм, гражданственность; ее частичная маргинализация и криминализация; заметное ухудшение физической и психической дееспособности молодого поколения; расширение границ девиантного поведения в этой среде; деградация структуры занятости, разрушение трудовой мотивации молодежи и др.

Конечно, происходящие в молодежной среде процессы нельзя представлять только в черном цвете. Новая социально-экономическая и политическая ситуация в стране, безусловно, способствовала проявлению деятельностных и волевых характеристик молодежи. В последние годы она, пожалуй, как ни одна другая социальная группа, проявила исключительную восприимчивость к новому, мобильность, расчетливость, адаптивность к происходящим переменам. По сравнению с началом 90-х гг. XX в. в молодежной среде на базе почти агрессивного индивидуализма резко возросли ценность образования, здоровья, семьи, ответственность за свою судьбу. Можно вполне уверенно утверждать, и это подтверждают данные социологических исследований, что в среде молодежи растет число молодых людей, которые выбирают новаторство в качестве модели решения своих проблем.

В процессе политической социализации молодежи преимущественно участвуют формальные институты. Их необходимо дополнить неформальными институтами, не связанными на прямую с ведущими государственными, политическими и общественными институтами, а действующими на пересечении их интересов, интегрируя их в едином пространстве для достижения синергетического эффекта.

Под неформальными институтами политической социализации молодежи подразумеваются неформальные социальные партнерства, не обладающие официальным статусом и юридическим лицом и реализующие инициативы в сфере политической социализации молодежи. Как правило, неформальное социальное партнерство представляет собой инициативную проектную группу. Ключевыми преимуществами данного субъекта является, во-первых, возможность адаптации к меняющимся внешним условиям, предпочтениям внутри общества, во-вторых, адекватность организационной формы современным предпочтениям молодежи, так как гибкая структура позволяет выбрать любую конфигурацию, самостоятельно определять свой статус в проекте – доминирование горизонтальных связей, выбор направ-

ления работы, в-третьих, широкое использование в реализации проекта информационно-коммуникационных технологий, в том числе социальных сетей в Интернете, в-четвертых, низкие материальные и финансовые издержки реализации и высокие социальные предпочтения.

Этими качествами данная форма отличается от формальных институтов политической социализации молодежи, характеризующимися жесткой партийной или корпоративной дисциплиной, вертикальной иерархией, заданными сверху целями и инструментарием, санкциями.

Данная статья базируется на предварительных результатах социологического опроса, проведенного в ноябре–декабре 2010 г. среди представителей молодежи г. Нерюнгри – столицы Южной Якутии в рамках гранта РГНФ «Молодое поколение Южной Якутии в условиях нового промышленного освоения: социологический портрет», рассчитанного на 2010–2011 гг. Исследование направлено на выявление особенностей политической адаптации, формирование политического сознания, предпочтений, взглядов и ценностей молодого поколения Южной Якутии. Используемая в исследовании квотная выборка дает возможность построить такую выборочную совокупность, структура которой совпадает со структурой генеральной совокупности по возрасту, полу и национальному составу.

По данным пилотного исследования, число молодых людей, постоянно интересующихся политикой, весьма незначительно. Низкий интерес к политической жизни общества не свидетельствует об активной адаптации. Практически каждый второй молодой человек равнодушен к политике. Подавляющее большинство респондентов не состоит в молодежных организациях. Из числа состоящих наибольшее число входит в общественные, политические и спортивные организации. Участие в организациях другого толка незначительно.

Наиболее популярными мотивами вступления в молодежные организации у молодых людей, принявших участие в опросе, выделяется привлекательность направления деятельности, стремление реализовать себя, а также собственные взгляды и убеждения. Далее идут советы друзей и знакомых. Наименее популярным мотивом при принятии решения о членстве в организации выступает личность руководителя и «принудилровка» (рис. 1).

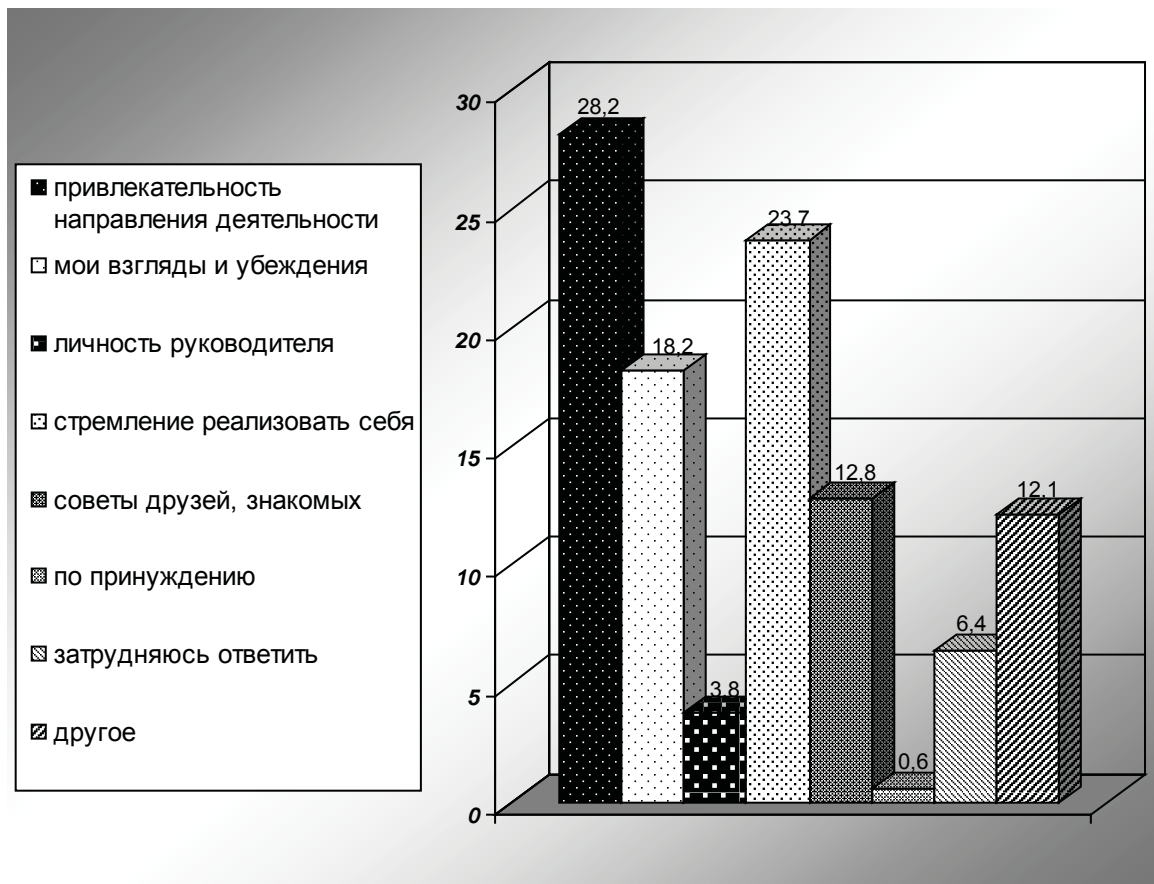

Рис. 1. Распределение респондентов по ответам на вопрос о причинах вступления в молодежную организацию, %

Среди способов повлиять на развитие событий в стране большинство респондентов назвали участие в выборах. Вторым по популярности способом стало выступление в СМИ, далее идут участие в местном самоуправлении, создание инициативных групп и членство в организации. На втором месте пессимистичный вариант ответа «не вижу никаких способов». Из вариантов ответов, предусматривающих конкретные действия, наиболее популярными стали «участие в референдумах» и «подписание коллективных писем» (рис. 2).

Достаточно большая доля молодежи склонна к коллективным формам политического участия. При этом достаточно значительная часть опрошенных затруднилась ответить на вопрос о том, какие формы участия в политической жизни она допускает для себя. Из тех же, кто ответил, большинство выбрали «участие в разрешенных и неразрешенных демонстрациях», «митинги, пикеты, марши протеста» и «невыполнение политических реше-

ний». Настораживает определенная агрессивность в молодежной среде, связанная с тем, что некоторая часть молодых людей склонна считать приемлемым такие формы участия в политической жизни, как вооруженное сопротивление, захват помещений и даже заложничков (рис. 3).

Подавляющее большинство респондентов уверено, что имеется целый ряд факторов, мешающий гражданам влиять на решения органов власти. Основной среди таких факторов связан прежде всего с неумением отстаивать свои права. Следующим по значимости называется сопротивление представителей власти. На третьей позиции – отсутствие необходимых законов и организаций. В аутсайдерах находится категория «особенности национального характера» (рис. 4).

В переменной «о правах и свободах граждан, приобретенных за годы реформ» респондентам было предложено проранжировать 10 видов полученных прав и свобод. Расстав-

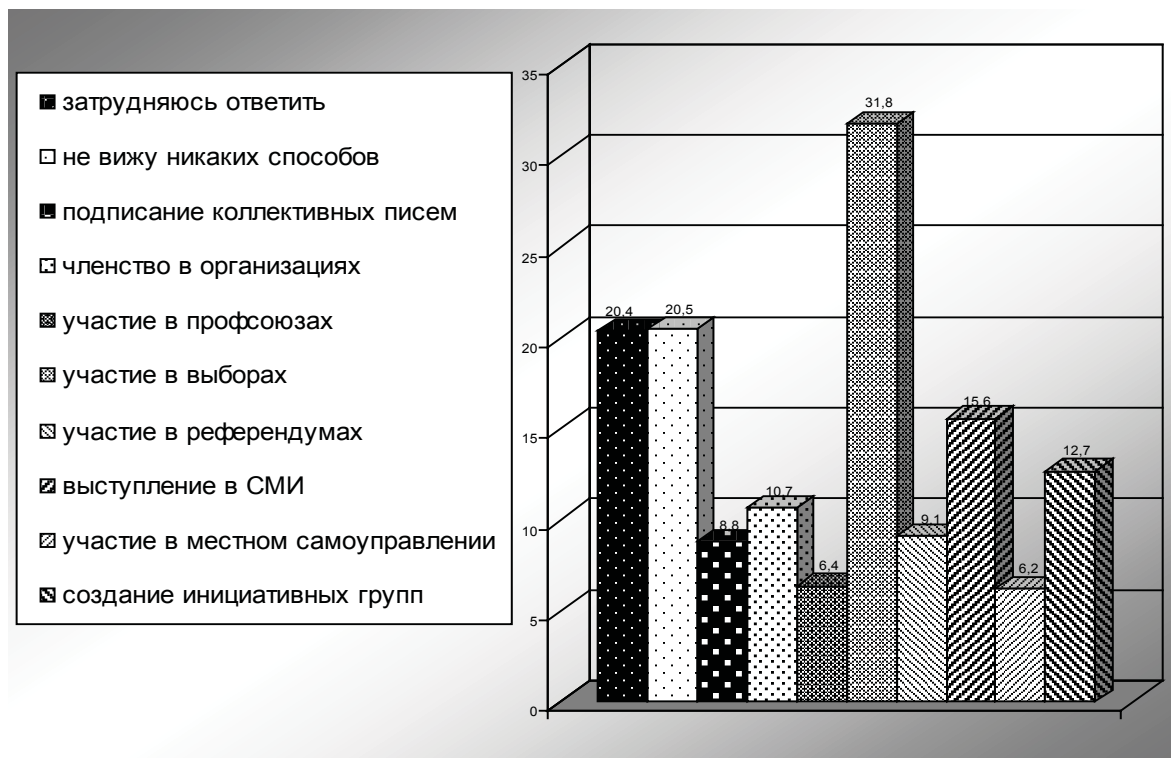

Рис. 2. Распределение ответивших на вопрос о наиболее приемлемых способах влияния на развитие событий в стране, %

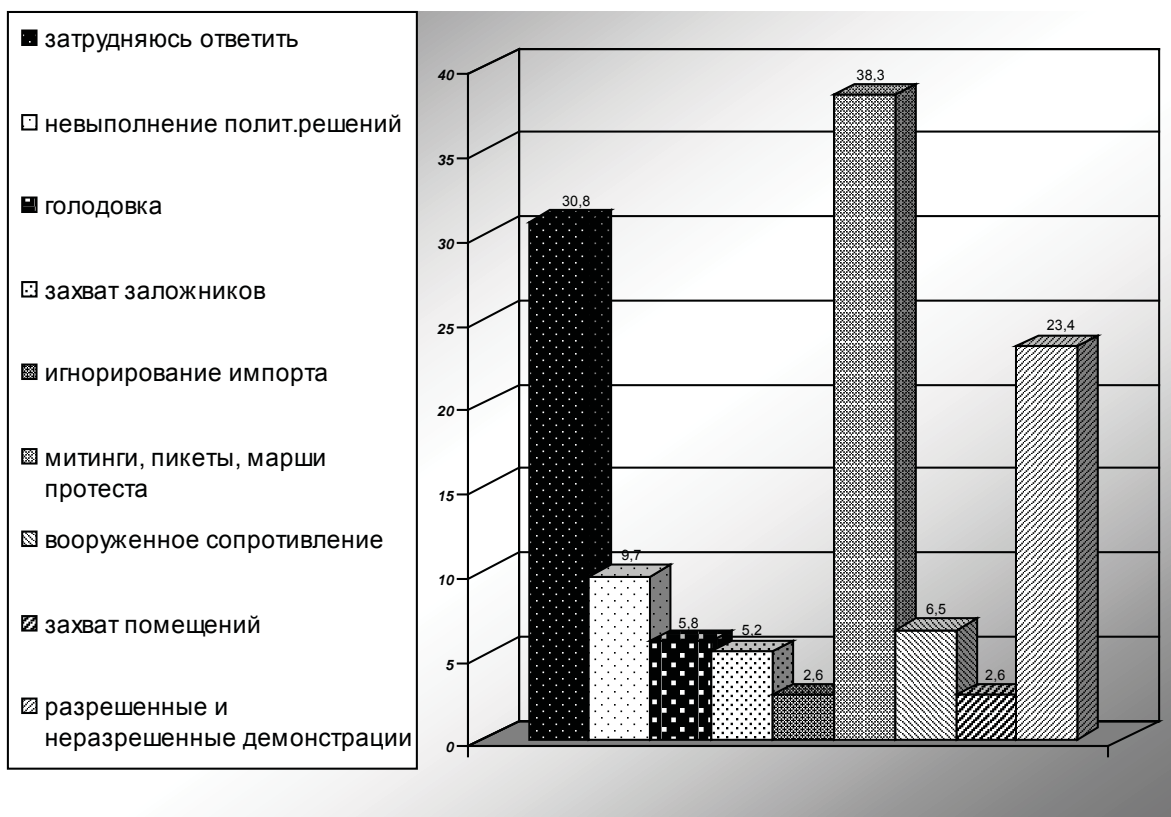

Рис. 3. Оценка форм участия в политической жизни, %

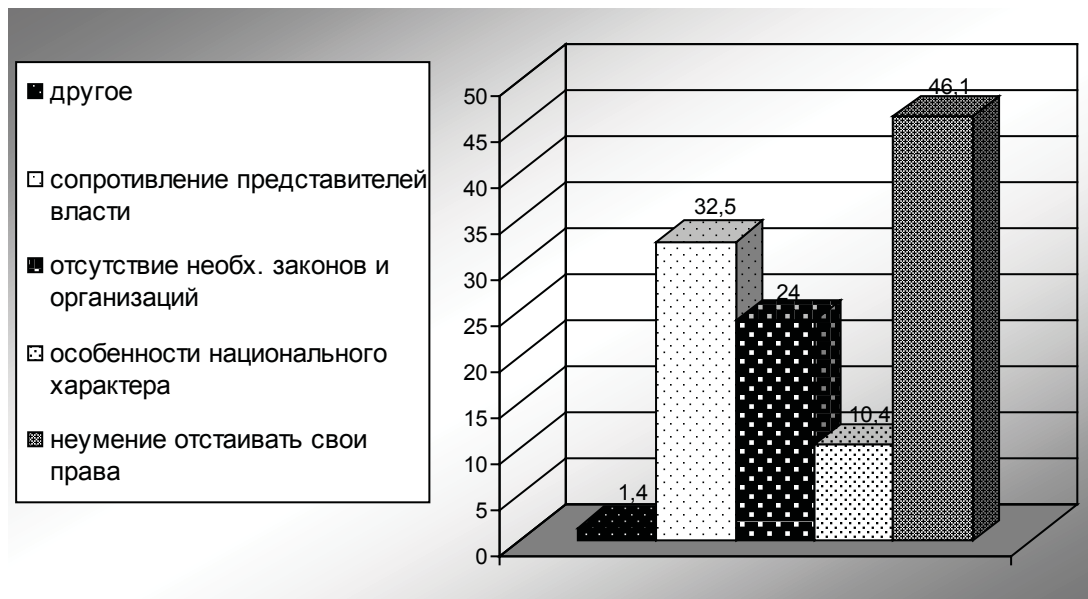

Рис. 4. Распределение респондентов по ответам на вопрос: «Какие факторы, на Ваш взгляд, мешают гражданам влиять на решения органов власти?», %

ленные приоритеты в общем виде выглядят следующим образом. На первое место вышла категория «равенство граждан перед законом». Далее идут «наличие частной собственности», «возможность открыть свое дело», «избрание президента народом», «независимость суда».

Меньше всего набрали категории «свободная продажа алкоголя», «появление молодежных неформальных объединений» и «многопартийность». Таким образом, среди правовых ценностей на первом плане у молодежи находятся прежде всего личные права и свободы (рис. 5).

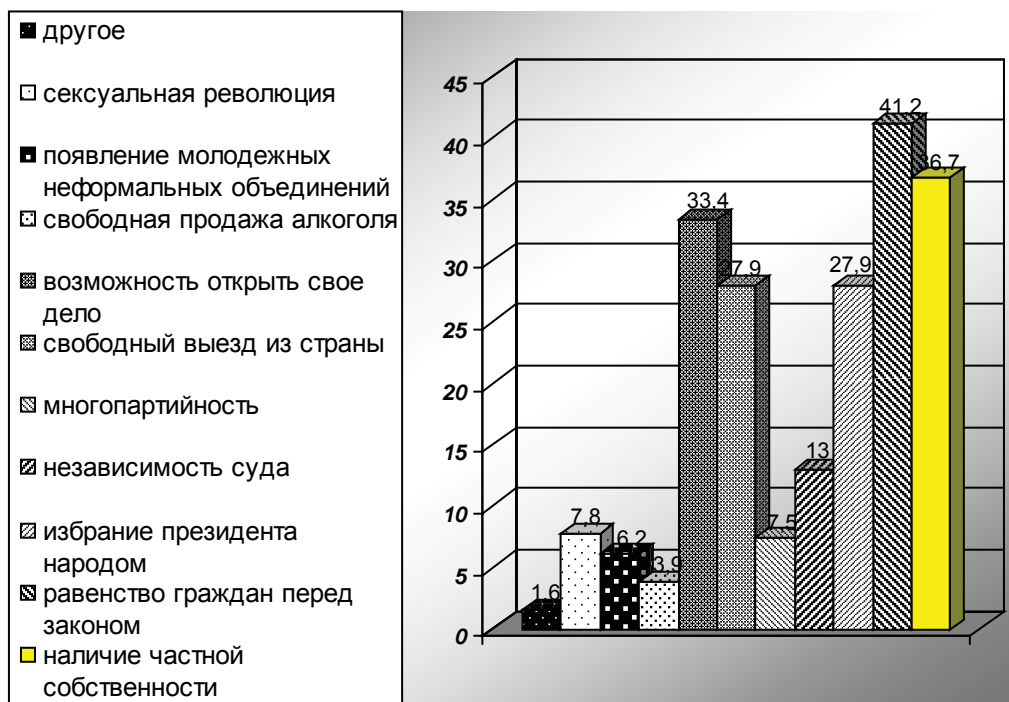

Рис. 5. Распределение ответивших на вопрос: «Какие права и свободы граждан, приобретенные за годы реформ, являются, по Вашему мнению, наиболее важными?», %

Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство респондентов не имеет желания участвовать во власти или не видит возможностей для своего участия. Подобное положение дел можно изменить, прививая молодым гражданам политическую культуру и идеалы гражданского общества.

В процессе политической адаптации молодежи к изменениям в российском обществе важную роль играет формирование патриотизма, который следует рассматривать в качестве одного из важнейших когнитивно-аксиологических или политико-правовых средств. Воспитывается патриотизм и при помощи институционализированных средств адаптации, среди которых наиболее влиятельными являются институты президентства, СМИ, политические организации патриотической направленности, органы по работе с молодежью.

Патриотизм – это прежде всего нравственный принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, стремление защищать его интересы, гордость за его прошлое и настоящее.

По данным исследования, у молодых людей чувство гордости за свое отечество вызывают такие достижения современного российского общества: военная мощь, культурное наследие, положение России в мировом сообществе, технические достижения (рис. 6).

Одна из задач исследования – выяснить, в каких ситуациях чаще всего проявляются патриотические чувства у представителей подрастающего поколения. Чаще патриотические чувства проявляются у молодых людей, когда они узнают о мировых достижениях наших соотечественников; чуть более трети опрошенных испытывают чувство гордости за свою страну и ее героев в качестве болельщика при просмотре спортивных состязаний; чуть меньше трети испытывают их, когда слышат звуки гимна нашей страны при поднятии флага. В наименьшей степени патриотизм проявился во время общественных мероприятий в учебных и производственных помещениях, и почти совсем не влияет на проявление патриотизма членство в какой-нибудь партии, общественной организации. Весьма настораживает, что

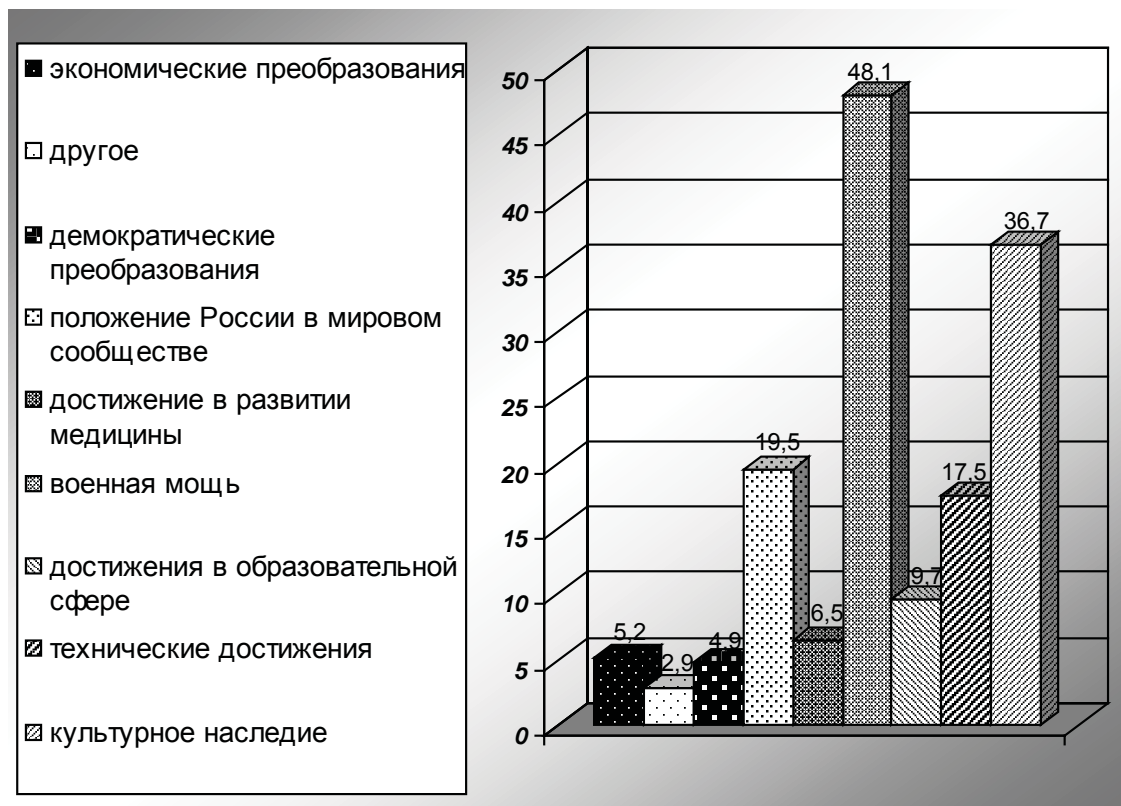

Рис. 6. Распределение опрошенных по ответам на вопрос: «Чем может гордиться Россия?», %

десятая часть опрошенных считает, что такие чувства у них не проявляются никогда. Обнадеживает то, что определенная категория молодых людей испытывает патриотические чувства, когда узнают о террористических актах в стране и в мире (это говорит о том, что молодежь радуется не только победам, но и сочувствует горю, а значит, растет неравнодушное поколение, способное понять и помочь) (рис. 7).

коллегами по работе или однокурсниками (рис. 8).

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в условиях политических преобразований необходимо создать возможности для ослабления отчуждения молодежи от участия в политике. Общество должно создавать благоприятные условия для того, чтобы у его граждан формиро-

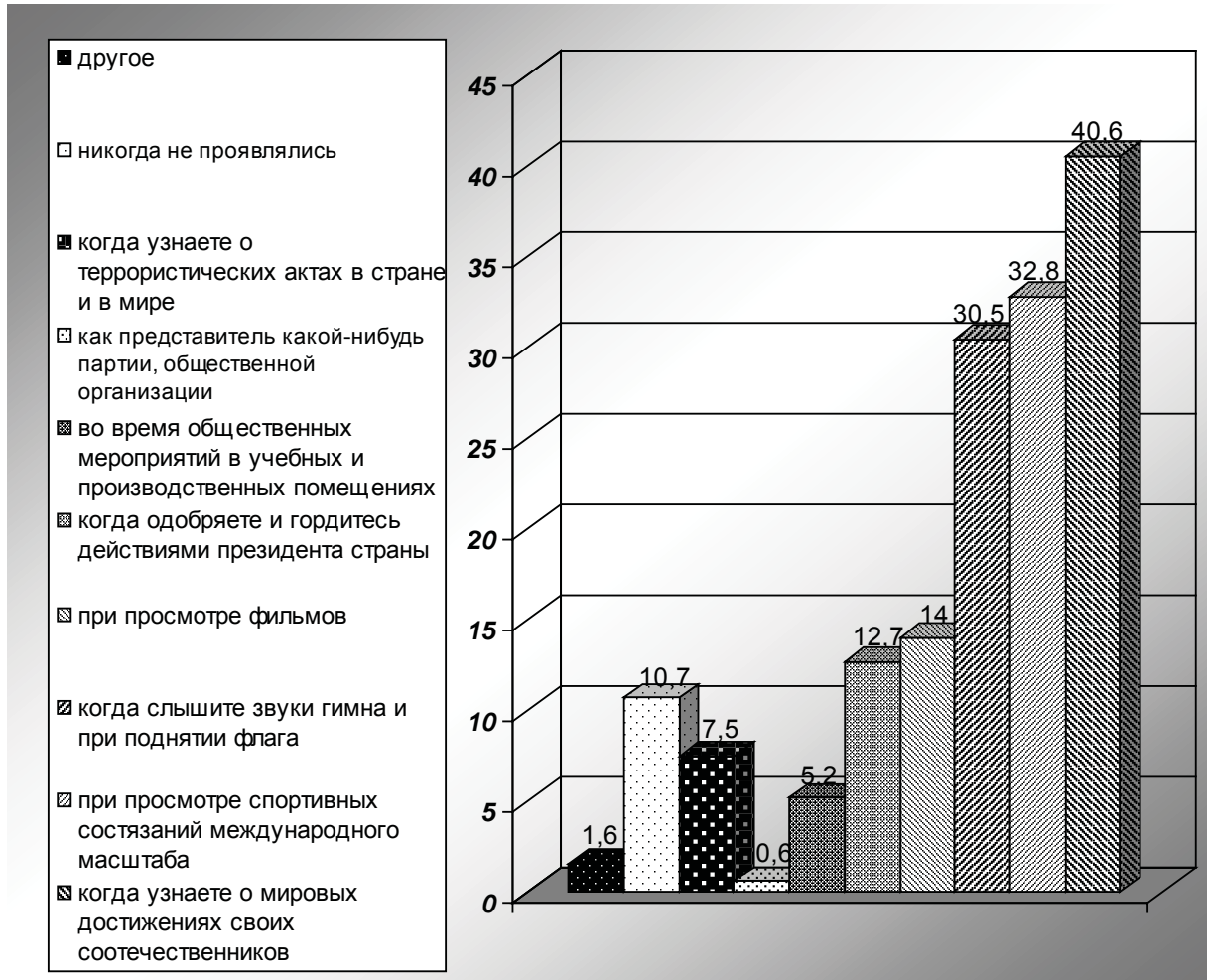

Рис. 7. Распределение ответивших на вопрос: «В каких ситуациях чаще всего проявляются у Вас патриотические чувства?», %

Исследование коммуникаторов молодых людей, с которыми они обсуждают события, происходящие в нашей стране и за рубежом, показало следующее: сегодня приоритетом считается, по мнению большинства опрошенных, обсуждение событий с друзьями, с родителями, через Интернет, с одноклассниками,

вались эффективные стратегии политической адаптации, развивалась субъектность, происходила интеграция в социум. В таком случае будут реализовываться потребности молодежи, ее инновационный потенциал. Пилотное исследование подвергает сомнению мнение о политической пассивности и несознательности

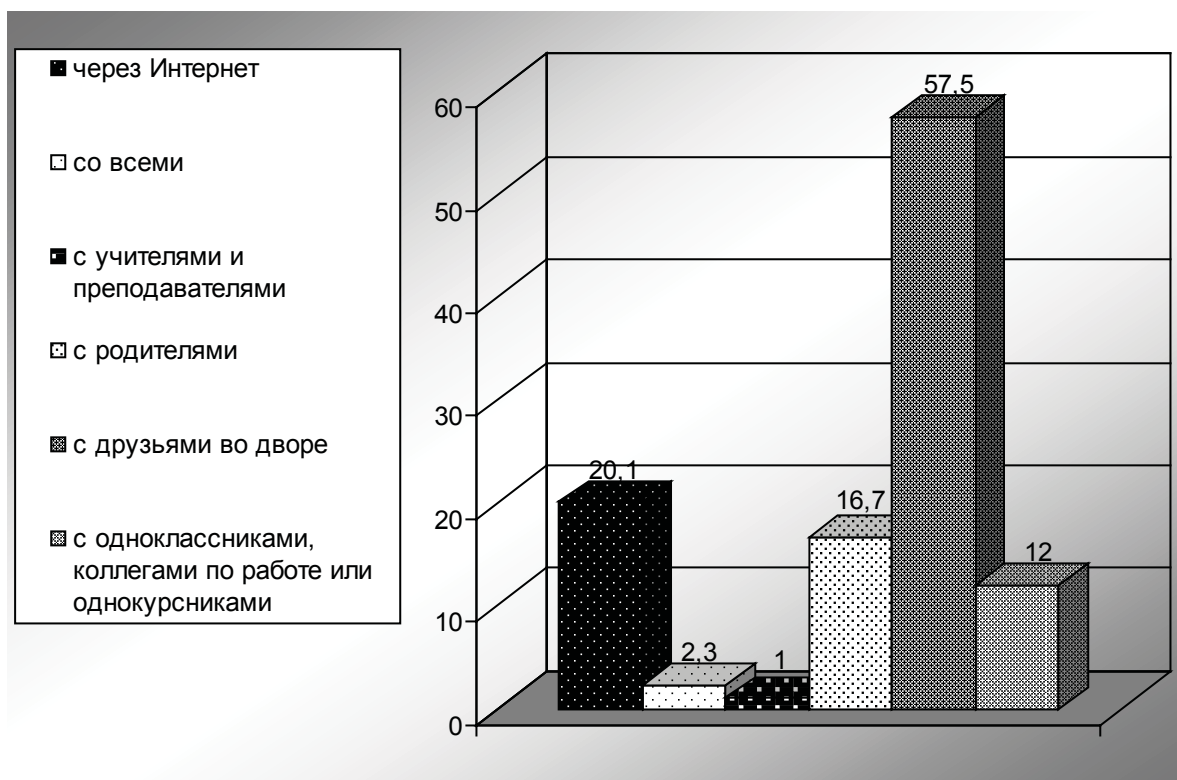

Рис. 8. Распределение опрошенных по ответам на вопрос: «С кем Вы чаще всего обсуждаете события, происходящие в нашей стране или за рубежом?», %

молодежи. Молодежь желает и может участвовать в политической жизни общества, но при поддержке со стороны государства.

Период широкого распространения в молодежной среде негативного отношения к своей стране, ее историческому прошлому,

пренебрежение патриотическими ценностями и чувствами в целом завершается. Поэтому воспитание патриотов, достойных граждан своей страны должно стать приоритетной задачей при формировании и развитии подрастающего поколения.

T.S. Ermolaev

The young generation of South Yakutia: a practice of political adaptation

Political adaptation of the youth in the conditions of radical transformations is an important marker of any society's vitality. The article is based on the results of a sociological investigation conducted among the representatives of the young generation of the city of Neryungri. A pilot study refutes the opinion about political inactivity and lack of consciousness in the youth. The young people are willing and capable of taking part in the political life of the society but with the support of the state.

Keywords: youth, socialization, transformation, political consciousness, political culture, behavior.

Ю.И. Жегусов

Народный эпос олонхо во мнениях и оценках жителей Хангаласского улуса

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в Хангаласском улусе, которые отражают мнение сельского населения о состоянии олонхо, месте и роли его в современном якутском обществе, а также о проблемах сохранения и развития народного эпоса.

Ключевые слова: народный эпос олонхо, олонхосут-импровизатор, олонхосут-исполнитель, формы прослушивания олонхо, общественное мнение.

Международная организация ЮНЕСКО в 2005 г. признала олонхо шедевром устного и нематериального наследия человечества. Признание олонхо на международном уровне повлияло на этническое самосознание саха. Прежде почти позабытый народный эпос получил, можно сказать, второе дыхание. Среди широких слоев населения появилось много людей впервые интересующихся народным эпосом, движимых обывательской психологией: «Раз олонхо признали мировым шедевром, то что-то в этом есть, надо самому все это прочитать и выяснить, чем же все-таки вызван такой интерес за границей». Ситуацию с пробуждением интереса к олонхо в Якутии можно сравнить с ситуацией, когда, например, старая вещь предков до поры до времени хранится в кладовке, затем занимает почетное место в доме и становится гордостью семьи, потому что авторитетный специалист признает эту вещь весьма ценящимся раритетом-артефактом.

Но современная ситуация с олонхо далеко неоднозначна. Несмотря на усилия республиканских властей и отдельных энтузиастов, нужно признать, что о возрождении древнего эпоса говорить еще рано.

Данное исследование было проведено в рамках ГЦП «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса олонхо» в 2009–2010 гг. Социологические исследования методом анкетного опроса и экспертного интервью были проведены в 8 улусах республики, где проживает 35,7% якутского населения.

В Хангаласском улусе социологический опрос был проведен в селах Октемцы, Немюгинцы и Улах Ан. Всего по квотной ре-

презентативной выборке были опрошены 103 респондента и 5 экспертов (работники сферы культуры и образования).

Бесспорно, что необходимым условием полноценного восприятия и понимания классического эпоса олонхо является владение родным, якутским языком.

По результатам опроса, проведенного в Хангаласском улусе, якутским языком в совершенстве владеют 73,1% респондентов, на бытовом уровне – 22,3%. Такой недостаточный уровень владения родным языком в Хангаласском улусе обусловлен следующими причинами.

Во-первых, сильное влияние на владение родным языком оказывает фактор близости города – столицы республики. Результаты исследования в 8 центральных и заречных улусах показывают, что чем ближе расположено село к Якутску, тем меньше саха в совершенстве владеют родным языком.

Во-вторых, в Хангаласском улусе проживает большое количество русскоязычного населения, поэтому влияние русского языка велико. Жители отмечают, что возрождение якутского языка, приобщение молодежи к родной культуре началось в 90-е гг, когда в республике начался процесс суверенизации. В советское время предпочтение давалось русскому языку. Массовые мероприятия и торжества, включая свадьбы, в якутских деревнях Хангаласского района проводились на русском языке.

Раннее усвоение духовной культуры своего этноса является очень важным фактором социализации личности. Как показали результаты опроса, подавляющее большинство (72,9%) респондентов узнали об олонхо в детском возрасте. Далее в порядке убывания были даны следующие ответы: «в отрочестве» – 6,5%;

«в юности» — 11,2%; «в зрелом возрасте» — 4,7%. Не помнят, в каком возрасте узнали об олонхо, 4,7%.

Полученные результаты показывают, что в первую очередь респонденты получают знания об олонхо благодаря деятельности первичных агентов социализации — семьи, т.е. «из разговоров с родителями» (47,1%). Также «слушали на национальном празднике «Ысыах»» (26,0% респондентов), что можно считать заслугой института семьи, так как обычно родители водят детей на этот праздник. Средства массовой информации занимают вторую позицию: «слушали по радио» (26,0% респондентов), «узнали из телепередач» (3,8%). Значение вторичного агента социализации (школы) также достаточно велико: сведения об олонхо получили «на уроке национальной культуры» 22,1% опрошенных. Из других источников узнали об олонхо, например на массовых мероприятиях (концерт, театр), 7,7% и 6,7% респондентов соответственно.

Таким образом, первостепенную роль в усвоении духовной культуры своего народа, в частности олонхо, играет социальный институт семьи — в 73,1% случаев. Школа и СМИ занимают второе место в этнической социализации, 22,1% и 29,8% соответственно. Роль массовых мероприятий в продвижении олонхо также значительна — 14,4% ответивших.

В якутском обществе сложились три типа формы прослушивания народного эпоса олонхо:

- непосредственно-живое (прослушивание олонхосута-импровизатора);
- опосредованно-живое (прослушивание исполнителя-артиста или любителя);
- опосредованно-неживое (прослушивание олонхосута-импровизатора или исполнителя-артиста через аудио-, видеоносители).

Самым аутентичным и почти исчезающим является культура живого прослушивания олонхосута-импровизатора. В отличие от исполнителя-артиста или любителя олонхосут-импровизатор является автором и исполнителем собственных произведений-олонхо. Причем одно и то же олонхо имеет несколько вариаций в содержании и манере исполнения. В процессе исполнения-импровизации может поменяться содержание, сюжетная линия эпоса, появляются новые или исчезают некоторые герои. Олонхосут каждый раз «оттачивает» свое произведение, стремясь к совершенству. Исполнитель и слушатели олонхо впадают в

своеобразный транс, измененное состояние сознания, когда при помощи высокохудожественного якутского слога и пения участники этого действия переносятся в фантастический мир народного эпоса. По оценкам экспертов, в настоящее время в письменном виде сохранилось около 1% произведений олонхосутов-импровизаторов.

Прослушивание исполнителя олонхо — артиста или любителя появилось в результате фактического исчезновения олонхосутов-импровизаторов. Причинами исчезновения олонхосутов-импровизаторов являются смена уклада жизни якутов, эрозия материнского языка под влиянием социальных потрясений 30–40 гг. XX в., менталитет якутов также претерпел значительные изменения под воздействием процессов урбанизации, развития печатных и электронных СМИ. А развитие аудиовизуальных средств передачи информации привело к возможности прослушивания олонхо посредством аудио- или видеопроекторов, радио и телевидения, преимущественно исполнителей-артистов.

Можно предположить, что появление культуры опосредованного прослушивания олонхо была реакцией на утрату аутентичных сказителей-импровизаторов, стремлением якутов сохранить духовную культуру и этническую идентичность.

В Хангаласском улусе живое исполнение народного эпоса доводилось слушать 67,9% респондентов, и только 7,6% из них слушали настоящее олонхо в исполнении сказителя-импровизатора. Это самый низкий показатель среди улусов, в которых проводилось исследование (рис. 1). Здесь также прослеживается следующая закономерность: чем дальше расположен улус от Якутска, тем больше доля респондентов, которые прослушивали олонхо в исполнении сказителя-импровизатора.

В основном опрошенные слушали олонхо в исполнении любителя (48,1%), артиста театра (32,5%) и участника художественной самодеятельности. Столь низкий процент респондентов, слушавших аутентичное олонхо, объясняется тем, что в Хангаласском улусе сказители-импровизаторы исчезли раньше, чем в других улусах. Только некоторые представители старшего поколения помнят таких исполнителей. Впрочем тенденция уменьшения респондентов, слушавших живое исполнение олонхо олонхосутом-импровизатором,

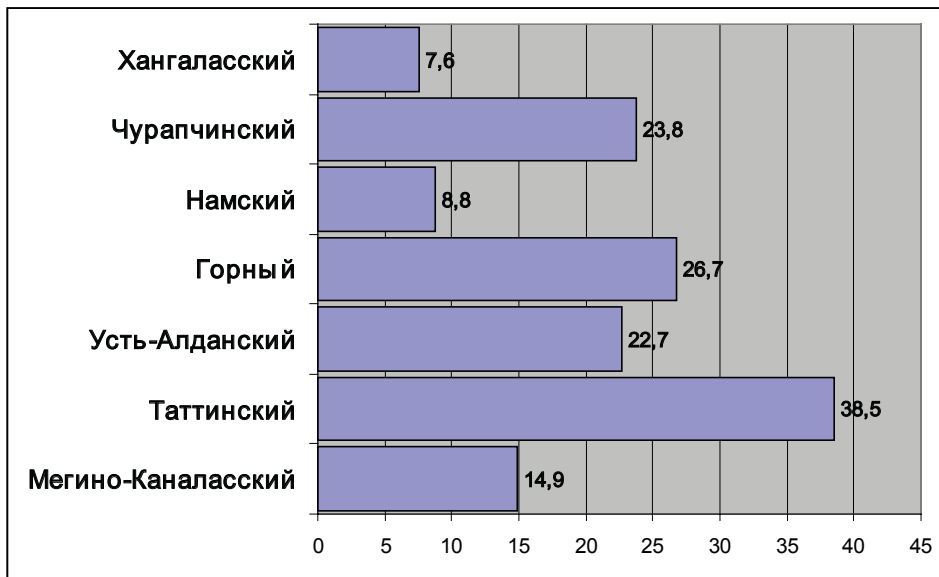

Рис. 1. Распределение респондентов, слушающих олонхо в исполнении сказителя-импровизатора, по районам, %

в порядке убывания возраста наблюдается во всех улусах (рис 2).

Исполнитель олонхо играет ключевую роль в культуре прослушивания народного эпоса. По мнению старожилков, олонхо в исполнении сказителя-импровизатора является аутентич-

ным, настоящим, а исполнение эпоса артистом или любителем — своеобразным суррогатом. Один из респондентов изрек по этому поводу: «Это все равно, что сравнить лапшу-суп «доширак» с настоящим супом из свежей и жирной якутской говядины». С таким мне-

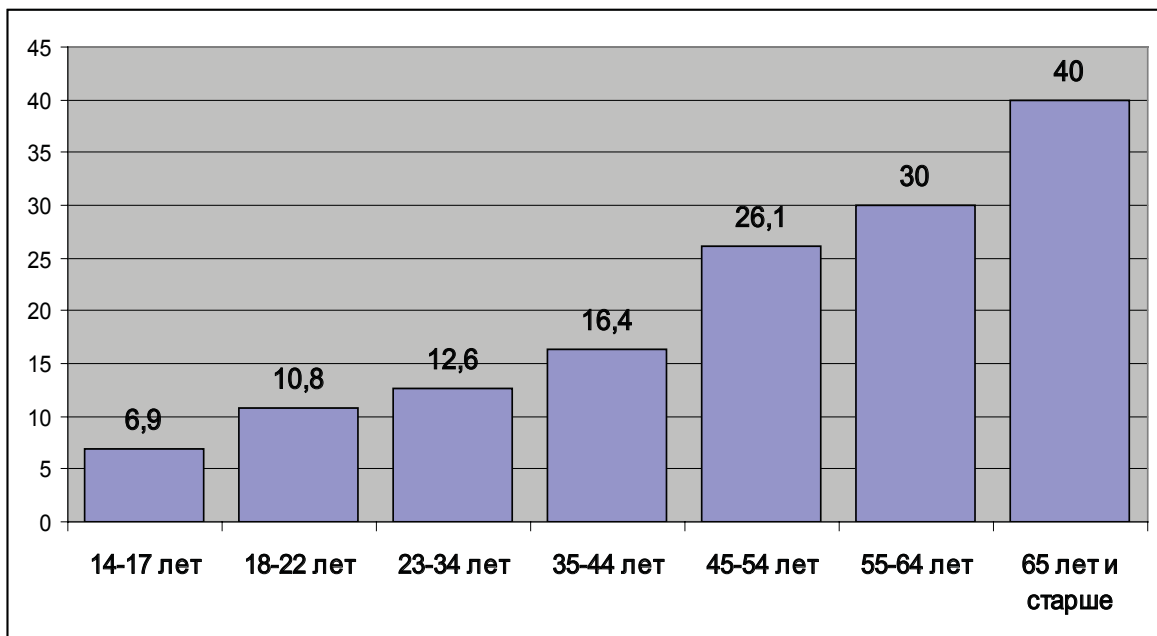

Рис. 2. Распределение респондентов, слушающих олонхо в исполнении сказителя-импровизатора, по возрастам, % (обобщенные данные 8 центральных и заречных улусов, в которых проводился опрос)

нием согласно большинство респондентов, которые считают что олонхо должен исполнять «только человек, имеющий природный дар и пользующийся глубоким уважением» (табл.1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Кто должен исполнять олонхо?»

Варианты ответов	%
1. Любой участник художественной самодеятельности	12,3
2. Любой человек с хорошим голосом	13,2
3. Только человек, имеющий природный дар и пользующийся глубоким уважением слушателей	59,4
4. Затрудняюсь ответить	15,1

Респонденты, высказывающие дилетантское мнение о том, что олонхо может исполнять «любой участник художественной самодеятельности» и «любой человек с хорошим голосом», вероятно, не видят разницы между исполнением олонхо и простым пением тойуков и песен.

Опрос выявил недостаточный уровень удовлетворенности исполнением олонхо: только 36,4% респондентов дали положительный ответ на вопрос: «Удовлетворены ли Вы нынешним состоянием исполнения олонхо?» Самые информированные и разбирающиеся в эпосе респонденты (15,9%), преимущественно из числа старшего поколения, дали отрицательный ответ на этот вопрос. Симптоматично, что почти половина опрошенных (47,7%) затруднилась с ответом. Это говорит о том, что половина опрошенных не может определить качество исполнения олонхо.

По мнению старожил, немаловажную роль играет место исполнения эпоса. Помещение, обстановка, где собираются люди для прослушивания олонхо, должны быть располагающими к восприятию словесного текста, свободны от случайных людей и посторонних звуков. Большинство респондентов (65,4%) обоснованно считают, что место, где исполняется олонхо, играет «ключевую роль в формировании эмоционального настроения людей». Идеальным местом считается якутская юрта — слегка затемненный балаган с растопленной печкой камельком. Треть респондентов (28,9%) считают, что место не играет серьезной роли в исполнении олонхо. Вероятно, они не отличают исполнение олонхо от обычного пения. Здесь явно имеет влияние культура прослушивания современной поп-музыки, которую не-

обязательно слушать на концерте — в исполнении артистов «вживую», ее можно слушать везде, занимаясь другими делами.

Насколько люди испытывают желание слушать олонхо в современном обществе? Устойчивое желание слушать олонхо испытывает почти треть опрошенных в улусе (28,3%). Определенно не желают приобщаться к олонхо 24,5% респондентов, вероятно, из числа тех, кто считает олонхо архаичным, нежизнеспособным элементом культуры. Но тем не менее, почти половина (47,2%) желают в зависимости от жизненных обстоятельств слушать древний эпос. Это свидетельствует о том, что жители улуса не хотят терять связи со своим этносом, даже подсознательно испытывают некую неловкость за недостаточное знание родной культуры.

Из числа респондентов, которые приходят слушать олонхо, главным мотивом является желание «окунуться» в среду национальной культуры и языка (52,8%). Часто это происходит во время фольклорных и других мероприятий (23,6%). Гораздо реже приходят слушать олонхо с целью отдохнуть (12,4%). Это объясняется тем, что в традиции исполнения и прослушивания олонхо, отдых не является самоцелью, т.е. слушатель может как бы отдохнуть физически, но он в процессе исполнения олонхо духовно «трудится», переживая умственное напряжение, стараясь правильно понять и интерпретировать слова сказителя. На самом последнем месте стоит мотив общения с представителями своей национальности — 6,7%. Понятно, что такой вариант ответа актуален скорее для человека, проживающего в иноэтнической среде, а не для сельчанина, который находится в родной культурной и языковой «стихии».

Человеку свойственно «примерять» на себе различные социальные роли и статусы, а также связанные с этим жизненные ситуации. Почти каждый человек задает себе вопрос: «А смог бы я так же?» И в связи с этим был задан вопрос: «Хотели бы Вы сами исполнять олонхо?». Опрос выявил 15,9% респондентов, желающих исполнять олонхо, которые, наверное, являются приверженцами возрождения национальной культуры народа саха и хотят принять активное участие в этом. Большинство респондентов (60,7%) адекватно оценивают свои возможности, они дали отрицательный ответ, так как, скорее всего, знают, что для того, чтобы стать сказителем олонхо, требуются при-

родные данные, талант «от бога», и глубокое знание родного языка. Затруднились с ответом 23,4% респондентов.

Причинами нежелания попробовать себя в качестве исполнителя олонхо является недостаточное знание родного языка. Более половины респондентов (59,7%) считают, что в олонхо много старинных слов, смысл которых они не понимают. Это показывает, что якутский язык переживает кризис, он становится проще, беднее, все больше русифицируется; даже те, кто считают, что они в совершенстве владеют якутским языком, на деле таковыми не являются. 20,8% респондентов в основном ссылаются на отсутствие таланта, а 19,4% могли вполне попробовать себя в качестве олонхосута, если бы рядом был тот, который бы обучил этому.

Перед якутским обществом стоит проблема сохранения наследия олонхо. Одной из мер сохранения эпоса является проведение специальных обучающих семинаров для желающих. По мнению половины респондентов (49,5%), при помощи таких семинаров вполне возможно обучить человека исполнению олонхо. 37,4% опрошенных считают, что нельзя с помощью семинаров обучить человека искусству исполнения олонхо, даже если он обладает хорошим сценическим даром. Дали другой ответ и затруднились с ответом 2,8% и 10,3% респондентов. По мнению экспертов, проведение семинаров по олонхо – всего лишь первый этап приобщения потенциального олонхосута к эпосу. После того как человек научится исполнять классические произведения, сохранившиеся в письменном виде, наступает следующий этап – исполнение-импровизирование собственных олонхо. Следует отметить, что только самые талантливые и целеустремленные могут достигнуть такого статуса.

Следующие два вопроса были заданы с целью выявления представлений и оценок олонхо. На вопрос: «Что такое олонхо?» ответы распределились следующим образом:

- 47% респондентов считают, что олонхо отражает историю народа саха;
- 34,8% находят связь с мировоззрением саха;
- 21,7% придерживаются классического представления об олонхо как об эпическом произведении;
- 9,4% видят его в качестве аналога священного писания – якутской библии;

– дали другой вариант ответа 2,8% респондентов.

Что касается оценки олонхо, то подавляющее большинство склонно давать положительную оценку народному эпосу как фундаменту национальной культуры народа саха (84,3%). Доля негативных и индифферентных оценок мала. Например, доля респондентов считающих, что «олонхо с годами теряет свою ценность и притягательность» составляет 4,6%. Признались, что никогда не интересовались и не знают об олонхо, 9,3% опрошенных.

Оценка роли олонхо респондентами в современном обществе в основном показывает необходимость сбережения и сохранения эпоса: 78,5% участников опроса выразили мнение, что «олонхо это народное достояние, которое надо беречь». 16,5% респондентов дают пессимистическую оценку нынешнему положению олонхо. Они считают, что олонхо имеет ценность для старшего поколения, а для молодых эпос воспринимается как нечто архаичное, устаревшее. 3,5% респондентов считают, что эпос не играет никакой роли в современном якутском обществе и никакого значения не имеет. Ответы респондентов свидетельствуют об осознании большинством необходимости сохранения культурного наследия, которое имеет непосредственную связь с этническим самосознанием и самоидентификацией и помогает иметь устойчивую духовную опору в условиях глобализации и влияния массовой культуры.

Тем не менее, половина респондентов (52,8%) констатируют отчуждение населения, особенно молодежи от олонхо. Интересно отметить, что треть опрошенных (34,9%) затруднились с ответом и только 12,3% дали четкий отрицательный ответ. Это, вероятно, вызвано тем, что в республике существуют две взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, в связи с признанием олонхо ЮНЕСКО эпос как бы стал «модной» темой для разговоров в СМИ и с правительственных трибун. С другой стороны, якутский язык переживает кризис, некоторые слова выходят из обихода, появился молодежный якутский сленг, приправленный заимствованиями из других языков и субкультур, который откровенно противопоставляет себя «стариковскому» якутскому языку.

Основными причинами отчуждения населения от олонхо, по мнению опрошенных жителей Хангаласского улуса, является развитие эпоса лишь в узких рамках творческих

конкурсов; 42,4% опрошенных считают, что «олонхо стало лишь ареной демонстрации талантов одаренных людей». 34,8% респондентов отмечают неконкурентоспособность олонхо в условиях агрессивного напора массовой культуры через «глянцевые» образы печатных и электронных СМИ, они согласны с мнением, что «нет должного престижа олонхо как традиционной ценности народа по сравнению с брендами массовой культуры».

Потеря традиций олонхо в первую очередь, по мнению жителей села Хангаласского улуса, проявляется в отсутствии полноценной слушательской аудитории (43,3%), а также уменьшении количества сказителей олонхо – 28,9%. Этому способствует ухудшение качества владения родным языком. Якутский язык постепенно все больше русифицируется, все больше якутов испытывают трудности выразить свои мысли и чувства на родном языке без примеси сорных слов и заимствований. Читательская аудитория книг на якутском языке восполняется достаточно слабо за счет молодежи. Лишь 10,3% респондентов утверждают, что «ничто не потеряно, традиции сохраняются и соблюдаются» (10,3%). Следует отметить, что полноценное владение родным языком – главное условие сохранения и развития культуры олонхо.

В настоящее время среди специалистов по национальной культуре идет спор по поводу сохранения и развития олонхо: сохранить и развивать эпос в русле древних традиций или адаптировать и модернизировать, чтобы более соответствовал реалиям XXI? Опрос выявил, что половина респондентов больше склоняется к первой точке зрения, продемонстрировав некоторую консервативность. Треть опрошенных выступают за «осовременивание» олонхо (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос:
«В современных условиях следует ли строго
придерживаться древних эпических традиций?»**

Варианты ответов	%
1. Да, это важно, иначе олонхо потеряет свою национальную самобытность	52,3
2. Нет, жизнь народа развивается, поэтому воздействия современных явлений нельзя избежать	25,2
3. Нет, так как каждое поколение вносит свое понимание эпических традиций	8,4
4. Затрудняюсь ответить	14,0

Но, тем не менее, даже респонденты-«консерваторы» понимают необходимость использования современных средств популяризации олонхо. Так, более половины респондентов желают видеть постановку художественных фильмов по мотивам олонхо (64,7%). В ходе опроса некоторые респонденты прямо высказывались, что мечтают видеть экранизацию олонхо в стиле известного фэнтези-фильма «Властелин колец». Некоторые предполагали, что режиссер фильма Питер Джексон, возможно, черпал образы Средиземья из «Олонхо дойдута», описанного сказителями народного эпоса.

Второе место в предпочтениях занимает «создание мультипликационных фильмов» на основе олонхо. Этот вариант выбрали, вероятно, те респонденты, которые понимают, что съемки качественного олонхо-фильма пока не под силу якутским кинокомпаниям, а создание мультипликационного фильма вполне возможно. Тем более, по местным ТВ каналам продолжительное время шел показ презентационного ролика мультфильма про олонхо бурятского режиссера Цыренжапова, который вызвал живой интерес у населения.

Остальные три варианта ответов респондентов связаны с продукцией, предназначенной для развлечения, развития детей: «издание детских книг, книжек раскрасок» – 39,2%, «создание компьютерных игр» – 27,5% и «в виде детских игрушек, сувениров» – 18,6%. Это вполне коррелирует с мнением экспертов-педагогов, которые утверждают, что культура олонхо лучше всего усваивается в детском возрасте, нежели в юношеском и зрелом.

Как и любая культурно-просветительская работа, сохранение и распространение олонхо не изначально предусматривает коммерческую выгоду. Поэтому эта деятельность должна получать, без сомнения, государственную поддержку и финансирование.

По результатам опроса, жители Хангаласского улуса в сравнении с другими улусами, где проводилось исследование, больше всех дали отрицательный ответ на вопрос: «Поддерживают ли муниципальные власти и учреждения культуры сохранение и распространение олонхо?» (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, поддерживают ли муниципальные органы власти и учреждения культуры того населенного пункта, в котором Вы сейчас живете, сохранение и распространение олонхо?», %

Улус	Варианты ответов		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Мегино-Кангаласский	53,3	16,7	30,0
Таттинский	61,3	14,7	24,0
Усть-Алданский	48,0	22,5	29,4
Горный	55,7	13,6	30,7
Намский	26,9	22,1	51,0
Чурапчинский	41,0	11,0	48,0
Хангаласский	21,9	43,8	34,3

Главными недостатками работы муниципальных органов власти и учреждений культуры были названы следующие: «не уделяют достаточного внимания вопросам повышения ценности нематериальной культуры у детей и подростков» (44,7%) и «не создают необходимых условий для сохранения олонхо» (36,2%). Причины неудовлетворенности жителей Хангаласского улуса мерами по сохранению и распространению олонхо, на наш взгляд, обусловлены следующими факторами:

1. Влиянием близости столицы – г. Якутска. Чем ближе Якутск, тем меньше удовлетворенных деятельностью местной власти и учреждений культуры по сохранению и распространению олонхо. Фактор географической близости Якутска также отражается и в ответах жителей Намского улуса. Влияние этого фактора можно объяснить следующим. Частые поездки в город за покупками и развлечениями мешают жителям из близлежащих к Якутску сел сосредоточиться на повседневной жизни в деревнях постоянного проживания. Муниципальным властям и учреждениям культуры из таких сел, как Немигюнцы, Улах-Ан и Октемцы, трудно конкурировать с отлаженной развлекательной городской сетью в организации и проведении культурно-массовых мероприятий, особенно в условиях скудного финансирования.

2. Немаловажным фактором является постепенная «сдача» своих позиций преподаваемыми в школах предметами, такими как «Якутский язык», «Якутская литература» и «Национальная культура» и связанными с этими уроками факультативами. В результате не-

давних реформ образования были урезаны часы региональных компонентов в образовании. К тому же растет количество родителей, считающих, что владение родным языком и знание национальной культуры излишни в современной жизни, а то и даже помеха в усвоении более «полезных» и «престижных» предметов естественного и технического цикла.

Как мы уже писали, признание ЮНЕСКО олонхо мировым шедевром значительно повлияло на этническое самосознание. Об этом свидетельствуют данные нашего исследования. Так, более половины опрошенных (57,5%) считают, что международное признание олонхо шедевром положительно повлияло на личное самосознание как представителя народа саха. Отрицательный ответ дали 15,1% респондентов.

После признания Юнеско эпоса шедевром, когда слово «олонхо» появилось у всех на слуху, некоторые представители бизнеса стали использовать его в качестве бренда. Например, в Якутске появились ресторан и торговый центр «Олонхо».

Как к такому явлению относится население? В результате опроса выявилось: половина респондентов (51,9%) положительно относятся к использованию названия «Олонхо» в качестве товарной марки. Они считают, что использование торговой марки «Олонхо» благоприятно скажется на имидже, поможет продвижению народного эпоса. Треть респондентов (32,1%) относятся к этому явлению негативно; вероятно, они думают, что элементы духовной культуры народа саха не должны быть выставлены на продажу. Также некоторые респонденты высказывались против использования бренда «Олонхо» для маркетинга спиртных напитков и табачных изделий. 15,1% опрошенных демонстрируют индифферентную позицию, которая соответствует варианту ответа «мне это безразлично».

На основе проведенного исследования можно прийти к следующим выводам:

1) Более половины респондентов проявляют интерес к олонхо. Главной причиной пробуждения интереса к народному эпосу является признание ЮНЕСКО олонхо мировым шедевром. Также этот интерес можно рассматривать как ответную защитную реакцию саха на процессы глобализации, агрессивное наступление массовой культуры, деструктивно влияющей на традиционную духовную культуру.

2) Восприятию и усвоению культуры олонхо препятствуют следующие факторы:

- фактическое исчезновение настоящих олонхосутов – исполнителей-импровизаторов.
- недостаточное владение родным языком для полноценного понимания и восприятия эпоса;
- снижение слухового восприятия информации современными людьми в результате развития аудиовизуальных технических средств.

Развитие и популяризация олонхо требует новых подходов. Первый подход подразумевает развитие эпоса по традиционным канонам, т.е. обучение исполнению и прослушиванию олонхо с малых лет с целью выявления талантливых людей, которые могли бы стать «ийэ-олонхоһут» – исполнителями-импровизаторами олонхо. Второй – адаптация олонхо к современным реалиям в виде кинофильмов, мультфильмов, книг и компьютерных игр.

Yu.I. Zhigusov

Folk epos «Olonkho» in opinions and evaluations of the population of the Khangalas ulus

The article presents the results of a sociological investigation which took place in the Khangalas ulus and which reflect the opinion of the rural population on the state of olonkho, its place and role in modern Yakut society as well as on the problems of preserving and developing the epos.

Keywords: folk epic olonkho, olonkhosut-improviser, olonkhosut-performer, forms of listening to the olonkho, public opinion.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.512.211:811.512.157

С.А. Иванов

К вопросу о влиянии эвенкийского языка на якутский

Рассматриваются некоторые фонетические и морфологические отклонения от общепринятой нормы, еще не заслужившие достаточного внимания исследователей-диалектологов, хотя они представляют собой довольно заметный признак территориальных диалектов. С точки зрения достижений якутской диалектологии автором вкратце излагается своё видение происхождения этих диалектальных явлений, встречающихся в лингвистическом ареале якутско-эвенкийских языковых контактов и взаимовлияний.

Ключевые слова: взаимовлияние языков, языковые контакты, лексические заимствования, билингвизм, интерференция, модификация звуков, грамматическое значение, агглютинация, двойное склонение.

Давно было установлено, что влияние эвенкийского языка на якутский обнаруживается во всех его ярусах: в фонетической системе, морфологическом строе и лексическом составе.

Если, к примеру, взять фонетику, то фонема *a* в якутском языке со дня создания научной грамматики О.Н.Бётлингга характеризуется как звук твердорядный и заднеязычный, соответствующий русскому *a* и немецкому *a*¹. Классификация якутских гласных О.Н.Бётлингга перенята В.В.Радловым, С.В.Ястремским, С.А.Новгородовым, А.А.Ивановым-Кюндэ, Н.С.Григорьевым и последующими авторами учебных пособий.

В 50-х гг. XX в. фонема *a* после щелевого среднеязычного сонанта *й* Л.Н.Харитоновым охарактеризована как звук, приближающийся к звуку *э*, что, между прочим, впервые в якутском языкознании замечено еще С.В.Ястремским². Справедливость такого суждения ученых полностью подтвердилась материалами экспериментального анализа якутского *a*, проведенного Н.Д.Дьячковским, который якутский *a* квалифицировал как звук переднеотодвинутого ряда³. В связи с этим следует отметить, что, по мнению О.А.Константиновой, специально исследовавшей фонетическую си-

стему и морфологический строй полигусовского говора, легшего в основу литературного эвенкийского языка, гласный *a* эвенкийского языка звук переднего ряда⁴. По наблюдениям О.П.Суника, фонема *a* среднего ряда получила широкое распространение во всех тунгусо-маньчжурских языках⁵.

Таким образом, создается впечатление, что в якутском языке и его говорах наблюдается опереждение гласного *a*, что во многих случаях можно объяснить влиянием фонетики эвенкийского языка. Следует, однако, отметить, что в тюркских языках, в том числе в якутском, корневой *a* является неопределённым, неустойчивым звуком, что является внутренним благоприятным условием для эффективного воздействия внешних факторов.

В якутских говорах встречаются умлаутированные (*тэрбийэх* в м. *тарбийах*, *төрбүйэх* в м. *торбуйах* 'теленки'), лабиализованные (*билбэппүн* в м. *билбэппин* 'не знаю'; *албун* в м. *албын* 'обман'), делабиализованные (*кэмүс* в м. *көмүс* 'золото', *эрүс* в м. *өрүс* 'река') и другие варианты слов, объясняемые влиянием эвенкийской произносительной нормы.

Фонема *б* в тюркских языках со времени создания первых рунических памятников квалифицируется как звук билабиальный смычный звонкий, но не изначальный: его развивают из более древнего глухого *p* (*n*)⁶.

В якутском языке согласный *б* также двугубной звонкий смычный звук. Но иногда встречается его плоскощелевой звонкий вариант, что впервые зафиксировано А.Ф. Миддендорфом и увековечено в научном труде О.Н. Бётлингга «О языке якутов»⁷. В периферийных говорах и в индивидуальной разговорной речи носителей устного литературного языка наблюдаются случаи произношения *кowo* вм. *хобо* ‘бубенчик’, *тоwок* вм. *тобоx* ‘остаток’, *каwак* вм. *хабах* ‘мочевой пузырь’ и т.д. Такое явление, замеченное в говорах, возможно, связано с влиянием эвенкийского произношения плоскощелевого звонкого губно-губного *β* или его варианта *φ*⁸.

Якутский увулярный смычный *х* и щелевой увулярный *б* в северных говорах якутского языка, по мнению якутских диалектологов, реализуются как смычные заднеязычные *к* и *г*: *хаар* ~ *каар* ‘снег’, *хаас* ~ *каас* ‘бровь’; ‘гусь’, *суорбан* ~ *суорган* ‘одеяло’, *сыарба* ~ *сыарга* ‘сани’, *оһох* ~ *оһок* ‘печь’, *суох* ~ *һуок* ‘нет’. Такое варьирование в говорах обычно связывается в якутской диалектологии с эвено-эвенкийской произносительной нормой, так как в эвенкийском языке нет увулярных звуков типа якутских.

Тем не менее Е.И. Убрятова в языке долган — оякученных тунгусов (эвенков) и в речи олёмно-виллойских якутов находила увулярный смычный *q* (*k*) после задних дифтонгов, перед и после широких задних гласных, а увулярный звонкий смычный согласный *б* обнаружен ею в положении между широкими задними гласными⁹. Возможно, в этом проявляется древнейшая черта якутского языка, так как в древнетюркских текстах учёные находят смычные веляризованные *q* (*k*) и *γ*¹⁰. Из них *q* (*k*) реконструируется в раннее пратюркское состояние и сохраняется в большинстве тюркских языков, в том числе в якутском¹¹. А увулярный *γ* — слабый звук, был неустойчивым, в интервокальном положении он почти всегда провоцировал количественно-качественное изменение окружающих его гласных звуков, в результате чего, например, в якутском языке в этой позиции образовались долгие гласные и дифтонги.

Функционирующий в современном якутском языке увулярный *б* во многих случаях является позиционно-комбинаторным вариантом увулярного смычного *q* и увулярного проточного *х*, но наблюдается явная тенденция к выпадению данного звука в интервокальном по-

ложении, что подробно описано Н.Д. Дьячковским¹². Переход увулярного смычного *q* в увулярный проточный *х* в якутском языкознании приписывается влиянию какого-то древнемонгольского диалекта. Тем не менее, Н.Д. Дьячковским экспериментально было доказано, что в якутском языке сосуществуют оба варианта древнего увулярного звука *q*.

В якутском языке функционируют фарингальный *h*. Он, что экспериментально также доказано Н.Д. Дьячковским, является в начале слова факультативным, между гласными — позиционным вариантом фонемы *с*. Но в якутоведении его считают звуком, заимствованным из эвенкийского языка. Однако я имею основание считать *h* родным якутским звуком: во-первых, фонема не заимствуется или почти не заимствуется из других языков; во-вторых, фарингализация сибиллянта *s* под влиянием гласных — довольно распространенное явление не только в современных, но и в древних языках¹³; в-третьих, из истории якутской фонетики известно, что начальный сибиллянт *s* в языке древних якутов ослабился в *h* и исчез до монгольского языкового влияния, что, видимо, не обошлось без привходящего обстоятельства.

В якутском языкознании упомянутое явление впервые подмечено О.Н. Бётлинггом, поддержано В.В. Радловым: др.-тюрк. *sekiz* ‘восемь’ в якутском через *hэкис* превратился в *абыс*; др.-тюрк. *saç* ‘волосы’ в якут. через *has* — в *ас*; др.-тюрк. *saγit* ‘удой’ в якут. через *һабым* — в *ыам*; др.-тюрк. *satiγ* ‘торговля’ в якут. через *һатыб* — в *атыы* ‘продажа’ и т.д.

Позднее в результате заимствования лексических эвенкизмов с начальным *h* в якутском языке, в особенности в периферийных его говорах, весьма активизировался фарингал *h*: *һалха* ‘молоток’ (анаб., бул., олен.), *һаканаан* ‘большая щука’ (есей.), *һимиктэ* ‘брусника’ (долг.), *һоксаакии* ‘кукша’ (долг.), *һымаакый* ‘сейчас, только что’ (верх.), *һулукта* ‘кишки оленя’ (анаб., жиг., верх.), *һыангаан* ‘налим’ (абый, алл., вил., верх., мом., кол., сакк., усть.-ян.) и другие. Отсюда и складывалось впечатление, что «появление *h* в якутском языке, по-видимому, объясняется влиянием эвенкийского языка»¹⁴.

Когда-то утраченный в древнеякутском языке фарингал *h* позднее восстановился в якутском языке как «коммуникативно-необходимый элемент» и в этом компенсирующую роль, по-видимому, сыграла произносительная норма, порожденная артикуляторно-акустиче-

ским свойством сибиланта *s*, составного элемента консонантизма якутского и эвенкийского языков.

Активизировался не только фарингал *h*. Стали широко употребляться анлаутные аффрикаты *ч, дь*, звонкие согласные *д, нь* и сонанты *л, н, м*, в более раннем состоянии якутского языка практически отсутствовавшие в анлауте слов. Активизация указанных звуков в начале слова обусловлена вхождением в якутскую лексику многочисленных эвенкийских лексических единиц, начинающихся с указанных звуков: *чагда* ‘сосняк’, *чынгырыкаан* ‘мышь’, *чөкчөнөө* ‘кулик’; *дьаангы* ‘голый утёс’, *дьааһымда* ‘древесная смола’, *дьүүнтэ* ‘ключ, родник’; *далбайшик* ‘волк’, *дарама* ‘круп олень’, *дигдилээн* ‘мостик’; *наамын* ‘вдова’, *намыс* ‘глубокий снег’, *нинчээн* ‘комолый олень’; *ньөөкү* ‘продукты, заготовленные впрок’, *ньалыкта* ‘боярышник’ или ‘багульник’, *ньуогу* ‘вожжи’ (оленьей упряжи); *лабыкта* ‘олений мох’, *латба* ‘большая деревянная ложка’, *лоруо*, *лааруо* ‘бабочка’ и многие другие, зафиксированные преимущественно в материалах говоров северо-западной диалектной зоны якутского языка.

В якутских говорах обнаружено фонетическое соответствие *нь ~ j ~ й*, в середине незначительного количества исконных якутских основ типа *аньах ~ ајах ~ айах* ‘рот’, *таньах ~ тајах ~ тайах* ‘трость, посох’, *куньах ~ кујах ~ куйах* ‘панцирь, кольчуга’ и т.д., в которых отражаются рефлексы древнетюркского носового *й*. Варианты с носовым *j* получили довольно широкое распространение в говорах олекмо-виллойских и в северо-восточных говорах, в особенности; варианты с носовым *нь* исключительно характерны для говоров северо-западной диалектной зоны, что совпадает с древней территорией расселения эвенков. Такое совпадение, несомненно, — неслучайное явление, так как носовой *j* якутских слов в произношении эвенков переходит в носовой *нь*: якут. *ајах* ‘рот’ — эвенк. *аньак*, якут. *ајыы* ‘грех’ — эвенк. *аньии*, якут. *мэјии* ‘мозг’ — эвенк. *мэньии*, якут. *кујаас* ‘жара, зной’ — эвенк. *куньаас* и т.д.¹⁵

Кроме вышеуказанных фактов, в якутских говорах наблюдаются лабиализация и длабиализация, расширение и сужение гласных; монофтонгизация дифтонгов, дифтонгизация монофтонгов, необычное удлинение кратких и сокращение долгих гласных звуков; палатализация, веляризация, спирализация, назализация согласных и другие модификации зву-

ков, объясняемые во многих случаях влиянием фонетики эвенкийского языка.

Влияние эвенкийского языка вызвало довольно заметные изменения в грамматическом строе якутского языка. «Якутский язык отличается от других тюркских языков многопадежностью»¹⁶, хотя в нем исчезли древний инструментальный, местный, древний сравнительный падеж с аффиксом *-ча*; родительный или притяжательный, различные дательные-направительные падежи, уподобительный с аффиксами *-лайын, -лайы, -лай*, древний совместный с показателями *-лан, -лаан*. Однако в диалектах якутского языка они оставили свои довольно заметные следы.

Некоторые из исчезнувших падежей, например родительный, в дальнейшем в якутском языке не развивались, по мнению компаративистов, в результате задерживающего влияния эвенкийского языка, так как в нем отсутствует родительный падеж¹⁷; зато в якутском появились частный, совместный, сравнительный падежи, расширилось значение дательного падежа под влиянием грамматического значения падежной системы тунгусского языка. При этом следует подчеркнуть, что падежные парадигмы, падежные формативы не заимствуются. Так называемые новые падежи: частный, орудный, совместный, сравнительный — появились на почве самого якутского языка, их формативы сложились из тюркского же языкового материала, преимущественно из формативов вышеупомянутых исчезнувших падежей. Как бы это парадоксально ни звучало, появление новых падежей в якутском языке произошло под влиянием грамматического значения падежной системы эвенкийского языка. Это стало возможным в результате билингвизма, контактно обусловленных отклонений от языковой формы, т.е. интерференции¹⁸.

Например, аффикс якутского совместного падежа *-лыын* (...) является составным, как установили в сравнительно-исторической тюркологии, состоящим из аффиксов древнего совместного падежа *-лы* и аффикса орудного падежа *-ын*¹⁹. В то же время аффикс *-лыын* в притяжательном склонении в результате воздействия инфикса *-н-* превратился в *-ныын* (...): *-лыын > -н-лыын > -н-ныын > -ныын* (...). Произошло случайное фонетическое совпадение этимологически разных аффиксов совместности: якутского *-ныын* (...) и эвенкийского суффикса *-нун*, восходящего к архетипу **-мула*, где *-му* — залоговый показатель, *-ла* — словообразовательный суффикс глагольных слов²⁰.

Выше было упомянуто, что в якутском языке исчез древнейший совместный падеж с показателями *-лан*, *-лаан*. Но кое-какие следы его, оказывается, сохранились в языке якутов, что удалось обнаружить С.В. Ястремскому в словоформах: *Ааналан* 'с Анною', *Экилинлэн* 'с Акулиной', *Баһылайдан* 'с Василием', *Силиттэн* 'с Филиппом', *Кириктэн* 'с Кириком', *Дьөбүөртэн* 'с Егором', *Уйбаннан* 'с Иваном'²¹. Во втором издании «Грамматики» аффикс *-лан* С.В. Ястремским исправлен на *-лаан*: *Ааналаан* 'с Анною', *Өкүлүүнэлээн* 'с Акулиной', *Баһылайдаан* 'с Василием' и т.д.²².

В якутских говорах, преимущественно в говорах центральной и северо-восточной диалектных зон, сохранился древнейший показатель совместного падежа *-лаан*, который под влиянием инфикса *-н* в притяжательном склонении превратился в *-наан*, *-нээн*: *абатынаан* 'вместе со своим отцом', *оботунаан* 'со своим ребенком', *ийэтинээн* 'вместе со своей матерью', хотя в других говорах и в литературном языке предпочтительны словоформы *абатыныын*, *оботунуун*, *ийэтиниин*. В то же время в якутских говорах встречаются единичные случаи употребления аффикса *-нан*: *абатынан*, *оботунан*, *ийэтинэн*²³.

Не исключено и то, что сохранение в якутских говорах показателей древнейшего совместного падежа *-лан*, *-лаан* (в притяжательном склонении — *-нан*, *-нэн*, *-наан*, *-нээн*) связано с якутско-эвенкийским языковым взаимодействием, ибо в эвенкийском языке форма совместности также образуется посредством аффикса *-нан*²⁴, ассимилированного варианта суффикса *-лан*²⁵.

Интересно отметить, что падежные показатели *-нун* и *-н'ун* наряду с другими суффиксами употребляются только в эвенкийском и эвенском языках, а в остальных девяти тунгусоманьчжурских языках они неизвестны²⁶. Складывается впечатление, что совместный падеж или форма совместности появились в эвенкийском и эвенском языках под влиянием грамматического значения якутского совместного падежа.

В якутских говорах, в северо-западных говорах — в особенности, наблюдается так называемое двойное или тройное склонение имен существительных: *тааскын мыыла-лыын-ы кээс* 'Оставь свой таз вместе с мылом'; *тонгус-тардыын-тан кэлэн оонньуулар этэ* 'Бывало, играли ещё приехавшие от эвенков'²⁷.

Единичные случаи употребления такого явления также находим в говорах северо-вос-

точной, олекмо-виллойской диалектных зон и в кангаласско-намских говорах центральной диалектной зоны якутского языка²⁸.

По наблюдениям ученых, подобное явление встречается во многих языках, для которых характерна агглютинативность или хотя бы черта агглютинативности, обнаруживается в тюркских, монгольских, тунгусоманьчжурских языках, а также в языках уральской языковой общности «и в ряде других языковых групп, генетически и территориально не связанных ни между собой, ни с урало-алтайской типологической зоной»²⁹.

Думается, тем не менее, что падежные формы типа *аба-лыын-ы* (вин.п.), *тонгус-тардыын-тан* (исх.п.), *харах-тыын-ы-нан* (оруд.п.) появились в якутских говорах в результате эвенкийско-якутского языкового взаимодействия, так как, по мнению тунгусоведов, аффиксы совместности *-нун* и *-нан* в эвенкийском языке являются формообразующими аффиксами, и имена с аффиксами *-нун*, *-нан* могут присоединять к себе падежные аффиксы³⁰. Кроме того, известно, что в обоих языках, характеризующихся агглютинацией, с давнего времени действует тенденция к усложнению падежного аффикса путем слияния падежных показателей различных форм и функций.

В языке якутов и его говорах встречаются многочисленные лексические заимствования. По подсчетам И.Н. Новгородова, специально исследовавшего якутско-эвенкийские языковые контакты, в нём насчитывается свыше шестисот лексических единиц, преимущественно имена существительные. Вместе с ними в якутские говоры проникли свыше сорока аффиксальных элементов, образующих имена существительные от именных и глагольных основ³¹, но в якутском языке их словообразующая функция не сработала. В этом отношении лексические эвенкизмы в корне отличаются от монголизмов, которые окончательно вошли в словарный состав якутской лексики, и в настоящее время они даже воспринимаются как исконные якутские слова. В связи с этим, кстати сказать, многие монгольские слова, как было установлено И.Н. Новгородовым, проникли в говоры северного и восточного наречий эвенкийского языка через посредство якутского³².

Благоприобретенные лексические эвенкизмы обнаруживаются в различных тематических группах, связанных с оленеводством, с охотой и рыболовством, с различными жилищно-хозяйственными постройками; с рельефом, фау-

ной и флорой таёжно-тундровой местности и т.д.; кроме того, встречаются наименования пищи и одежды и даже религиозно-культурная лексика: *сэбэки* 'шаман', *куму* 'кафтан шамана', *туру* 'шаманское дерево', *ичээн* 'знахарь', зафиксированные в «Словаре» Э.К. Пекарского³³.

Однако нельзя считать якутский язык только языком-реципиентом. В результате многовекового контакта, взаимного влияния, по мнению исследователей, примерно одну пятую часть активного словаря эвенков Якутии составляют якутизмы, фонетическое, морфологическое и лексико-семантическое освоение которых подробно описаны А.В. Романовой и А.Н. Мыреевой³⁴. Якутизмы проникли в язык эвенков со своими словообразовательными аффиксами, но последние, видимо, не всегда осознаются как собственно эвенкийские морфологические показатели, и как неосознаваемые элементы они нередко дополняются эвенкийскими аффиксами³⁵.

Вопросы якутско-эвенкийского взаимодействия с точки зрения теории языковых контактов исключительно подробно освещены в двух монографических работах И.Н. Новгородова³⁶. По мнению исследователя, эвенкизмы заимствовались в якутский язык в период, когда якуты жили довольно компактной массой в Центральной Якутии после их переселения с юга в XIV в. Данный тип эвенкизмов характерен для всего якутского языка.

Выявляются также эвенкизмы, проникшие в отдельные говоры якутского языка в ходе расселения якутов в период после XVII в., после вхождения Якутии в состав России³⁷.

Изложенные факты, какими бы фрагментарными они ни были, свидетельствуют о том, что взаимодействие якутского и эвенкийского языков — явление сложное, глубокое, многостороннее, что, действительно, заслуживает дальнейшего детального изучения с точки зрения теории языковых контактов и смешения языков, хотя в этом плане впервые в якутском языкознании написаны пионерные работы, упомянутые выше.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Бётлингк О.Н. О языке якутов / Пер. с нем. Рассадин В.И. — Новосибирск: Наука, 1989. — С. 121, § 3; с. 127, § 29.

² Харитонов Л.Н. Современный якутский язык: Фонетика и морфология. — Якутск, 1947. — С. 47; Грамматика якутского языка С.В.Ястремского. — 1900. — С. 2.

³ Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. I: Вокализм. — Якутск, 1971. — С. 86, 87.

⁴ Константинова О.А. Эвенкийский язык: Фонетика. Морфология. — М.; Л. — 1964. — С. 14.

⁵ Суник О.П. Тунгусоманьчжурские языки: Введение // Языки народов СССР. Т. V. — Л., 1968. — С. 57.

⁶ Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII — IX вв. — Л.: Наука, 1980. — С. 63; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. — М.: Наука, 1984. — С. 182.

⁷ Бётлингк О.Н. Указ. соч. — С. 182, § 138.

⁸ Об этих звуках см.: Константинова О.А. Указ. соч. — С. 23.

⁹ Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 79–82; *Её же*. Язык норильских долган. — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 41–44.

¹⁰ Кононов А.Н. Указ. соч. — С. 63, § 51.

¹¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. — М.: Наука, 1984. — С. 185–186; Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. II: Консонантизм. — Якутск, 1977. — С. 45–46.

¹² Там же. — С. 226–228.

¹³ См.: Серебренников Б.А. О причинах превращения начального *s* в *h* в башкирском языке // Сов. тюркология. — 1983. — № 2. — С. 12–15.

¹⁴ Убрятова Е.И. Опыт... — С. 74.

¹⁵ См.: Иванов С.А. Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика. — Новосибирск: Наука, 1993. — С. 218–223; *Его же*. Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). Ч. I: Фонетика. — Якутск, 2004. — Карты 35, 36, 37; Романова А.В., Мыреева А.Н., Барашков П.П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. — Л.: Наука, 1975. — С. 74.

¹⁶ *Общее языкознание*: Формы существования, функции, история языка. — М.: Наука, 1970. — С. 222.

¹⁷ Там же. — С. 223.

¹⁸ Там же. — С. 286–287.

¹⁹ Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М.: Наука, 1986. — С. 87.

²⁰ Болдырев Б.В. Словообразование имён существительных в тунгусоманьчжурских языках. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 190–191.

²¹ Грамматика якутского языка С.В. Ястремского. — Иркутск, 1900. — С. 55.

²² Ястремский С.В. Грамматика якутского языка: Пособие для педагогов. — М., 1938. — С. 54.

²³ Иванов С.А. Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. II: Морфология и лексика. — Новосибирск: Наука, 2010. — С. 93, карта 88; с. 50, комментарий к карте 88.

²⁴ Константинова О.А. Указ. соч. — С. 69–71.

²⁵ Болдырев Б.В. Указ. соч. — С. 59.

²⁶ См.: Суник О.П. Существительные в тунгусо-маньчжурских языках. – Л.: Наука, 1982. – С. 161–162.

²⁷ См.: Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка. – Якутск, 1984. – С. 184–185; *Он же*. Диалектная система языка саха. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 141–142.

²⁸ Иванов С.А. Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). Ч. II: Морфология и лексика. – Новосибирск: Наука, 2010. – С. 94, карта 89; с. 50, комментарий к карте 89.

²⁹ Благова Г.Ф. Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1. – С. 61 – 80.

³⁰ Об этом см.: Константинова О.А. Указ. соч. – С. 70–71.

³¹ Новгородов И.Н. Якутско-эвенкийские языковые контакты. – Якутск, 2009. – С. 112, 178; 193–245.

³² Новгородов И.Н. Якутизмы эвенкийского языка. – Якутск, 2008. – С. 23–33.

³³ Новгородов И.Н. Якутско-эвенкийские языковые контакты. – С. 168, 170; Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3-х т. – Budapest, 1959. – Стлб. 988, 1215, 2140, 2845.

³⁴ Романова А.В., Мыреева А.Н., Барашков П.П. Указ. соч. – 212 с.

³⁵ Более подробно об этом см. Романова А.В., Мыреева А.Н., Барашков П.П. Указ соч. – С. 85–98.

³⁶ Новгородов И.Н. Якутизмы эвенкийского языка. – 104 с.; *Его же*. Якутско-эвенкийские языковые контакты. – 248 с.

³⁷ Там же. – С. 178.

СОКРАЩЕНИЯ

абый. – абыйский говор
алл. – аллаиховский говор
анаб. – анабарский говор
бул. – булунский говор
верх. – верхоянский говор
вил. – вилюйский говор
вин. п. – винительный падеж
вм. – вместо
долг. – долганский диалект
др.- тюрк. – древнетюркский язык
есей. – есейский говор
жиг. – жиганский говор
исх. п. – исходный падеж
кол. – колымский говор
мом. – момский говор
олен. – оленекский говор
оруд. п. – орудный падеж
сакк. – саккырырский говор
усть-ян. – усть-янский говор
эвенк. – эвенкийский язык
якут. – якутский язык

S.A. Ivanov

On the question of the influence of the Evenki language on the Yakut language

The article considers some phonetic and morphological deviations from the generally accepted norm which have not yet deserved adequate attention from researchers specializing in dialectology although these deviations represent a rather distinctive feature of territorial dialects. The author gives his own vision, from the viewpoint of what Yakut dialectology has achieved, of the origin of these dialectal phenomena which occur in the linguistic area of Yakut-Evenki language contacts and mutual influences.

Keywords: language interaction, language contacts, lexical borrowings, bilingualism, interference, modification of sounds, grammatical meanings, agglutination, double declension.

УДК 811.512.157-112

И.Н. Новгородов

Основные вопросы сравнительного изучения якутского языка (к междисциплинарному исследованию)

Якутский язык рассматривается с позиции контактологической теории происхождения сходств алтайской общности. Он отделился от основной массы тюркских языков в период после древних контактов с индоевропейскими языками и до контактов с китайской культурой (49 г. до н.э.). Носители якутского

языка не имели прямых связей с тюркским языковым миром в VIII–IX вв. (отсутствие прямых заимствований из арабского языка). К XII в. н.э. мы имеем дело уже в основном со сформировавшимся якутским языком, о чем свидетельствует адаптация адстратных монголизмов (XIII–XIV вв.) и эвенкизмов (XIV в.). Предложены новые пути изучения его эволюции до XIV в.: анализ отдельных тематических групп, выявление заимствований, исследование наиболее устойчивой лексики, проведение лингвогенетических междисциплинарных исследований с целью доказательства или опровержения промежуточного праязыкового состояния тюркских языков.

Ключевые слова: якуты, эвенки, монголы, компаративистика, классификация, контакты, лингвогенетика, генетика, Y хромосома, гаплотип.

Для сравнительного изучения якутского языка важно учитывать различные взгляды на его место в классификациях тюркских языков.

Следует отметить, что установление классификационного статуса якутского языка исключительно сложно. Необходимо привести точку зрения Г. Дёрфера.

Г. Дёрфер, не являющийся активным сторонником алтайской гипотезы, говорит об особом месте якутского языка, придерживаясь традиционного бинарного деления тюркских языков: чувашский и болгарские языки и все остальные. При этом необходимо обратить внимание читателя на его мнение относительно якутского языка: «Определенную трудность представляет положение якутского языка. В Турции общепринято мнение, что тюркские языки распределяются на три группы: чувашский, якутский и другие тюркские языки. К. Грёнбек зашел настолько далеко, что произвольно относит якутский язык к южносибирским для того, чтобы, как он мне сказал, вывести его из мистической изоляции»¹.

Для сравнительного изучения якутского языка, в основном, привлекается бинарная классификация А.Н. Самойловича: группа *p* (болгарская группа: чувашский и болгарский языки) и группа *з* (все остальные тюркские языки)². В соответствии с данной классификацией якутский язык отнесен к группе *з* языков, подгруппе *д* (уйгурской, или северо-восточной), раздела *т*. Следует отметить, что в уйгурской, или северо-восточной, подгруппе представлены также разделы *д* и *з*. К разделу *д* относятся язык орхоно-енисейской письменности, карагасский, тувинский, саларский; к разделу *з* – язык желтых уйгуров, бельтирский, камасинский, качинский, койбальский, кюэрикий, кзыльский, сагайский, шорский.

Данная классификация представляет возможность для сравнения материалов якутского языка с указанными современными и древними тюркскими языками, кроме болгарской группы.

Методологическим обоснованием для данной группы классификаций, на наш взгляд, является алтайская гипотеза. Так, А.Н. Самойлович отмечает: «Принятое мною основное деление турецких языков и наречий всего на две только «группы» подкрепляется упомянутой выше новейшей работой Н.Н. Поппе «Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам», в которой доказывается, что чувашский и болгарский языки восходят не к «пратурецкому» языку («группы *з*»), а к общему предку этих двух отдельных основных групп»³. Отсюда следует единство тюркских и монгольских языков, из которого постулируется идея родства алтайских языков, а также обосновывается отсутствие единства тюркских языков, так как чувашский и болгарский восходят не к пратюркскому, а к общему предку тюркских и монгольских языков, и отсюда следует особый классификационный статус чувашского языка.

Необходимо отметить особое мнение А.Н. Самойловича относительно классификационного статуса и якутского языка: «Не отрицая своеобразности якутского языка, определяемой отнюдь не морфологическими его особенностями, как почему-то думает проф. Чобан-Заде, а его фонетикой и словарем, и не игнорируя отдельных черт, сближающих якутский язык с чувашским, я, тем не менее, не усматриваю достаточных оснований для помещения в своей классификации якутского языка в особую «группу» или «подгруппу» и отношу его к «разделу *т*» «подгруппы *д*» (уйгурской, или северо-восточной)»⁴.

По существу, алтаистическая традиция рассматривает явления якутского языка с точки зрения их вторичности, неоднозначности. Например, считается, что первичная долгота гласных произошла от дисиллабического корня, начальные и конечные глухие согласные – в результате процессов оглушения.

На мой взгляд, в исследовании природы связей тюркских, монгольских и тунгусомань-

чжурских языков необходимо принимать во внимание системные данные сравнительного языкознания, полученные на основе изучения фонетики, морфологии и лексики, а также современные результаты генетических исследований по происхождению народов мира⁵.

Системные данные говорят о больших трудностях в постулировании родства тюркских, монгольских и тунгусоманьчжурских языков, так как свидетельствуют в пользу, с одной стороны, контактного происхождения, с другой — случайного совпадения сходжений, обнаруживаемых в этих языках. Кроме того, алтайская гипотеза выходит за приемлемые временные рамки сравнительного изучения языков.

В связи с этим возникают сомнения в алтайской гипотезе и, следовательно, в результатах тех исследований, в которых применяются алтаистические подходы к изучению тюркских языков.

Например, фонетику якутского языка в сравнительном плане изучали Н.Н. Широбокова и М. Стаховский⁶. Оба автора утверждают, что базой для якутского языка является древнетюркская орхонская система⁷.

Некоторые авторы считают приемлемым сравнение якутского языка с урянхайской (тобаской) группой⁸. Однако урянхайские материалы рассматриваются как субстратные: «По-видимому, остается в силе основной постулат В.В. Радлова о возникновении тувинской речи в результате тюркизации какого-то палеосибирского населения (кетов, самодийцев и т.п.)»⁹. Отсюда возникает вопрос о том, где и когда могла произойти указанная тюркизация. В целом образование урянхайской языковой группы авторы обуславливают влиянием карлукской (уйгурской) группы. Они считают, что языком-основой якутского языка является также карлукский язык¹⁰. Таким образом, якутский язык и урянхайская группа так или иначе восходят к карлукской группе тюркских языков.

Н.Н. Широбокова утверждает, что сторонники алтайской гипотезы придерживаются мнения об оглушении начальных согласных, например, якутский глухой согласный *с*- восходит к звонкому согласному **й*-¹¹, представленному в орхонских памятниках, огузской и карлукской группе тюркских языков. Напомним также, что в древнетюркских орхонских памятниках отражаются древнеогузские особенности¹². Причиной оглушения тюркского **й*- в якутский *с*-, по-видимому, явился иноя-

зычный субстрат, так как формирование тюркских языков Сибири шло за счет тюркизации иноязычных народов¹³.

На мой взгляд, иноязычный субстрат не является причиной оглушения начального звонкого **й*- в якутский глухой согласный *с*-, более того, в данном случае вряд ли имело место оглушение.

Дело в том, что в тюркских языках начальная позиция способствует не оглушению звонких согласных, а наоборот, озвончению, так как начальный согласный всегда находится перед гласным¹⁴. Анализ материала тюркских языков показал, что в тюркском праязыке отсутствует оппозиция по глухости и звонкости согласных в начале слова, сонанты употреблялись в конце слова и отсутствовали в начале, несонанты выступали как в начальной, так и в конечной позициях¹⁵.

Отсюда становится ясным, что огузский и карлукский типы (звонкий щелевой согласный *й*-) отражают не исходное, а самое отдаленное от него состояние, в то время как в якутском языке (глухой щелевой согласный *с*-) обнаруживается древнейший признак глухости и щелинности архетипа¹⁶. Поэтому огузский и карлукский типы не являются основой фонетики якутского языка, так как с точки зрения относительной хронологии якутские признаки отражают более раннее состояние тюркских языков, чем огузские и карлукские.

Ученые, сомневающиеся в правомерности алтайской (урало-алтайской) гипотезы, выдвигают классификации, в которых обосновываются изначальность якутского языка и архаичность его явлений.

Критикуя урало-алтайские реконструкции В. Шотта еще 150 лет назад, О.Н. Бётлингк в своем знаменитом труде «О языке якутов» заметил: «Попытку объяснить родство турецких, монгольских и тунгусских языков ссылкой на соответствия в грамматических формах мы можем рассматривать как неудачную, так как только для совсем небольшого числа окончаний получено свидетельство исконной идентичности»¹⁷. Следует обратить внимание читателя и на положение О.Н. Бётлингка о необходимости всестороннего анализа отдельных членов каждой семьи перед тем как приступить к процедуре сравнения: «При таком большом удалении, как оно имеет место между различными урало-алтайскими языками (здесь даже не совпадают числительные), было бы необходимо прежде всего, по меньшей мере так мне кажется, тщательно исследовать со всех сторон отдельные члены каждой семьи и тогда толь-

ко приступить посредством сравнения всех этих членов к определению праформ корней и грамматических окончаний еще нераспавшейся семьи»¹⁸.

Следующим важным требованием он определил написание сравнительных грамматик языковых семей¹⁹. Попытке В. Шотта установить родство урало-алтайских языков без учета этого положения О.Н. Бётлингк не был склонен давать название научной работы²⁰. Таким образом, в тюркологии были определены важнейшие методологические положения, с учетом которых необходимо решать проблему происхождения урало-алтайских языков.

О.Н. Бётлингк высказал точку зрения о том, что якуты первые отделились от других представителей тюрков, говоривших еще на одном языке. В этой связи тюркскую семью языков он предлагал назвать тюркско-якутской²¹.

Дальнейшее развитие положений О.Н. Бётлингка об исузучении характера связей алтайских языков и особом классификационном статусе якутского языка мы находим у другого замечательного тюрколога Ю. Немета. В своих исследованиях Ю. Немец не только поддержал скепсис О.Н. Бётлингка в отношении родства урало-алтайских языков, но действительно выявил не столько особый статус якутского и чувашского языков, сколько обосновал идею, что эти языки относятся к одной классификационной группе, другими словами, попытался выявить их общий глоттогенез не с позиций пратюркского языка. В своем труде «Türkische Grammatik» Ю. Немец еще в 1917 г. писал, что связи алтайских языков обусловлены либо генетическими узлами, либо контактами. Далее он замечает: «единство членов большой тюркской семьи, на первый взгляд, совершенно очевидно. Они подразделяются на две большие группы: *s*- тюркские и *j*- тюркские. К первой группе относятся чувашский и якутский. Эти языки имеют анлаутный пратюркский *j*-, преобразившийся в *s*- (*s*'-), и проявляют единые инновации»²². Примечательна также дискуссия А.Н. Самойловича с Ю. Неметом: «Мне было приятно узнать, что независимо от моей брошюры, проф. Б. Чобан-Заде высказался в своём «Введении» (стр. 82), как и я, отрицательно о предложении Ю. Немета делить турецкие языки на две группы, «*s*» - языков и «*j*» - языков...»²³.

Ю. Немец пытается доказать изначальность первичных долгих гласных якутского языка.

Следует отметить, что ученый упоминает свою работу о праякутской фонетике²⁴, которая, к большому сожалению, у нас отсутствует.

С точки зрения А.М. Щербака, якутский язык, наряду с долганским, выделяется в якутскую группу²⁵. Кроме якутской, автор выделяет и другие группы тюркских языков: чувашскую, огузскую, кыпчакскую, карлукскую, урянхайскую, смешанную²⁶.

По-видимому, для сравнительного изучения якутского языка применяются или синхронические, или диахронические классификации, поскольку классификация языков не может быть одновременно синхронической и диахронической²⁷. Для обоснования синхронической классификации необходимо привлечение данных современных языков. В связи с проблемой субстрата²⁸ для обоснования диахронической классификации, кроме собственно языковых сведений, необходимо привлечение и экстралингвистических данных.

С точки зрения А.М. Щербака, важен учет данных субстрата в формировании языка, например долганского. Так, ученый считает, что долганский язык формировался в условиях контактов нескольких этносов и по всем признакам представляет собой самостоятельный язык. Ядром долганской народности стали эвенкийские роды. Исторически вообще долганы – оякученные эвенки. Поэтому эвенкийский язык должен рассматриваться как субстратный по отношению к долганскому. Якутский язык по многим признакам не «субстрат», а «суперстрат» или, точнее, «адстрат», оказавший в условиях двуязычия огромное воздействие на все ярусы долганского языка. Однако при этом долганский язык сохранил своеобразные черты и в фонетике, и в морфологии, и в лексике. И, конечно, нет никаких оснований утверждать, что долганский язык утратил тюркские слова, обозначающие наименование молочных продуктов и др. Их просто не было в долганском языке, как и в эвенкийском²⁹. Следует отметить, что в настоящее время российскими и немецкими учеными проводятся совместные генетические исследования по происхождению долган.

По-видимому, синхроническая классификация позволяет реконструировать праязык, в то время как диахроническая – рассматривает вопросы эволюции языков с учетом языкового субстрата.

Применительно к тюркским языкам, согласно мнению В.В. Радлова, якутский язык,

первоначально язык неизвестного происхождения, был монголизирован, позже подвергся тюркизации. Как было отмечено выше, В.В. Радлов не включал якутский язык, наряду с чувашским, в тюркскую классификацию языков.

Е.И. Убрятова считает, что формирование якутского языка произошло в результате перехода монголов и эвенков на тюркский язык, близкий языку орхонских тюрков³⁰.

Взгляды С. Калужинского об участии монгольских языков в развитии якутского языка значительно расходятся с предположениями В.В. Радлова и Е.И. Убрятовой. Так, С. Калужинский считает, что основная масса монголизмов якутского языка не представляет собой более архаические фонетические черты, чем имеющиеся в среднемонгольском языке (XII–XIV вв.)³¹.

О формировании якутского языка до монгольского языкового влияния свидетельствует адаптация монгольских элементов, которые не имеют значительных расхождений с их иноязычными аналогами. Так, изучение адаптации монголизмов в якутском языке показало, что они не содержат древних особенностей, например, выпадение начального глухого, шелевого согласного *с-. Эти положения С. Калужинского значительно ослабляют гипотезы В.В. Радлова и Е.И. Убрятовой о раннем монгольском влиянии на якутский язык, тем более в средние века якутский язык уже представлял тюркский язык.

Для опровержения или утверждения гипотезы Е.И. Убрятовой о формировании якутского языка в результате перехода эвенков на тюркский язык, близкий языку орхонских тюрков, был применен новый лингвогенетический подход³².

На наш взгляд, происхождение якутского языка и культуры не связано с распространением тюркского языка и культуры в среде генетических эвенков³³. Иными словами, эвенки не явились субстратом якутов и у эвенков не наблюдался языковой и культурный сдвиг, обусловленный тюркским (якутским) влиянием, который с точки зрения Е.И. Убрятовой и других и привел к формированию якутов.

Якуты и эвенки, в основном, сохраняют свой язык и культуру в настоящее время, речь не идет об ассимиляции одного народа другим.

Гипотеза Е.И. Убрятовой об эвенкийском субстрате в формировании якутов и их язык не находит подтверждения по генетическим

данным. Таким образом, якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи происходят, главным образом, на базе адстрата, а не субстрата.

Генетический анализ показал, что у подавляющего большинства мужчин-эвенков (70%) наблюдается гаплотип М-86 (гаплогруппа С), которая заметно отличается от гаплотипа Tat-C (N 3 (N 1c)) (гаплогруппа N), обнаруженного у подавляющего большинства мужчин-якутов (94%), причем N 3 отсутствует у эвенков из региона р. Подкаменная Тунгуска³⁴. Заметим, что гаплотип М-86 широко представлен у центральных (50%) и восточных (61.3%) мужчин-эвенков, что позволяет объединить эвенков и эвенков с позиций генетики³⁵, указанное положение существенно для реконструкции северотунгусского промежуточного праязыкового состояния. Генетические мутации у женщин-якуток разнообразны, и в некоторых случаях, возможно, они имеют общее с мутациями женщин-эвенкиек и тюркскоязычных женщин Южной Сибири, особенно в гаплогруппе С. Таким образом, возможно, женщины являются проводником общих генетических мутаций у якутов и эвенков.

Фонетический облик эвенкизов якутского языка свидетельствует о том, что эвенкизмы якутского языка не имеют значительных расхождений со своими эвенкийскими аналогами³⁶. Это свидетельствует о довольно позднем проникновении заимствований из эвенкийского языка в якутский, после миграции якутов в Якутию (XIV в.). Для доказательства ранних якутско-эвенкийских языковых связей необходимо привести субституцию эвенкийских фонем в якутском, которая бы имела черты относительно древнего заимствования. Например, падение начального согласного с- в эвенкизмах якутского языка. Однако эвенкизмы якутского языка с падением начального согласного с- не обнаружено.

В установлении относительной хронологии языковых контактов якутов и эвенков необходимо учитывать и лексические якутизмы эвенкийского языка³⁷. Их анализ показал, что якутизмы эвенкийского языка значительно отличаются от их якутских аналогов. Расхождения в словоформах языка-источника заимствования и языка-реципиента обусловлены системными различиями контактирующих языков, а не случаями исторического изменения, которые прослеживаются в составе заимствованных словоформ.

Относительно времени проникновения якутизмов в эвенкийский язык, следует указать, что якутские слова были заимствованы эвенками довольно поздно, о чем свидетельствуют монголизмы, проникшие в эвенкийский язык при посреднической роли якутского языка (ср. заимствование монгольских слов носителями якутского языка в средние века)³⁸. В опосредованных заимствованиях нередко сохраняются следы первоначального освоения носителями якутского языка. Далее, якутизмы в самом эвенкийском языке распределены неравномерно. Значительное число прямых якутских заимствований обнаруживается в восточном и северном наречии эвенкийского языка. В южное наречие эвенкийского языка якутизмы проникают при посреднической роли северного наречия. Необходимо принимать во внимание, что отсутствуют якутские заимствования в баргузинском говоре восточного наречия эвенкийского языка. Фонетический облик якутизмов эвенкийского языка соответствует современному состоянию якутского языка³⁹.

Для установления относительной хронологии языковых контактов якутов и эвенков необходимо учитывать не только собственно лингвистические данные, но и данные истории и генетики.

А.И. Гоголев датирует радиоуглеродным методом появление в Центральной Якутии кулун-атахской культуры якутов в XIV–XV вв. (1370 г. н.э. +/- 50 лет⁴⁰). Причем после наших исследований французские генетики отождествили представителей указанной средневековой скотоводческой культуры с современными якутами по мужской линии⁴¹.

О том, что якуты в XVII в. локализовались в Центральной Якутии и находились в эвенкийском окружении свидетельствуют и российские письменные источники⁴².

На мой взгляд, вывод о появлении якутской культуры в Якутии в XIV–XV в. согласуется с генетическими данными. Согласно этим данным якуты мигрировали в Якутию с юга⁴³.

Данные сравнительного языкознания, генетики и истории свидетельствуют о том, что компактная масса якутов мигрировала в XIV в. в места современной локализации с юга.

Таким образом, ядро якутского языка сформировалось на юге, до возвышения монголов в XIII в.

На основе данных работ становится очевидным значение якутского языка для диахро-

нической классификации современных тюркских языков, так как своеобразие якутского языка возникло не в результате действия иноязычного субстрата, а вследствие сохранения черт древнейшего состояния тюркских языков.

В настоящее время выдвигается задача – изучить развитие якутов и их языка до XIV в., которое предполагает также комплексное решение вопросов.

Например, следует иметь в виду, что гаплотип N 3 обнаруживается среди тюркских народов, например у 94% якутов, у 56,5% шорцев, у 28,2% хакасов, у 17,7% чувашей, у 16% тувинцев и др.⁴⁴ Некоторые ученые предполагают, что происхождение гаплотипа N 3 у чувашей связано с уральским субстратом. Следует отметить, что от 58,2 до 77% финнов имеют гаплотип N 3⁴⁵. Возникает вопрос: возник ли гаплотип N 3 у тюркских народов вследствие влияния уральского субстрата? Решение этой проблемы, на мой взгляд, связано с учетом данных различных наук. С точки зрения сравнительно-исторического языкознания известно, что финно-угорский языковой субстрат не обнаруживается в чувашском языке⁴⁶. В якутском языке также не прослеживается заметный уральский субстрат. Это обстоятельство ослабляет гипотезу об уральском происхождении гаплотипа N 3 у чувашей. Напротив, известно тюркское влияние на венгерский⁴⁷, а также на уральские языки⁴⁸. Не связано ли происхождение гаплотипа N 3 у некоторых уральских народов с тюркским влиянием?

В изучении генетического параллелизма важен учет данных микросателлитов. Следует отметить, что в настоящее время современная генетика подвергает анализу 67 разнообразных типов микросателлитов. Совпадение более 50% микросателлитов в гаплотипе N 3 будет несомненно свидетельствовать о пережитом общем состоянии народов.

Совпадения в микросателлитах гаплотипа N 3 важны для обоснования или опровержения промежуточного праязыкового состояния, например якутско-урянхайского, якутско-чувашского.

Считаем целесообразным, что одним из возможных путей подтверждения или опровержения реконструкции промежуточного праязыкового состояния может стать изучение наиболее устойчивой лексики.

В этом направлении работы проводились учеными Института эволюционной антропо-

логии имени Макса Планка (Германия) с участием лингвистов из разных стран. Был установлен список из 100 слов, наиболее устойчивых к заимствованию⁴⁹. Данный список был установлен на основе учёта 1460 лексических значений, разделённых на 24 семантических поля. Исследованием был охвачен 41 язык, локализованный на всех континентах. Примечательно, что в исследовании имеются материалы и якутского языка, представленные Бригиттой Пакендорф и автором этих строк⁵⁰.

Интерес к данной теме предопределён тем, что взаимоотношения языков устанавливаются не только с учётом фонетических и морфологических данных, но и на базе анализа наиболее устойчивой категории слов, что позволяет сделать выводы для обоснования их классификационного статуса.

В тюркологии существует два противоположных взгляда о возможности реконструкции промежуточных праязыковых состояний. Одни ученые скептически относятся к такой возможности (А.М. Щербак), другие не исключают подобную реконструкцию (О.Н. Бётлингк, Ю. Немет). Из новейших работ по этому направлению отметим работу О.А. Мудрака — одного из авторов «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Региональные реконструкции»⁵¹, по существу, он придерживается бинарной классификации А.Н. Самойловича и постулирует связи якутского и тувинского языков в рамках урянхайской промежуточной праязыковой общности.

Известно, что конструктивные признаки фонологической системы, морфологический тип языка изменяются значительно медленнее, чем представляющие его единицы: фонемы и морфемы. Последние выступают не сами по себе, а реализуются в составе словоформ. Однако лексический состав подвержен значительным трансформациям. Между тем, исследования показали, что лексика изменяется неравномерно. В ней больше инноваций обнаруживается среди слов, так или иначе связанных с культурой, конкретными условиями существования данного народа. Основной словарный фонд, базовая лексика сохраняет относительную устойчивость и стабильность довольно продолжительное время. Поэтому изучение устойчивого словарного запаса языка представляет большой интерес.

Так, в литературе по этому вопросу широко известен 100-словный список базовой лексики,

предложенный М. Сводешом⁵². Дальнейший его анализ с точки зрения авторов упомянутого труда *Loanwords in the world's languages* показал значительные расхождения между списком М. Сводеша и наиболее устойчивой лексикой. Например, в наиболее устойчивой лексике из списка М. Сводеша отсутствуют слова, обозначающие 'солнце', 'луну', числительное 'два' и многие другие.

В настоящее время, в период подготовки материалов для грамматики якутского языка в сравнительном освещении, другим продуктивным путем изучения древнейшей лексики якутского языка может быть исследование его отдельных тематических групп и заимствований.

В последнем случае примечательно отсутствие в нем непосредственных древних заимствований из китайского языка. Известно, что впервые в китайских источниках тюркский этноним *гяньгунь* (*кыргыз*) упоминается в первом веке до нашей эры (49 г.). По-видимому, эту дату можно считать началом китайско-тюркских контактов⁵³. Возможно, что уже в это время носители якутского языка находились в отрыве от основной массы тюркских народов, которые вступали в различные контакты с китайским языковым миром. Следует отметить, что китаизмы проникали в якутский язык через посредство монгольских языков: др.-тюрк. *бити-* 'вырезать надпись' (< кит. *pjet* 'кисть для письма' + тюркский аффикс отыменного образования глаголов *-u*⁵⁴, як. *бичик* 'письмо' (< монг. *бичиг* < тюрк. *Битиг*⁵⁵; др.-тюрк. *луу* 'дракон' (< кит. *лун, лу?*), як. *луо* (< монг. *луу*⁵⁶ < тюрк. *луу*⁵⁷).

Иной точки зрения придерживаются, например, Н.В. Choi и А.В. Дыбо⁵⁸, обосновывающие возможность влияния китайского языка на тюркский праязык. Например, А.В. Дыбо считает возможным, что в якутском языке, наряду с другими тюркскими языками, гипотетически обнаруживаются ранние заимствования из китайского языка, всего 6 слов: *алаха* 'хижина', *көмүс* 'серебро', *тимир* 'железо', *бии* '? титул', *сэрии* 'войско', *күй* '? мотив'⁵⁹. Однако некоторые из приведенных слов считаются проникшими из других языков. Например, як. *сэрии* 'войско' проникло в тюркские языки из индоевропейского языка. Якутские слова *бии* и *күй* в указанных значениях в известном своей полнотой «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского не обнаружены.

Слова *алаха*, *көмүс*, *тими́р* имеют собственно тюркское происхождение по материалам «Этимологического словаря тюркских языков».

Следует отметить, что нередко к тюркским языкам относят язык *сюнну* (*гунов*). Однако в настоящее время что-либо определенное об этом языке сказать трудно. Существует проблема отождествления азиатских *сюнну* и европейских *гунов*. Кроме того, с точки зрения языка отнесение к той или иной языковой семье обосновывается на данных основного словарного фонда, т.е. слов, не обозначающих конкретные условия существования народа, например, наиболее устойчивой лексики.

В связи с ранними связями тюркских языков с нетюркскими следует вспомнить и о тюркско-индоевропейских контактах: др.-тюрк. *чэриг*, як. *сэрии* 'война' (скр. *ksatrika*)⁶⁰, др. -тюрк. *өкүз*, як. *оғус* 'бык' (тохар. В *okso*)⁶¹. Здесь примечательно то, что в якутском языке сохранились следы указанных древних контактов, в то время как в якутском языке отсутствуют следы непосредственных тюркско-китайских языковых контактов. Отсюда можно сделать вывод об относительной хронологии отделения носителей древнеякутского языка от основной массы народов, носителей тюркских языков в период после тюркско-индоевропейских контактов и до тюркско-китайских контактов (49 г. до н.э.). Скорее всего, носители якутского языка не имели прямых связей с тюркским языковым миром и в VIII–IX вв. К XIII–XIV в. н.э., мы имеем дело уже, в основном, со сформировавшимся якутским языком.

В связи с вопросами эволюции якутского языка также нужно иметь в виду отсутствие прямых заимствований из арабского языка в якутском языке⁶². Например, арабские заимствования проникают в тюркские языки не ранее VIII–IX вв., а в якутский язык проникают через монгольское посредство (як. *мал* 'вещь, имущество', ср.-монг. *мал* 'скот', 'имущество').

Таким образом, учет данных относительной хронологии контактов тюркских языков с нетюркскими языками проливает свет на этапы формирования якутского языка.

Указанные положения применительно к теме данной работы создают предпосылки для использования модели пратюркского языка А.М. Щербака в изучении материалов якутского языка.

Следует отметить, что хронологический уровень пратюркского языка рассматривается как состояние тюркских языков, отделенное от первых письменных памятников промежуток в 7–8 столетий⁶³. Данный уровень реконструкции тюркского праязыка производится с учетом китайских источников (этноним *гяньгуань* (*кыргызы*)).

На мой взгляд, целесообразно придерживаться взгляда об отсутствии влияния монгольского и эвенкийского субстрата в формировании якутского языка. Кроме того, в настоящее время необходимо придерживаться синхронической классификации А.М. Щербака в изучении якутского языка в сравнительном плане до окончательного выяснения природы параллелизма гаплотипа N 3 у тюркских и уральских народов, а также взаимоотношения якутов и долганов.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Deorfer 1978 – Deorfer G. Zur Schtellung des Chaladsch im Kreise der Türkischen. – RO. – 2, XXXIX – 1978.

² Самойлович А.Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. – Пг., 1922. – С. 4.; *Его же*. К вопросу о классификации турецких языков // Бюллетень организационной комиссии по созыву I Всесоюзного тюркологического съезда. Баку, 28 февраля 1926 г. – С. 3–6.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 4.

⁵ Новгородов И.Н. Якутско-эвенкийские языковые контакты. – Якутск: СМУК-Master, 2009. – С. 15–26.

⁶ Широкова Н.Н. Историческое развитие якутского консонантизма. – Новосибирск: Наука, 2001. – 149 с.; Stachowski M. Des jakutischen vokalismus. – Krakow, 1993. – 207 S.

⁷ Широкова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 2005. – С. 242; Stachowski M. Des jakutischen vokalismus. – S. 10–11.

⁸ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М.: Наука, 2002. – С. 661.

⁹ Там же. – С. 600–601.

¹⁰ Там же. – С. 601–602.

¹¹ Широкова Н.Н. Историческое развитие якутского консонантизма. – С. 79.

¹² Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – СПб.: Наука, 1994. – С. 22.

- ¹³ Широбокова Н.Н. Историческое развитие якутского консонантизма. — С. 76, 88.
- ¹⁴ Шербак А.М. Еще раз к вопросу о реконструкции тюркского архетипа анлаутных $j\sim\check{z}\sim z\sim\check{s}\sim\check{c}\sim s$ ... // Советская тюркология. — 1974. — № 4. — С. 83.
- ¹⁵ Шербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л.: Наука, 1970. — С. 106.
- ¹⁶ Там же. — С. 79–80. Шербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. — С. 24.
- ¹⁷ Бётлингк О.Н. О языке якутов. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 45.
- ¹⁸ Там же. — С. 49.
- ¹⁹ Там же. — С. 51.
- ²⁰ Там же. — С. 51.
- ²¹ Бётлингк О. О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания. Напечатано по распоряжению III отделения Императорской Академии наук. — СПб., 20 июня 1853. — С. 415.
- ²² Nemeth J. Türkische Grammatik. — Berlin, Leipzig, 1917. S. 7.
- ²³ Самойлович А.Н. К вопросу о классификации турецких языков. — С. 3.
- ²⁴ Nemeth J. Die langen Vokale im Jakutischen. Keleti Szemle. —1914/15. — XV. — S. 162.
- ²⁵ Шербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. — С. 41.
- ²⁶ Там же. — С. 27–42.
- ²⁷ Poppe N. Introduction to Altaic linguistics. — Wiesbaden, 1965. — P. 33.
- ²⁸ Реформатский А.А. Введение в языкознание. — М., 1960. — С. 374–376.
- ²⁹ Шербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. — С. 41, 124 и письменное сообщение автору данной работы.
- ³⁰ Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. — М.: Наука, 1960. — С. 11–12.
- ³¹ Калужинский С. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // Труды Института языка, литературы и истории. — Якутск, 1961. — № 3(8). — С. 7.
- ³² Комри Б. Язык и доистория: к междисциплинарному подходу // Вопросы языкознания. — 2000. — № 5. — С. 28–30.
- ³³ Pakendorf B., Novgorodov I. Loanwords in Sakha (Yakut), a Turkic language of Siberia // Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Haspelmath, Martin & Tadmor, Uri (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 496–524; Новгородов И.Н. Якутско-эвенкийские языковые контакты. — 248 с.
- ³⁴ Pakendorf, B.; Novgorodov, I.N.; Osakovskij, V.L.; Danilova, A.P.; Protod'jakonov, A.P.; Stoneking, M. (2006): Investigating the effects of prehistoric migrations in Siberia: genetic variation and the origins of Yakuts // Human Genetics. 120 : 334–353.
- ³⁵ Pakendorf, B.; Novgorodov, I.N.; Osakovskij, V.L.; Stoneking, M. (2007): Mating patterns amongst siberian reindeer herders: inferences from mtDNA and Y-chromosomal analyses // American Journal of Physical Anthropology 133 : 1013–1027.
- ³⁶ Новгородов И.Н. Якутско-эвенкийские языковые контакты. —248 с.
- ³⁷ Новгородов И.Н. Якутизмы эвенкийского языка. — Якутск: СМУК-Master, 2008. — 104 с.
- ³⁸ Там же. — С. 23–33.
- ³⁹ Там же. — 104 с.
- ⁴⁰ Гоголев А.И. Якуты. Проблемы этногенеза и формирования культуры. — Якутск, 1993. — С. 61, 88.
- ⁴¹ Eric Crubezy, Sylvain Amory, Chrisrine Keyzer, Caroline Bouakaze, Martin Bodner, Morgane Gibert, Alexander Rock, Walther Parson, Anatoly Alexeev, Bertrand Ludes. Human evolution in Siberia: from frozen bodies to ancient DNA. BMC Evolutionary Biology 2010, 10 : 25. doi 10.1186/1471-2148-10-25.
- ⁴² Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960. — 620 с.
- ⁴³ Pakendorf, B.; Novgorodov, I.N.; Osakovskij, V.L.; Danilova, A.P.; Protod'jakonov, A.P.; Stoneking, M. (2006): Investigating the effects of prehistoric migrations in Siberia: genetic variation and the origins of Yakuts // Human Genetics. 120 : 334–353.
- ⁴⁴ Там же. — С. 334–353.
- ⁴⁵ Rootsi, S., L.A. Zhivotovsky, M. Baldovic, M. Kayser, I.A. Kutuev, R. Khusainova, M.A. Bermisheva, M. Gubina, S. Fedorova, A.M. Ilumde, E.K. Khusnutdinova, M. I. Voevoda, L.P. Osipova, M. Stoneking, A.A. Lin, V. Ferak, J. Parik, T. Kivisild, P.A. Underhill, and R. Villems. 2006. A counter-clockwise northern route of the Y-chromosome haplogroup N from southeast Asia towards Europe // European Journal of Human Genetics advance online publication, 6 December 2006; doi: 10.1038/sj.ejhg.5201748, см. тоже European Journal of Human Genetics. — 2007. 15 : 204–211.
- ⁴⁶ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. — С. 712.
- ⁴⁷ Gombocz Z. Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache. — Helsinki, 1912. MSFOu. XXX.
- ⁴⁸ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. — М., 2007. — С. 199.
- ⁴⁹ Loanwords in the world's languages: a comparative handbook / editaed by Martin Haspelmath, Uri

Tadmor. Walter de Gruyter GmbH & Co. Berlin. 2009. – 1081 p.

⁵⁰ *Pakendorf B., Novgorodov I.* Loanwords in Sakha (Yakut), a Türkic language of Siberia // *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook.* Haspelmath, Martin & Tadmor, Uri (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 496–524.

⁵¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – С. 734.

⁵² *Swadesh 1971* – The origin and diversification of language. Chicago: Aldine. 1971.

⁵³ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–3. – М.; Л., 1950–1953. Т. 1. С. 91; *Яхонтов С.Е.* Языки северных соседей китайцев в 1 тыс. до н.э. // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: тезисы докладов XXIX Международной алтаистической конференции (PIAC) Ташкент, сентябрь 1986. – М.: Наука, 1986. – Т. 1. – С. 75.

⁵⁴ *Щербак А.М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – С. 121.

⁵⁵ *Kaluzyn'ski S.* Yakutica. S. 47.

⁵⁶ *Там же.* – С. 82.

⁵⁷ *Щербак А.М.* Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. – СПб., Наука: 2005. – С. 40.

⁵⁸ *Han Woo Choi.* On some Chinese loanwords in Uighur. *Central Asiatic Journal.* 1988. Vol. 32. Issue 3–4. P. 161–169; *Han Woo Choi.* Newly identified

Chinese loanwords in Uighur. 1991. *CAJ.* Vol. 34. P. 41–47; *Han Woo Choi.* Newly identified Chinese loanwords in Divanu lugat-it-Turk. *CAJ.* 1992. Vol. 36. Issue 3–4. P. 187–198; *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. М., 2007. – С. 66–75.

⁵⁹ *Там же.* – С. 67, 68, 72.

⁶⁰ *Щербак А.М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – С. 122.

⁶¹ *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – С. 522, 523; *Щербак А.М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (V–XIV вв.). – СПб.: Наука, 1997. – С. 131.

⁶² *Щербак А.М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – С. 122.

⁶³ *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. – С. 193.

СОКРАЩЕНИЯ

др.-тюрк. – язык памятников древнетюркской письменности

кит. – китайский

монг. – монгольский

скр. – санскритский

тохар. В – тохарский В

тюрк. – тюркский

як. – якутский

I.N. Novgorodov

Main issues of the comparative study of the Yakut language (with reference to interdisciplinary investigation)

In this article the Yakut language is considered from the viewpoint of the contact theory of the origin of Altaic similarities. The language separated from the main body of Turkic languages during the period following ancient contacts with Indo-European languages and before contacts with Chinese culture (49 B.C.). Yakut speakers did not have direct links to the Turkic-speaking world in the 8th–9th centuries (absence of direct borrowings from Arabic). By 12 A.D. we are already dealing with a fully-formed Yakut language, which is witnessed by the adaptation of adstratum elements from Mongolian (13th and 14th centuries) and Evenki (14th century). We propose new ways of investigating its evolution until the 14th century, namely, the analysis of separate thematic groups, identification of borrowings, study of the most stable vocabulary, conducting linguistic-genetic interdisciplinary research with an eye to proving or disproving the intermediate proto-language state of Turkic languages.

Keywords: Yakuts, Evenks, Mongols, comparative study, classification, contacts, linguogenetic, genetics, Y chromosome, haplotype.

А.А. Бурыкин

Тенькинский диалект эвенского языка

Статья посвящена описанию тенькинского диалекта эвенского языка, диалекта, на котором говорит большая группа эвенов Тенькинского района Магаданской области. Данный район ныне почти недоступен для экспедиционных исследований эвенских диалектов. Этот диалект никогда ранее не описывался. Описание фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей данного диалекта дается на основе работы с небольшим числом носителей этого диалекта и с печатными текстами, подготовленными ими.

Ключевые слова: эвенский язык, диалект, тенькинский, фонетика, лексика, морфология, синтаксис, говор, восточное наречие, падеж, имя прилагательное, числительное, глагол.

Как показывает опыт полевой работы в районах проживания эвенов, в настоящее время далеко не все диалекты и говоры эвенского языка оказываются в одинаковой мере хорошо изученными. Кроме того, как это ни странно, некоторые диалекты до недавнего времени даже не были выявлены и поэтому не включались в существующие классификации эвенских диалектов и говоров. Одним из таких диалектов, существование и особый статус которого удалось установить только в последние годы, оказался диалект эвенского языка, которому посвящена настоящая работа.

Диалект, который мы называем тенькинским, распространен среди жителей небольшого поселка Оротук в Тенькинском районе, на крайнем юго-западе Магаданской области. Численность говорящих на нем эвенов составляет в настоящее время около 50 человек, кроме эвенов, в названном поселке проживают также якуты. Территория, лежащая по соседству с Тенькинским районом, в особенности восточные районы Якутии, плохо исследована в лингвистическом отношении, поэтому мы сейчас не можем сказать ничего определенного в отношении распространения этого диалекта за пределами названного района. Известно, что часть нынешних жителей пос. Оротук переселилась в этот поселок из соседнего Охотского района Хабаровского края, но точно неизвестно из какой именно местности.

В настоящее время поселок Оротук почти недоступен для полевых исследований, в него можно попасть только из районного центра Тенькинского района пос. Усть-Омчуг самолетом до пос. Хатыннах и далее на автомобиле или пешком. Источником наших сведений о

данном говоре служат наши наблюдения над речью одного из информантов-носителей данного диалекта и тексты, написанные им на родном языке.

Нашим информантом был Николай Алексеевич Зыбин (1954–1993), эвен, уроженец пос. Оротук, выпускник ФНКС ЛГПИ имени А.И. Герцена, работавший в разное время в учреждениях образования в Магадане и Анадыре, а также выпускавший в 1991–1992 гг. страницу на эвенском языке в национальной газете Чукотского автономного округа «Мургин нутэ-нут» – «Наш край». Им были также выполнены два перевода книг на эвенский язык – перевод рассказа М.Шолохова «Судьба человека» и сказки С. Аксакова «Аленький цветочек» изданных в Магадане в 1985 и 1987 гг. Им также был подготовлен перевод ряда стихотворений поэтов – представителей разных народов Севера и составлен сборник стихов «Радуга», вышедший там же в 1991 г. Основным источником описания фонетических особенностей тенькинского диалекта являются наши наблюдения и результаты слухового анализа, основным источником для описания морфологии и лексики – материалы названных выше книг, а также газетные публикации. Хотя подобные материалы не могут быть признаны абсолютно надежным источником лингвистической информации, все же при сопоставлении извлекаемых из этого материала фактов с данными известных нам соседних эвенских диалектов мы можем получить правдоподобную и достоверную картину характеристики тенькинского диалекта.

Фонетические особенности

По основным фонетическим признакам тенькинский диалект представляет типичный

диалект восточного наречия. Для него характерна сибилантность — сохранение свистящего [с] во всех позициях: *аси*: 'женщина', *эвэ:ски* 'сюда', *хукси* 'горячий', *бокэс* 'лед'. Как и в других говорах восточного наречия, в нем сохраняется постконсонантный вибрант [р]: *олра* 'рыба', *нанра* 'шкура' — произношение с ассимиляцией согласных типа *олла* характерно только для беглой неофициальной речи — ср. в текстах *кэнгрэ* (Ш 43), *кэнгдэ* 'яма' (Ш 44).

Дифтонгоидные гласные [ие] и [иа] в данном диалекте различаются, но имеют гораздо более закрытый характер, нежели соответствующие гласные в говоре эвенков Ольского, Северо-Эвенского и других районов Магаданской области. Дифтонгоидный гласный [ие] приближается в своем звучании к долговому [и:] *иекэ:* 'котел', *иеннэ* 'язык', *ниекичэ:н* 'утка'. Дифтонгоидный гласный [иа] напоминает неоднородное [э:] средней степени закрытости или [еэ]: *еэсал* 'глаз', *мээт* 'шкура с головы оленя'.

Различение переднерядных и заднерядных узких гласных [и] и [у] в данном диалекте прослеживается отчетливо — нам вообще неизвестны такие эвенские диалекты, где различия этих гласных не наблюдались бы (даже те эвенки-лингвисты, которые говорят о неразличении гласных [и] и [у] разных сингармонических рядов в их родных диалектах, показывают их различие в собственном произношении). Заднерядные гласные [и] и [у] в тенькинском диалекте, как и в ряде других диалектов, имеют более открытую артикуляцию, приближаясь к закрытым [е] и [о] соответственно. Как и в других говорах восточного наречия, узкие заднерядные гласные как краткие, так и долгие, являются фарингализованными, при произнесении долгих гласных фарингализация слышна более отчетливо.

В рассматриваемом диалекте прослеживается тенденция к своеобразному перелому гласного [и]: ср. *някму* 'мою шею' (Ш 13), *гялталрикар* 'белые' (Ш 6), *гялталри* 'белый' (Ш 54), *бялгадукун* 'из горла его' (Ш 14), *бягав* 'мою шею' (Ш 51), *гялтари* 'белый' (Ш 36), вместо обычных для восточного наречия форм *никму*, *гилталри*, *билга*. В написании, однако, прослеживаются варианты типа *бялга*, *билга*.

Иногда после среднеязычных согласных гласный [и] заменяется на [э]: в показателе уподобления —*гэчин* — *-гэчэн*, ср. *бокэскэчэн* 'как лед' (Ш 15), вместо *бокэскэчин* (и другие случаи), *имэлчинэнэн* 'быстро вошел' (А 17) вме-

сто *имэлчинэнэн-имэлчинэнэн*, как в охотских говорах.

Примечательной особенностью тенькинского диалекта является тенденция к ассимиляции переднерядного гласного [ө] до узкого [у] перед слогом со следующим узким гласным: слово *маленький* во всех текстах имеет написание *кучукэн*, отражающее соответствующее произношение. Эта черта, в целом нетипичная для ольского говора, отмечается в говорах эвенков Камчатки и отчасти в Билибинском районе Чукотки. Ср. также написание глагола *губо-*, *губэ-* 'погрузиться' (Ш 5, 19, 42), но *гөбэнукэнэм* 'я спрятался' (Ш 41), *тулкунча* 'сон' (Ш 12).

Согласный [г], в интервокальном положении имеющий фриктивный аллофон, в данном диалекте иногда переходит в [в]: *калбавды* 'плоский' (Ш 4), *хэвтэткин* 'к ветке его' (Ш 13), но *итагдин* 'приготовит' (Ш 11), *нэнгмэвэн* 'верующий' (Ш 23, 24), *говматтивутан* 'лай их' (Ш 27), но *нюнмэгэн* 'предатель' (Ш 25), *дегиндэ* 'левый' (Ш 23) — вместо *дегэнгидэ*; ср. также написание *хойдий* 'свой хвост' (Ш 52) вместо *хогдий*.

В заимствованиях в тенькинском говоре начальный [в] заменяется на [б]: *бата* 'вата' (Ш 5). В тех словах, которые начинаются с сочетания согласных, появляется протеза: *истакакан* 'стаканчик' (Ш 11), *остол* 'стол' (Ш 33), как в якутском языке. Возможно, что данные слова заимствованы через посредство якутского языка.

Отличия тенькинского диалекта от других диалектов и говоров восточного наречия эвенского языка распространяются только на фонетическую реализацию отдельных элементов звукового строя. Фонологическая система тенькинского диалекта никакой специфики не имеет и полностью соответствует фонологической системе восточного наречия эвенского языка в варианте ольского говора.

Морфологические особенности

Имя существительное

Формы числа. Формы мн. числа от существительных с основой на -н имеют суффикс -р: *гялталрикар* 'белые' (Ш 6), *дэлакчарбу* 'баранов' (Ш 12), *ангаткар* 'сироты' (Ш 15), *таррочир* 'такие' (Ш 26), *төгэчир* 'облака' (Ш 44), но отмечаются и формы с конечным -л: *хакарил очалбу нгалабий* 'почерневшие руки' (Ш 8) *хинялбу* 'тени' (Ш 8), *ангаткал* 'сироты' (Ш 9), *таррочилбу* 'таких' (Ш 11), *хэмэлни* 'губы

ее` (Ш 15–2), *уникалбий`* `свои пальцы` (Ш 32), *пэктэрэвулни`* `оружие его` (Ш 34).

Наряду с этими формами встречаются и незакономерные образования с конечным -р при основах на гласный: ср. формы мн. числа причастий *көкэчэр`* `мертвые` (Ш 27), *хонгчар`* `плакавшие`, *олгачар`* `высохшие` (Ш 46).

Непосредственной причиной отступления от норм образования форм мн. числа в данном диалекте (то же самое все чаще встречается и в ольском говоре) является согласование прилагательных с существительными в числе, приводящее к значительной вариантности оформления словосочетаний: ср. *нгонамал усил`* `длинные ремни`, *нгонамал хиркар`* `длинные ножи`, но *урумкур усил`* `короткие ремни`, *урумкур хиркар`* `короткие ножи` и т.п. В этом случае неизбежно проявляется аналогическое выравнивание форм мн. числа всех имен по наиболее простой и продуктивной модели с суффиксом -л.

Склонение заимствований с конечным -н имеет неустойчивый характер, ср. творительный падеж *эшэлонэч`* `эшелоном` (Ш 13). Причиной разрушения норм склонения являются формы творительного падежа в отрицательных конструкциях типа *ач мэргэнэч`* `без памяти` (А 19), имеющие иную морфологическую структуру *ач мэргэн-э-ч`*.

Формы падежа. В составе падежей тенькинского диалекта не обнаруживается заметных отличий от других диалектов. Количество форм совместности, имеющих статус падежных форм, по доступным материалам достоверно не определяется: в текстах формы на *-гли/-гали* отсутствуют.

В имеющихся материалах встречаются редко употребляемые падежные формы, а также отмечаются некоторые особенности употребления отдельных падежных форм:

продольный падеж вне системы пространственных значений и в необычных употреблениях: *стакандулий`* `после (второго) стакана` (Ш 36), *тингэндулий`* `на груди` (Ш 36);

направительно-местный падеж: *елтэклэн`* `пока не миновало` (Ш 14), *мудаклан`* `до конца` (Ш 43), *дюклат`* `до нашего дома` (Ш 52);

направительно-продольный падеж в необычных употреблениях: *нирикли`* `по спине` (Ш 5), *онгатакли`* `по носу` (Ш 8).

Формы принадлежности. Система форм принадлежности в тенькинском диалекте особых отличий от других диалектов не имеет. Привлекают внимание необычные возвратно-притяжательные формы ед. числа от слов с ос-

новой на согласный: *пистолейтай`* `свой пистолет` (Ш 41), *ясалай`* `свой глаз` (Ш 41) вместо *пистолейти, ясали`*.

Имя прилагательное

Из особенностей образования имен прилагательных могут быть прослежены необычные для восточных говоров образования: *хунгэлэгдэ`* `окровавленный` (Ш 29), *мөгдэ`* `жидкий` (Ш 30) – обычно производные с суффиксом *-гда/-гдэ* характеризуют величину предмета. Необычно употребление в составе прилагательных суффикса *-мкар/-мкэр`*: *мирэмкэр`* `плечистый` (Ш 46), *нянгамкар`* `грязный` (Ш 47). Обычно в восточных диалектах этот суффикс образует имена существительные с увеличительным или увеличительно-неодобрительным значением. Суффикс *-рап/-рэп`*, для которого характерно оформление относительных прилагательных со значением времени, образует в тенькинском диалекте качественные прилагательные: *баран`* `ясный` (Ш 52) – от *бай`* `ясная погода`, *нёран`* `передовой` (М 29). Совершенно необычным оказывается употребление суффикса распределительных числительных *-тал/-тэл`* в сочетании с прилагательным: *кучукэтэл`* `немного` (Ш 15), от *кучукэн`* `маленький`.

Имя числительное

Количественные числительные. При образовании составных числительных явственно отмечается тенденция к слиянию сложных форм в одну словоформу: *уюняма`* `девятьсот` (Ш 9), *дерняма`* `двести` (Ш 26), *иланьяма иланмяр`* `сто тридцать` (Ш 33), *иланьяма`* `триста` (Ш 37). Еще более характерным этот процесс оказывается для числительных второго десятка, которые в рассматриваемом диалекте образуются при помощи послелого *хулэк`* в ассимилированном виде: *өмэнилук`* `одиннадцать`, *дёрдилукутэн`* `двенадцатый` (А 19). Однако слияние форм наблюдается или по крайней мере выражается в письменной речи не всегда, ср. *дыгэн мяр өмэн`* `сорок один` (Ш 43). и др.

Числительное `тысяча` имеет в тенькинском диалекте вид `тыкича` (Ш 9) и явно заимствовано через посредство якутского языка.

Порядковые числительные. Как и в других диалектах восточного наречия, порядковые числительные имеют суффикс *-и/-ги-*, к которому присоединяются притяжательные суффиксы. Чаще всего, как и в других восточных диалектах, встречаются порядковые числительные с суффиксом принадлежности 3 л. мн.ч. *-тан/-тэн`*: *илитан инэнгэ`* `на третий`

день` (Ш 13), *илитан неделяла* `на третью неделю` (Ш 42), *өмнин* `первый его` (Ш 46), *дыгэтэн инэнгнэ* `на четвертый день` (Ш 47), *илилатан* `на третий` (А 16). Как и в других диалектах, порядковые числительные могут принимать суффиксы субъективной оценки: ср. *иличантан* `третий их` (Ш 27).

При склонении порядковых числительных может отмечаться нарушение порядка следования именных суффиксов, при котором конечный суффикс *-тан* уже не осознается как посессивный, и к нему присоединяется справа падежный суффикс: *илитам стакам* `третий стакан` (Ш 36).

Ограничительные числительные. Наряду с обычными формами ограничительных числительных с суффиксом *-ккан/-какан* типа *өмэккэн* `только один` (Ш 43), встретилась необычная форма *өмэгдэ* `только один` (Ш 22), имеющая адекативный суффикс *-гда/-гдэ*. Ограничительных числительных с суффиксами увеличительности в изученном материале не встретилось.

Числительные приблизительного счета. Эти числительные в текстах встречаются достаточно редко, но в нашем материале такая форма имеется: *дякканмяракли* `около восьмидесяти` (Ш 40).

Повторительные числительные. Образование наречных форм повторительных числительных в тенькинском диалекте обычно для всех диалектов и осуществляется с помощью суффикса *-ракан/-рэкэн*: *дыгрэкэн* `четыре раза` (Ш 51). Любопытно, что формы повторительных числительных в функции деепричастий образуются не с помощью известных морфологических последовательностей на *-и-в-ми*, а посредством того же суффикса *-ракан*: *гяракан* `во второй раз` (Ш 36, 40, 43).

Числительные со значением совместности. Эти формы образуются в тенькинском диалекте по обычной модели с суффиксом *-нидюр*: *илнидюр* `втроем` (Ш 26).

Распределительные числительные. Эти формы числительных не показывают какой-либо специфики, и имеют суффикс *-тал/-тэл*: ср. *өмэтэл* `по одному` (Ш 48).

Местоимение

В системе местоимений для тенькинского диалекта прослеживаются следующие особенности:

притяжательные местоимения в данном диалекте имеют самостоятельные формы и не совпадают с личными местоимениями: *мин*

часу эмрэн `мой час настал` (Ш 39), *мин майору* `мой майор` (Ш 39-40), *би – хин аманси* `я твой отец` (Ш 48);

возвратное местоимение в винительном падеже мн. числа имеет вид *мэнур* (Ш 13), как в диалектах среднего и западного наречий (в диалектах восточного наречия фиксируется форма *мэрбур*). При склонении возвратного местоимения иногда утрачивается конечный посессивный показатель, ср. совмст. ед.ч. *мэннюн* (Ш 39) вместо *мэннюми*, если это не ошибка в письменном тексте;

важной особенностью рассматриваемого диалекта является наличие в нем определительного местоимения *бутун* `все` (Ш 11 и др.), вин. падеж *бутумэн* (Ш 52), характерного для диалектов Охотского района Хабаровского края и других западных диалектов эвенского языка (вероятно, это местоимение заимствовано из якутского языка). Однако наряду с данным местоимением встречается и обычное для восточного наречия эвенского языка местоимение *чэлэн*, ср. вин. падеж *чэлэвэн* `все` (Ш 39).

Глагол

Формы спряжения. В анализируемых текстах в заметном количестве встречаются формы глаголов с основой на *-н*, образованные по модели глаголов с основой на согласный: *гөнрэн* `говорит` (Ш 8), *инри* `живой` (Ш 9), *елтэнрэн*, *елтэнрэ* `миновал, миновали` (Ш 18, 19 много раз), *бокнран* `догнал` (Ш 21), *илуканра* `поставили` (Ш 26), *хэкэринрэн* `вскочил` (Ш 47) вместо форм *гөнни*, *ини*, *елтэнни*, *елтэн*, *бокнан*, *илукан*, *хэкэркинни* и т.п. Однако для разговорной речи эти формы не характерны и являются особенностью письменных текстов.

Личные суффиксы глаголов имеют в тенькинском диалекте тот же вид, что и во всех восточных диалектах. Ассимилированная форма 2 л. ед. ч. *өсэсэнни* `ты трогаешь` (Ш 23) с суффиксом *-нни* вместо ожидаемого *-нри* выглядит случайно проникшей в письменный текст. Неожиданная и совершенно незакономерная форма 3 л. мн.ч. *томтэнукэр* `они выскочили` (Ш 40) вм. *төттэнукэн* отражает неупорядоченное смешение конечных согласных *-н*, *-л*, *-р* вне зависимости от характера тех морфем, которым они принадлежат (см. выше наблюдения над образованием форм числа имен).

Спряжение вспомогательных глаголов и глаголов, имеющих общую с ними модель спряжения по нашим источникам, представляет пеструю картину. Большинство отмеченных форм таких глаголов совпадает с формами

восточного наречия: *гадни* 'он взял' (Ш 34), *нэ-дэм* 'я положил' (Ш 36, 50), *одакан* 'когда стало' (Ш 39), *гадни* 'он взял' (А 10), *эсэнри гад* 'ты не берешь' (А 10). Однако наряду с этими формами встречаются и формы, характерные для западных диалектов эвенского языка, — такие, которые не образуют особой модели спряжения: *нэрэм* 'я положил' (Ш 34), *эдлэн ор* 'пока не наступило' (Ш 38), *экич нэр* 'нельзя положить' (А 8).

В тенькинском диалекте, как и в говорах эвенов Охотского побережья, встречаются формы 3 л. глаголов с суффиксом *-сан/-сэн* в ассимилированной форме: *гирканнан* 'пошел' (А 5), *хуклэннэн* 'уснул' (А 12), *мучуннан* 'вернулся' (А 16). Но такая ассимиляция, как и в ольском говоре, непоследовательна: ср. в одном предложении: *мявунни хилгэсэнэн, дюла имэлчэннэн* 'сердце его дрогнуло, он быстро вошел в дом' (А 17).

Повелительное наклонение. Повелительное 1 наклонение по текстам в форме 1 л. мн. ч. имеет суффикс *-гар/-гэр*, как в восточных диалектах: *хэргэр* 'пойдем' (Ш 26, 34, 45), *колгар* 'закурим' (Ш 43), но в одном случае мы встречаем и форму, характерную для диалектов Охотского района и западных эвенских диалектов: *хэргэлрэ* 'пойдем' (Ш 54).

Формы 2 лица повелительного 1 наклонения в преобладающем большинстве случаев имеют оформление посредством суффикса *-лра/-лрэ-*: *галра* 'возьмите' (Ш 42), *ичилрэ* 'смотрите' (Ш 50), *арчалра* 'встречайте' (Ш 50), суффикс *-лилра/-лилрэ* встретился лишь в одном примере: *хуклэлилрэ* 'спите' (М 17). Если в других восточных диалектах и, в частности, в ольском говоре варианты *-лра* и *-лилра* совершенно равноправны, то в западных диалектах и диалектах Охотского района вариант суффикса *-лилра* практически не встречается. Таким образом, тенькинский диалект и в этом отношении проявляет признаки, характерные для западных диалектов эвенского языка.

Повелительное 2 наклонение встречается в текстах редко, но в рассматриваемом диалекте существует: ср. 1 л. ед.ч. *гадаку* 'возьму-ка я' (Ш 48).

Повелительное 3 наклонение, выражающее пожелание или вежливую просьбу, в данном диалекте не проявляет особой специфики: *исн-ганри* 'я желаю тебе добраться' (Ш 54), *эмгэнри* 'приди' (А 8, 14-2), *гонгэнри* 'скажи' (А 14).

Отрицательные формы повелительного наклонения, или прохибитив, в рассматрива-

емом диалекте близки формам ольского говора. Однако в отношении этих форм надо отметить некоторые особенности: если в восточных диалектах эвенского языка — в диалектах Камчатки, говорах Чукотки и даже в восточной зоне распространения ольского говора эвенского языка отрицательные формы повелительного 1 наклонения образуются исключительно за счет форм на *-кил* в знаменательной части конструкции (при этом их замена формами на *-р/-ра* недопустима), то в западной зоне распространения ольского говора — на территории Ольского района Магаданской области чаще встречаются прохибитивные конструкции с формами на *-р/-ра* в знаменательной части.

В наших материалах встречаются как тот, так и другой варианты прохибитивных конструкций: *эди аскил* 'не сердись' (Ш 10), но *эди дёмкатта* 'не вспоминай' (Ш 14), *эдилрэ гэлэкилрэ* 'не скучайте' (Ш 43), *эди эмукил* 'не привози' (А 2-4), тут же *эди эмур* 'не привози' (А 2-2), *эди хонгкил* 'не плачь' (А 11), *эди гэрбуткил* 'не называй' (А 12), *эди нгэлкил* 'не бойся' (А 13), *эди гасчикил* 'не проси' (А 14), *эди нэнгэдкил* 'не умоляй' (А 14). Некоторое преобладание форм на *-кил* в источниках, по видимому, обусловлено стремлением строже выдержать норму письменного языка.

Отрицательные формы повелительного 2 наклонения образуются по обычному образцу: *бөдэли эмэкэн улра* 'не замочи ноги' (Ш 8), *эдэн гаграр* 'пусть не получает' (Ш 43).

Другие формы наклонений — должествовательное на *-нна-*, предположительное на *-мна-*, предостерегательное на *-дик-*, сослагательное на *-мч-* — в рассматриваемом диалекте ведут себя точно так же, как и в восточных диалектах. Наклонения вероятности на *-данг-* и так называемого настоящего времени предостерегательного наклонения с суффиксом *-к-* в материалах не встретилось, но и в ольском говоре эти формы встречаются достаточно редко.

Виды глагола. Видовые формы глагола в материалах по тенькинскому диалекту характеризуются большим разнообразием и по своему составу приближаются к восточным диалектам эвенского языка (в западных диалектах, распространенных на территории Якутии, отмечается меньшее количество видовых форм, нежели в письменном языке и живых восточных диалектах). Нам представляется целесообразным отметить в данном материале диалект-

ные особенности и сравнить их с показаниями других известных нам эвенских диалектов, а также обратить внимание на некоторые редко встречающиеся видовые формы.

Вид обратного действия с суффиксом *-рга-/-ргэ:* *эмэргэри* 'я вернулся' (Ш 9), *эмэргэдинри* 'ты вернешься' (Ш 47), *гөбөргэн* '(солнце) село' (Ш 22). Любопытно, что данная видовая форма во всех примерах указывает на то, что совершаемое ранее действие (движение) имело противоположное направление: с точки зрения семантики во всех примерах данный видовой показатель является избыточным.

Вид неоднократного действия с суффиксом *-гра-/-гара-:* *колгарарив* 'я выпивал' (Ш 10), *миркэгэрэри* 'я приползал' (Ш 10), *гавгарарив* 'я получал' (Ш 12), *эдэн гаграр* 'пусть не получает' (Ш 43). Показатель *-гра-/-гара-* в тенькинском диалекте оказывается заметным по своей частотности, но все же является не столь частотным, как в западных диалектах эвенского языка, где среди суффиксов многократности он заметно преобладает над остальными.

Вид многократного действия с суффиксом *-кат/ч-/-кэт/ч-:* *хукукатми* 'вычерпывая' (Ш 5) *эмрукэттэн* 'водит' (Ш 6), *уткаттис* 'ты крутил' (Ш 7), *онаякаттин* 'рисовал' (Ш 8), *төрэкэттэн* 'говорит' (Ш 11), *хуклэкэттин* 'спал' (Ш 27), *колкаттан* 'пьет' (Ш 38), *нюнкэттин* 'показывал' (Ш 39). В ольском говоре данный суффикс выражает неодобрительное отношение говорящего к совершающемуся действию (что не всегда отмечалось в описаниях форм с этим суффиксом), в нашем материале совершенно очевидна реализация этого же самого дополнительного модального оттенка значения.

Вид длительно совершаемого действия с суффиксом *-дан-/-ден-:* *көечидендинри* 'ты смотришь' (Ш 8), *гиркавачидярит* 'мы шли' (Ш 22), *көкэденритэн* 'умирали' (Ш 27), *илбэденрит* 'мы гнали' (Ш 45), *халгандадяни* 'идя пешком' (Ш 53). Данные видовые формы в тенькинском диалекте заметно более частотны, нежели в ольском говоре, но несколько менее частотны, чем в эвенских диалектах Охотского района или языке фольклорных записей Н.П.Ткачика.

Вид длительного действия с суффиксом *-с-:* *нёс-тэ-с* 'чтобы (тебе) выходить' (Ш 23), *эгдесэттив* 'я гордился' (Ш 12). Материалы тенькинского диалекта не показывают лексикализованного характера образований с суффиксом *-с-:* хотя этот суффикс мало известен по грамматическим описаниям эвенского язы-

ка, он явно относится к средствам глагольного формообразования и не является словообразующим.

Вид интенсивности действия с суффиксом *-н-:* *таданритан* 'разорвали' (Ш 22), *таданра* 'разорвали' (Ш 27).

Вид готовности совершить действие с суффиксом *-мал-/-мэл-:* *эчу мучумалра* 'я не захотел возвращаться' (Ш 11).

Вид желания совершить действие с суффиксом *-м-(са-/сэ-):* *хөрэмсэм* 'я хочу отправиться' (Ш 43), *эч хуелдэмэчимсэ* 'не хотела расставаться' (Ш 43).

Видовая форма интенсивности с суффиксом *-нукан-/-нукэн-* обычно не выделяется как самостоятельная видовая форма, вероятно, ввиду ее сходства с формами каузатива на *-вкан-*, которые употребляются в том же самом значении. Однако последовательность *-нукан-* с точки зрения морфонологии эвенского языка невозможно объяснить как сочетание показателя интенсивности *-н-* с показателем каузатива *-вкан-* — ожидалось бы либо формы *-мкан-*, либо *-никан-/-нюкан-*, но никак не *-нукан-*. Формы однократной интенсивности на *-нукан-* часто встречаются в ольском говоре, достаточно часты они и в материалах по тенькинскому диалекту: *гөбэнукэнэм* 'я спрятался' (Ш 41), *насануканам* 'я сорвал' (Ш 41), *насануканни* 'выстрелил (отсалютовал)' (Ш 46), *төттэнукэр* 'они выскочили' (Ш 40).

Конструкции *-сон + би-*, обычно выражающие имитацию действия, в материалах по данному диалекту имеют значение неуверенности говорящего в истинной причине совершения называемого действия: *нгэлсэн бичэ бимнэн* 'как будто боится' (Ш 42) — значение вероятности действия не полностью покрывается конструкцией со значением возможности *бичэ бимнэн*; *нгэлсэткэн одам омэккэн хуклэнгэ* 'я, кажется, стала бояться спать одна' (А 12).

Другие видовые формы глагола в рассматриваемом диалекте встречаются достаточно часто, но не проявляют никаких достойных внимания специфических особенностей.

Залоги глагола. Залоговые формы глагола не имеют в рассматриваемом диалекте какой-либо специфики. В исследуемом материале встречаются формы совместности — *этэн бакалдар* 'мы не встретимся' (Ш 13), формы взаимности (в сочетании с показателем совместности) — *эч хуелдэмэчимсэ* 'не хотела расставаться' (Ш 43), формы каузатива — *мусэмкэндэвур некэмсэ* 'хотят улыбнуться' (Ш 15),

манруканам 'я старался сдерживаться' (Ш 17): довольно редки случаи рефлексивного каузатива, и др. Довольно часто встречаются примеры употребления средневозвратного залога: *эмэккэн эмэбэкэн* 'так что остался совсем один' (Ш 43), *эти аич опта* 'неудачливый' (Ш 43), *бакаптан* 'нашелся' (Ш 44), *надаптин* 'понадобилось' (Ш 44) и др. Формы страдательного залога встречаются в материале в таких же употреблениях, какие обычны в письменных текстах. В конструкции *батареяду маврин* 'убит на батарее' (Ш 45) дательный падеж имеет значение не агенса, а места действия. Два примера удвоения пассивного показателя в словоформе — *хэпкэмэврив* 'я попал в плен' (Ш 16), *эникэн хэпкэмэврэ* 'не попадая' (Ш 18) выглядят ошибками (иначе их придется считать уникальными случаями для всего корпуса известных эвенских текстов): ср. рядом *хэпкэмрив* с тем же значением (Ш 16). Возможно, перед нами варианты написаний форм с комбинацией суффиксов средневозвратного и страдательного залогов (формы типа *хэпкэбэврив* 'я попался' в принципе возможны, хотя и очень редки).

Причастия. В отношении состава причастных форм материалы по тенькинскому диалекту не обнаруживают отличий от норм письменного языка. Форма причастия на *-данг-* в них не отмечена: возможно, по набору причастий данный диалект проявляет сходство с западными диалектами эвенского языка. Интересной особенностью тенькинского диалекта оказывается употребление причастий с суффиксом средневозвратного залога *-п-*, то есть с формативом *-п-ча*: *бакапча* 'найденный, встретившийся' (Ш 8), *гоюпча* 'раненый' (Ш 46-2), *бакапчал* 'найденные' (А 4). Известно, что в восточных диалектах причастия по залогу не различаются, и содержат в своем составе показатели средневозвратного и страдательного залогов очень редко (только тогда, когда такой маркировки требует контекст). В рассматриваемом диалекте различение залоговых форм причастий обычно, как и в эвенских диалектах среднего и западного наречий.

Причастие давнопрошедшего времени с суффиксом *-тла* в материалах представлено, ср. *көкэтлэ* 'падаль' (Ш 24), *хунатла* 'опилки' (Ш 30), но, как кажется, такие образования субстантивированы. Ср., впрочем *битлэ* 'то, что было' (перевод слова *судьба*).

Деепричастия. Деепричастие предела в тенькинском диалекте, как и в восточных диалектах, имеет суффикс *-кан*: *көкэсчикэн* 'до

смерти' (Ш 24), *ачча окан* 'до тех пор, пока не стало' (Ш 34), *дялукан* 'досыта' (Ш 42), *көкэкэн* 'до смерти' (Ш 42), *тикэкэн* 'так, что упала' (Ш 52). Любопытны необычные формы *хисэкэн* 'до вечера' (Ш 50), *долбакан* 'до ночи' (Ш 52). Примечательной особенностью рассматриваемого нами материала является употребление деепричастия предела в чисто временном значении: *хэпкэкэн ай бисин* 'было хорошо до тех пор, пока не попал в плен' (Ш 16), и в пространственном значении: *Познань окан* 'до Познани' (Ш 26) вм. ожидаемого *Познаньна истала* или *Познаникла*.

В образовании и употреблении других деепричастий специфические особенности не проявляются.

Конструкции с предикатными актантами. Эти конструкции в материалах по тенькинскому диалекту представлены в двух вариантах. Один из вариантов — это хорошо известные по всем восточным диалектам конструкции с формами на *-нга/-нгэ*: *туркудим илнга* 'не смогу встать' (Ш 18), *туркумчи никнгэ* 'не смогла бы сделать' (Ш 30), *туркудим нгэнунгэ* 'не смогу отнести' (Ш 37), *туркутчикэн хуклэнгэ* 'не будучи в состоянии уснуть' (Ш 51), *туркуттэн унунга* 'не может понять' (А 3), *нэлсэткэн одам эмэккэн хуклэнгэ* 'я, кажется, стала бояться спать одна' (А 12). Однако наряду с данными конструкциями, и заметно чаще их встречаются конструкции, содержащие форму цели на *-да/-дэ-* с показателями принадлежности, ср. *онядай-да туркучинри*, *тар-да бими туркучинри гонгэ* 'ни нарисовать не сможешь, и сказать не сможешь' — ни в сказке сказать, ни пером описать (А 3).

Такие конструкции с формами цели в знаменательной части в других диалектах не отмечались — для восточных диалектов эвенского языка типичными являются формы на *-нга*, для диалектов Охотского района — формы на *-ми*, *-счими*, *-нняяй/-нняяур*. Аналогичные кальки соответствующих русских оборотов не попадались на глаза в других письменных текстах, следовательно, нет достаточных оснований объяснять их появление как результат калькирования или интерференции. Конструкции такого типа встречаются в материалах более 20 раз: *туркудинри иттэй* 'не сможешь увидеть' (Ш 12), *көөттэй туркурив* 'я не мог смотреть' (Ш 13), *торэдэй туркуттэн* 'не может говорить' (Ш 13), *дуктавур-да туркуттит* 'не могли писать' (Ш 15), *истай туркурив* 'не мог добраться' (Ш 17), *туркудэтэн унур* 'чтобы не могли по-

нять' (Ш 22), *иркасандай-да туркурин* 'не мог крикнуть' (Ш 25), *хирадай туркучиллоттэм* 'я не смог дышать' (Ш 29), *нунрам чекускэтидэй* 'не закусываю' (Ш 36), *туркуритэн таткадавур* 'не смогли приучить' (Ш 36), *туркуриив тангдай* 'не мог читать' (Ш 43), *туркучинри гондэй* 'не сможешь сказать' (Ш 51), *гондэй туркуттэм* 'я не могу сказать' (А 3) и др.

Вполне возможно, что конструкции этого типа образовались как результат контаминации оборотов с глаголами типа *туркудэй* 'не мочь' и с другими глагольными конструкциями при единой знаменательной части. Ср. *мусэмкэндэвур некэмсэ, тарбач туркуттэ* 'хотят улыбнуться, но не могут' (Ш 15). Здесь знаменательная часть у формы *туркуттэ* 'не могут' опущена, так как она уже представлена в предыдущей конструкции, но в другом грамматическом оформлении.

Наречия

Из примечательных особенностей можно отметить употребление форм наречий образа действия, содержащих оценку происходящего и оформленных суффиксом *-ладин/-надин*: *нённэдин* 'по нужде' (Ш 23), и также в междоиметном употреблении *нённэдин* (Ш 48). Наречия типа *хэнгуньнэдин* 'к ужасу', *хонриньнадин* 'к несчастью, на горе', *кирлэдин* (о чем-то неприятном) для ольского говора и ряда других восточных диалектов обычны, хотя и не зафиксированы в описаниях.

Послелого

Диалектные особенности в системе послелогов на рассмотренном материале проявляются в двух формах. Это послелог, обозначающий сходство, с суффиксальным осложнением *-мэк-*: *мин урэмэку* 'похожий на меня' (Ш 10 и далее почти всюду), и пространственный послелог со значением близости в форме *чайдалин* (Ш 25, 39). Однако встречаются и другие формы этого же послелого — *чидалан* (Ш 40, А 3-3), правда, их можно отнести на счет редакторской правки текста. Обе названные выше особенности характерны для диалектов Охотского района, а вторая — послелог *чайда-* — и для эвенских диалектов Якутии.

Междометия

Весьма примечательно, что междометия согласия в материалах по тенькинскому диалекту представлены в двух вариантах, причем на одной странице текста: — *и-и* и *ингэ да* (Ш 7). Эта ситуация полностью соответствует

нормам ольского говора, но нехарактерна для других говоров, в частности, даже для языка эвенков бассейна р. Анадырь, где форма *и-и* не употребляется (Хотя, как кажется, междометие *и-и да* заимствовано из корякского или чукотского языков).

Синтаксические особенности

Прилагательные в тенькинском диалекте согласуются с существительными в числе, но не в падеже: *эррөчин пассажирнюон нулгэдми* 'ездить с таким пассажиром' (Ш 7), *катаг тэбэкив коладилрит* 'мы курили крепкий табак' (Ш 7), *хакарил очалбу негалалбий* 'свои почерневшие руки' (Ш 8), *олгача хяту кабалриди* 'сломав сухую ветку' (Ш 8), *хинэм хумэч минэдыт* 'мы резали крепкой ниткой' (Ш 37), *эгден машинаду нгэрив* 'я ездил на большой машине' (Ш 46). Числительные не требуют согласования в числе существительных, но требуют согласования в числе глаголов: *тунган бэй тэгэттэ* 'сидят пять человек' (Ш 33).

Нормы глагольного управления в тенькинском диалекте по имеющимся материалам выглядят сильно разрушенными. Глагол *бэлдэй* 'помогать', управляющий в эвенском языке винительным падежом имени, в материалах встречается исключительно с формой дательного падежа имени: *хинду бэлдин* 'тебе поможет' (Ш 10), *хинду бэлэмчу* 'я помог бы тебе' (Ш 23), *хинду этэн бэлрэ* 'тебе не поможет' (Ш 24), *хинду-ткэн бэлдим* 'я тебе помогу' (Ш 34), *дюгэттилду бэлэдилрит* 'мы начали помогать возящим' (Ш 47). Глаголы речи, требующие в эвенском языке для выражения адресата речи дополнения в направительном падеже, сплошь и рядом употребляются с формой дательного падежа: *взводнайду гөнэм* 'я говорю взводному' (Ш 26), *нонгандун гөнэм* 'говорю ему' (Ш 34, 47, 48), *мину улгимин* 'спрашивает меня' (Ш 47), *тэлэнгни минду* 'расскажи мне' (А 10), *гонни мэн хунадилди* 'говорит своим дочерям' (А 10), *тэлэнгрэн нонгандун* 'рассказывает ему' (А 10-2). Обычная для эвенского языка конструкция с направительным падежом *гөнни асаткантаки* 'говорит девушке' (А 19) оказывается единичной. Глагол *боддай* 'следовать за кем-л.', употребляющийся с дательным падежом имени, имеет при себе форму винительного падежа: *нонгман бодаддан* 'идет следом за ним' (М 27).

В причастных конструкциях форма цели на *-да-/-дэ-*+ притяжательные суффиксы вытесняет собственно причастия: *оддан укчэндэй* 'кончил говорить' (Ш 14), *оданри хиладдай* 'перестанешь мучиться' (Ш 33), но встречаются

и конструкции с причастиями: *оддан төрэрий* 'кончил говорить' (Ш 43).

Конструкции с долженствовательными формами на *-нна* в сочетании со вспомогательными глаголами реализуются в том варианте, в котором форма на *-нна* представляет собой модальную форму, а не причастие: ср. *Би нонгман маннав он*. 'Получилось, что я должен его убить' (Ш 25), *Би нонгман инив эмуннэв бисин*. 'Было так, что я должен был доставить его живым' (Ш 40). В обоих случаях при долженствовательной форме стоит личное местоимение, а не притяжательное, а вспомогательный глагол подлежащего не имеет. В ольском говоре в аналогичных конструкциях реальный производитель действия может выражаться как личными, так и притяжательными местоимениями.

Хотя для рассматриваемого диалекта характерно различие личных и притяжательных местоимений, в причастных конструкциях отмечается употребление личных местоимений вместо притяжательных: *ху эричэлэсэн* 'после того, как вы позвали' (Ш 33). Подобные конструкции могут служить объяснением процесса утраты самостоятельных притяжательных местоимений в западных диалектах эвенского языка и замены их личными местоимениями (если, конечно, тут не сыграло роль якутское влияние с якутской формой местоимения *мин* 'я', омонимичное эвенскому *мин* 'мой').

Конструкции с формами сослагательного наклонения допускают присутствие в своем составе различных форм условности: *дялукан уличидилчэл бими, мин уру тэбэлэмчи* 'если бы меня кормили досыта, мой живот мог бы разорваться' (Ш 42), *ок-ул бисэкэн хи мину бакамчис* 'как бы ни было, ты меня найдешь' (Ш 48). По нормам восточных диалектов сослагательное наклонение с суффиксом *-мч-* выражает исключительно ирреальное действие, а объединение в одной конструкции форм сослагательного наклонения и условных деепричастий на *-рак-/-рэк-* не является грамматически корректным, однако в письменной речи такие конструкции встречаются довольно часто.

Лексические особенности

Лексика тенькинского диалекта эвенского языка обладает рядом интересных особенностей. Во-первых, в данном диалекте представлены слова, характерные для западной диалектной зоны распространения так называемого ольского говора и диалектов Охотского района Хабаровского края. Это слова *катаг* — *катыг* 'сильный, крепкий' (Ш 7), *кока* 'ребен-

нок' (Ш 6 и др.), *дэлакчар* 'бараны' (Ш 12, 22), *гялталрикар* 'белые' (Ш 6, там же *небатил* 'белые' Ш 15, 31), *бяг* 'месяц' (Ш 30: в восточных диалектах чаще *аткикан*), *хогди* — *хойди* 'хвост' (Ш 52), *хараттай* 'покупать' (А 2-2), *дэрэмкэт-тэй* 'отдыхать' (М 12: в восточных диалектах «умирать»). В текстах встретилось слово *хеп* 'карман' (Ш 27), для восточных диалектов очень редкое.

Весьма примечательно, что при таком лексическом составе в текстах встретились характерные преимущественно для восточных диалектов эвенского языка слова *униимнэ* 'купец' (А 1 и др.), *мэмэкэ* 'медведь' (М 7).

Ряд слов в тенькинском диалекте имеет необычное морфологическое оформление: *кирамран* 'ресницы' (Ш 31), *умэлдэ* 'сова' (А 4), ср. *эмэл* 'филин, сова'; *ургэмкэвун* 'гиря' (Ш 39), *хаиптинг* 'портянки' (Ш 21).

Довольно заметный пласт в лексике тенькинского диалекта составляют заимствования из якутского языка или через посредство якутского языка. Некоторые примеры приводились выше, ср. еще *кутур* 'большой' (Ш 6), *карчи* 'деньги' (А 1), через якутское посредство — *нылэкэ* 'фляжка' (Ш 38). Слово *гэлэрин* 'золото' (А 1) по другим источникам неизвестно: ср. эвенк. *голорон* 'северное сияние'.

Заключение

Тенькинский диалект эвенского языка, хотя и имеет большое число черт, общих с ольским говором, но по целому ряду свойственных ему особенностей не может быть отождествлен ни с одним из соседствующих с ним диалектов эвенского языка. По многим морфологическим и лексическим признакам он близок говорам западной зоны распространения восточного наречия, соседним с ним диалектам эвенов Охотского района Хабаровского края, часть признаков связывает тенькинский диалект с эвенскими диалектами бассейна Индигирки. В принципе тенькинский диалект можно рассматривать как образец языковых формаций, переходных между известными диалектами, и выявляемых как особые диалекты только при детальном анализе характеризующих их признаков. Особый характер источников материалов — письменные тексты — не создает особых сложностей для выявления диалектных признаков, хотя общая картина и получается до некоторой степени размытой и, вероятно, при этом в описании несколько увеличивается количество признаков, представляющих восточные диалекты и письменную норму эвенского языка.

ИСТОЧНИКИ

А. — Аксаков С.Т. Хуляныакакан нечэккэн. — Аленький цветочек / На эвенский язык перевел Н.А.Зыбин. — Магадан, 1987. — 19 с.

М. — Маранга. — Радуга // Сост. и пер. Н.А.Зыбин. — Магадан, 1991. — 46 с.

Ш. — Шолохов М.А. Бэй бинилэн битлэ. — Судьба человека / На эвенский язык перевел Н.А.Зыбин. — Магадан, 1985. — 54 с.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бурькин А.А. Лексические особенности диалектов и говоров эвенов Охотского района Хабаровского

края // Лингвистические исследования 1988. — Л., 1988.

Дуткин Х.И. Аллайховский говор эвенов Якутии. Дисс. ... канд. филол. наук. — Л., 1990.

Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. — Л., 1978.

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. I. — М.; Л., 1960. Ч. II. — Л., 1980.

Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. — Л., 1989.

Эпос охотских эвенов. В записях Н.П.Ткачика. — Якутск, 1986.

A.A. Burykin

Tenka dialect of the even language

The Article deals with the description of Tenka dialect of the Even language, a dialect, which is spoken by the small group of the Evens living in Tenkinsky District of the Magadan region. The given area is nowadays almost inaccessible to the field researches of the Even dialects. This dialect was never described before. The description of phonetic, morphological, syntactic and lexical features of the given dialect is prepared on the basis of work with a small number of speakers of this dialect and with the analysis of printed texts prepared by these speakers of this dialect.

Keywords: Evenki language, dialect, Tenka, phonetics, lexicon, morphology, syntax, idiom, Eastern dialect, case, adjective, numeral, verb.

УДК 811.512.157'366.5

Н.Н. Ефремов

Грамматические и функционально-семантические категории в якутском языке

Рассматриваются грамматические и функционально-семантические категории в якутском языке, которые различаются характером уровневой соотнесенности. Если грамматические и морфологические категории проявляются на одном уровне, то функционально-семантические на разных: лексическом, морфологическом, синтаксическом. При этом средства выражения морфологических категорий в сфере функционально-семантических категорий выступают как основополагающие, в отличие от лексических и синтаксических, что показывает морфоцентрированный характер грамматического строя якутского языка.

Ключевые слова: грамматический, функционально-семантический, языковые уровни, конструкции, формы.

В грамматическом строе и в языке в целом выражается и воплощается мышление в словесной — языковой — форме¹. Потому языковая форма является центральной для познания ее семантики. Однако в зависимости от типологического характера системы языка ее формы характеризуются особенностями.

Как известно, язык многоуровневая знаковая система. Это значит, что уровни системы языка являются подсистемами, элементы

(единицы) которых связаны друг с другом различными системообразующими отношениями. Значимость каждого элемента определяется его местом в системе, а само это место — отношениями данного элемента к другим элементам системы². Например, глагольные лексемы как единицы определенной части речи характеризуются категориальным значением «процессуальность» и занимают ведущее место в системе языковых единиц, поскольку ими оформляются предикативные вершины — сказуемые различных синтаксических конструкций — про-

стого и сложного предложения, зависимой части сложноподчиненного предложения.

Грамматические категории — это, как правило, категории определенного уровня языка, морфологии и синтаксиса, представленные теми или иными множествами единиц. На уровне морфологии — это морфемы, которые являются структурными элементами слов, словоформ. Каждая морфема, в свою очередь, является формой выражения какой-либо морфологической или лексико-грамматической категории. Синтаксический уровень репрезентируется словосочетаниями, простыми и сложными предложениями, которые характеризуются тоже планом выражения и планом содержания, т.е. являются знаками языка. Но единицы синтаксиса нельзя представить цепочкой фонем, что используется при обозначении плана выражения лексем или морфем, ибо первые являются конструктивными знаками. Как пишет М.И. Черемисина, единицы синтаксиса — это «система программ, в соответствии с которой носители языка строят и понимают открытое множество фраз», речевого проявления языковой единицы — предложения³.

Функционально-семантические же категории выражаются разноуровневыми средствами: лексическими, морфологическими, синтаксическими — и имеют полевую структуру (ядерную и периферийную). В ядро полевой структуры входят специализированные, морфологические, средства, а лексические и синтаксические относятся к периферийной зоне.

В якутском языке, как и в других языках, грамматические категории имеют функционально-семантическую природу и соответствующее структурно-семантическое представление — план выражения и план содержания. Это было показано в трудах многих якутovedов, которые в своих изысканиях исходили из типологических особенностей строя якутского языка, проявляющихся в манифестации морфоцентрированных грамматических структур (см., например, труды О.Н. Бетлингк⁴, Е.И. Убрятовой⁵, Л.Н. Харитоновой⁶ и др.).

Средства выражения синтаксических категорий якутского языка (дополнения, обстоятельства и др.) О.Н. Бетлингк представлял в виде определенных конструкций, образованных посредством тех или иных падежей, а их значения — как употребление (функция) последних. Категория числа рассматривается им тоже как функция формы слова (существительного), поскольку форма единственного чис-

ла (форма основы существительного. — Н.Е.) в зависимости от контекста, характера обозначаемого выражает также значение собирательной и неопределенной множественности. В качестве формы выражения того или иного грамматического значения Отто Николаевич берет ту общую (постоянную) форму, которая участвует в экспликации всех смыслов, передаваемых разными структурами, оформляющимися ею. Иначе говоря, подобная форма является константным компонентом тех или иных структурно-семантических построений⁷.

Данный подход к изучению синтаксических категорий якутского языка имеет в целом структурно-семантическую — билатерально-знаковую основу, поскольку он ориентирован на выявление и описание формальных и семантических моделей языковых единиц, входящих в состав того или иного языкового множества.

Однако методика структурно-семантического моделирования синтаксических единиц, как таковая, долгое время не была обоснована теоретически. Она стала широко использоваться только после разработки и развития ее новосибирскими учеными в 70-х гг. XX столетия на материале языков разных систем. Суть этой методики состоит в том, что синтаксические единицы как знаки языка имеют двустороннюю сущность — план выражения и план содержания. План выражения представляется формулой конструкций, план содержания — идеальными структурами, пропозицией формул⁸.

Надо заметить, что единицы языка, «объекты лингвистики», как писал еще Фердинанд де Соссюр, «не являются данными, а формируются в зависимости от точки зрения»⁹. То есть эти единицы в отличие от явлений речи не подлежат непосредственному наблюдению, потому они представляются лингвистам в виде определенных искусственных конструкторов, где отражаются их основные отличительные признаки. Они реализуются в виде тех или иных фраз.

Таким образом, средства выражения функционально-семантических категорий можно представить в виде двусторонних языковых знаков, что позволяет рассмотреть их в качестве определенного множества языковых единиц (например, единицы, выражающие семантику прошедшего времени).

Кратко покажем, какими средствами выражаются функционально-семантические категории (ФСК) в якутском языке.

Например, категория темпоральности, как и многие ФСК, представляется морфологическими, лексическими, синтаксическими и контекстуальными средствами выражения, из которых морфологические в функционально-семантическом поле темпоральности являются ядерными, а остальные – периферийными.

Морфологическую категорию времени обычно изучают в рамках тех или иных наклонений глагола, рассматривая как его субкатегорию. Категория наклонения связана с модальностью (отношением говорящего к высказываемому сообщению), что оформляется глагольными структурами «основа глагола + показатель времени + показатели лица и числа», которые выступают как полифункциональные – многозначные – конструкции. Если глагольная основа характеризуется номинативным и функциональным значением, то временные формы и формы лица и числа – функционально-грамматической семантикой. Структура с показателем времени в зависимости от позиции в предложении квалифицируется как причастная (атрибутивная, объектная, обстоятельственная – зависимая предикативная) или собственно-глагольная (сказуемая – независимая предикативная) форма глагола. Поскольку причастная форма глагола (ФГ) передает значение времени, она является структурной основой собственно-глагольной формы глагола. Кроме того причастные ФГ, адвербиализуясь – приобретая свойства наречий, могут выступать в качестве деепричастных ФГ. Таким образом, глагольные временные формы являются основополагающими структурами для других функциональных форм глагола, которые в формальном плане совпадают с первыми и различаются в соответствующем семантическом аспекте. Все это свидетельствует о морфоцентрированном характере структуры полифункциональных глагольных систем якутского языка, в частности, и тюркских языков в целом.

Другие средства выражения времени имеют лексико-грамматический (морфологический) и синтаксический характер. Это наречия времени, обстоятельства времени, а также темпоральные полипредикативные предложения – моносубъектные и разносубъектные. Последние представляют собой класс сложного предложения. Как видно, эти средства являются частью речи (лексико-грамматическим классом слов), непредикативными и предикативными компонентами предложения. Наречия специ-

ализируются в выражении временной лексической семантики, компоненты предложения – в оформлении синтаксического временного значения. Первые заполняют позиции непредикативных компонентов с временным смыслом и соответственно входят в их класс. Следовательно, подобные компоненты выражаются частью речи (наречием), а также словоизменительными категориями синтетического («имя + падеж») и синтетико-аналитического («имя + послелог») типа. Если падежными формами с временным значением оформляются имена с темпоральным смыслом, то послеложными структурами могут представляться имена не только с временным, но и с другим значением, поскольку некоторые обсуждаемые послелоги в отличие от полисемичных падежных показателей характеризуются только темпоральной семантикой (например, *саҕана* ‘когда’, *кэнниттэн* ‘после’).

Непредикативные и предикативные временные значения, выражающиеся синтаксическими конструкциями, в отличие от морфологических значений времени имеют конкретизированный характер. Конкретизация морфологического времени реализуется посредством лексических и синтаксических средств. Последние, как уже отмечалось, бывают непредикативными и предикативными. Ср.: *кэлбитэ* ‘он пришел’ (действие совершилось до момента речи, имеет повествовательный, нарративный характер); *бэбэһэ кэлбитэ* он вчера пришел (совершилось один день тому назад). *Барбыппар кэлбитэ* ‘он пришел, когда я ушел’ (событие главной части, соотношенное с собственным субъектом, совершилось после совершения действия зависимой части); *Аһаан баран, кэлбитэ* ‘Он пришел после того, как покушал / покушав’ (событие постпозитивной части совершилось после действия препозитивной единицы, события соотношены с общим субъектом).

Морфологические формы времени в якутском языке являются многозначными, т.е. они выражают родовое временное значение в недифференцированном виде, и соответствующую временную семантику они передают в зависимости от синтаксического окружения, контекста, плана употребления фразы (нарративного, ненарративного). К таковым относится, например, форма настоящего-будущего времени (-ар), которой эксплицируется прежде всего недифференцированное настоящее время, в зависимости от контекста – также и значение будущего времени.

Морфологические формы времени в якутском языке в монографическом плане изучены Е.И. Коркиной¹⁰. Они были рассмотрены в системе наклонений глагола. Были выделены и описаны всего 10 наклонений, одно из них основное — изъявительное, остальные — косвенные (повелительное, условное, утвердительное, долженствовательное, наклонение обычно совершаемого действия, наклонение несовершенного (несуществленного) действия, сослагательное, предположительное наклонения).

Изъявительное наклонение представлено тремя разновидностями времен (прошедшее, настоящее, будущее). Прошедшее время характеризуется 8 структурно-семантическими разновидностями. Формой настояще-будущего времени также представляются различные значения.

Е.И. Коркина выделяет в форме на *-ар* следующие основные оттенки значения: выражение действий, происходящих как в момент речи, так и после, т.е. настоящих и будущих событий¹¹. Примеры: *Ваня кылааска олорор* 'Ваня сидит в классе' (событие происходит в момент речи); *Ганя сарсын барар* 'Ганя завтра уезжает' (событие реализуется после момента речи, что дополнительно конкретизируется наречием времени).

Как видно из приведенных примеров, настоящее время выражается в зависимости от лексико-грамматического значения глагола. Если это бытийно-пространственный глагол (со значением местонахождения), то структурами с *-ар* описываются конкретные статические события. Если глаголом обозначается существование субъекта, то в таком случае событие изображается в расширенном — широком настоящем.

В форме на *-ар* усматривается целый комплекс временных значений, которые обусловлены двумя планами употребления языка: планом речи и планом повествования (нарративный план).

К плану речи относятся значения настоящего обычного, узуального; настоящего расширенного; настоящего актуального; будущего. Будущие действия могут осложняться дополнительными оттенками категоричности, повеления или приказа их совершения¹².

Примеры: *Ийэм тыаба олорор* 'Моя мать живет в сельской местности'; *Кинилэр дьылэрэ дэриэбинэ кытытыгар баар* 'Их дом находится на окраине деревни'; *Ыһыах сайын аайы буолар* 'Ысыах бывает каждое лето'; *Оҕо аһыы олорор*

'Ребенок ест' (в данный момент); *Автобус соҕору кэлэр* 'Автобус придет скоро'.

В нарративном плане данная форма употребляется в стилистических целях: для актуализации описываемой ситуации, наиболее яркого, выразительного представления прошедших событий как якобы совершающихся в момент повествования¹³. Например: *1957 сыллаахха оскуолаба киирэбин. Оччолорго эттэлээх этим* 'В 1957 году я поступаю в школу. Тогда мне было семь' (букв. перевод).

Кроме того этой формой и ее отрицательным вариантом могут выражаться модальные значения. Модальные, коннотативные употребления отрицательной формы этого времени нередко передаются ее сочетаниями с определенными частицами (*дуо, ээ, эбээт, даҕаны*)¹⁴.

Примеры: *Кини киирэн кэлбэт дуо/ээ/эбээт/даҕаны* 'Вдруг заходит он/Заходил бы он/Вдруг внезапно заходит он/Хоть бы он заходил'.

Временное значение глагола зависит от его аспектуальной семантики, т.е. от длительного или недлительного характера действия, состояния, обозначающегося глагольной основой. Если она представляется как длительность, то соответственно формой на *-ар* обозначается расширенное настоящее, настоящее обычное, узуальное. Если же такая семантика характеризуется недлительностью, то обсуждаемая форма выражает значение настоящего актуального, а также будущего. Например, в семантической структуре глагольной основы *олор-* может содержаться аспектуальная сема «длительность» или «недлительность». Как видно из «Якутско-русского словаря»¹⁵, данная лексема имеет несколько значений, т.е. представляется лексико-семантическими вариантами: садиться, сидеть, жить, проживать.

В этой словоформе полифункциональным показателем *-ар* выражается, прежде всего, значение конкретного длительного настоящего времени — 'сидит он', что является семантикой грамматической субкатегорией настоящего времени. В случае, когда данная форма конкретизируется наречием *уһуннук* 'долго', эксплицируется несколько другое значение — «положение в пространстве, которое имело место задолго до момента речи и сохраняется в момент речи / положение в пространстве, которое имеет место в момент речи и будет еще долго сохраняться в плане будущего времени» — 'он долго сидит'.

Кроме того в нарративном режиме в зависимости от контекста может выражаться и

другое значение – ‘сидится он’; принимает сидячее положение; занимает место, предназначенное для сидения (настоящее повествовательное).

Данная форма, когда она представляется глаголом со значением движения, перемещения в пространстве (например, *бар-* ‘уходить’), выражает семантику настоящего повествовательного (*барар* ‘уходит’) или будущего определенного (*барар* ‘уходит(например, завтра)’ времени).

Таким образом, грамматические категории, в отличие от функционально-семантических, локализируются на одном уровне, на морфологическом или на синтаксическом, последние же, имея разноуровневые средства выражения, образуют полевую структуру, которая членится на ядерную или на периферийную, т.е. грамматические категории входят как основополагающая подсистема в функционально-семантическую структуру языка.

ЛИТЕРАТУРА

¹ *Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка – СПб., 2002. – С. 18.

² *Черемисина М.И.* Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии разных систем – Новосибирск, 2004. – С. 159.

³ *Там же.* – С. 160.

⁴ *Бетлингк О.Н.* О языке якутов/ Пер. с нем. В.И. Рассадина – Новосибирск, 1990.

⁵ *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису языка. – Новосибирск, 1976. В 2-х кн.

⁶ *Харитонов Л.Н.* Видовые формы глагола в якутском языке. – М.; Л., 1960.

⁷ *Черемисина М.И.* Избранные труды. – Новосибирск, 2004. – С. 160.

⁸ О пропозиции см. подробнее: *Черемисина М.И., Колосова Т.А.* Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск, 1987. – С. 28–34.

⁹ *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике / пер. с фр. – М., 2000. С.11.

¹⁰ *Коркина Е.И.* Наклонения глагола в якутском языке. – М., 1970.

¹¹ *Там же.* – С. 52.

¹² *Там же.* – С. 46–48.

¹³ *Там же.* – С. 48–49.

¹⁴ *Там же.* – С. 50–51.

¹⁵ Якутско-русский словарь. – М., 1972. – С. 270.

N.N. Efremov

Grammatical and functional semantic categories in Sakha

The article considers grammatical and functional semantic categories in Sakha which differ in the character of their level correlation. If grammatical morphological categories show up at the same level, functional semantic categories on the other hand reveal themselves at different levels – lexical, morphological and syntactic. Markers of morphological categories in the domain of functional semantic categories act as fundamental in contrast to lexical and syntactic which shows the morphocentric character of the grammar of Sakha.

Keywords: grammatical, functional semantic, language levels, constructions, forms.

УДК (81'373.6+81'37):811.512.157

С.Д. Егинова

Прилагательные бардам ‘дерзкий’, хадьар ‘грубый’ в современном якутском языке: ЭТИМОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА

Статья посвящена этимологии и истории лексико-семантического развития якутских прилагательных бардам ‘дерзкий’, хадьар ‘грубый’, обозначающих отрицательные черты характера человека. Актуальность данного вопроса обусловлена повышенным интересом современной компаративистики к сравнительно-историческому языкознанию, раскрывающему перспективность комплексных (диасинхронических) иссле-

© С.Д. Егинова, 2011.

дований. На основе анализа этимолого-семантических особенностей прилагательных, описывающих характер человека, автор полагает, что происхождение и развитие архаичных прилагательных якутского языка указывает на тюркское происхождение.

Ключевые слова: прилагательные, отрицательные черты характера человека, тюркские и монгольские языки, заимствования, этимология, развитие семантики слова, эмпирические признаки.

Семантическое развитие слова в современной семасиологии исследуется не на уровне отдельного слова, а шире — в синтагматическом и парадигматическом аспектах, т.е. лексическая единица изучается либо как единица контекста (синтагматический аспект), либо как часть семантического поля (парадигматический аспект)¹. Первое (функциональное) направление основывается на применении синхронного метода, второе (традиционное, генетическое) — на диахронном методе. Исследование семантического развития слова позволяет проследить развитие значений того или иного слова с установлением его исконного, исходного значения. Для этого знание актуальных, сочетаемостных возможностей исследуемой лексики обязательно, но недостаточно. Исследование эволюции значений слова требует исторического подхода, т.е. «восстановления пути во времени, который проделывает каждый элемент языка»². Следовательно, при изучении развития значений слова основополагающим может быть высказывание В. Пизани, утверждавшего, что «объяснить изменение значения равносильно установлению этимологии нового слова, которое формально идентично старому, т.е. мы должны восстановить весь процесс, в результате которого новое слово было первоначально создано»³. Исходя из вышеизложенного, синхрония и диахрония — это взаимодополняющие и взаимообогащающие процессы, необходимые при изучении семантического развития слова. И только в комплексе, т.е. при диасинхроническом, изучении возможно достижение раскрытия процесса семантического развития слова.

В «Грамматике современного якутского литературного языка» качественные прилагательные по семантическим признакам подразделяются на 11 групп⁴. Из них в одну лексико-семантическую группу входят и слова, обозначающие особенности характера, психологического склада. По материалам «Якутско-русского словаря» под редакцией П.А. Слепцова нами зафиксировано 154 прилагательных, выражающих черты характера человека⁵. Мы руководствовались принципом отбора тех при-

лагательных, которые имеют инвариантный семантический признак ‘черты характера’, а также употребляющихся преимущественно со словом *майгы* ‘характер’. Данные прилагательные представляют собой часть обширного и весьма сложного по своей структуре семантического поля психической сферы человека, так как «именно в области прилагательного наиболее очевидна абстрагирующая и анализирующая мыслительная деятельность человека»⁶.

Как известно, в антропологической лингвистике одной из методологических основ является антропоцентрический подход к описанию языковой картины человека. По лексико-тематической классификации А.Г. Шайхулова в лексико-тематической группе «Человек» выделена подгруппа «Внутренний мир человека, эмоциональные свойства, психические свойства (темперамент, характер и т.д.)»⁷. В связи с тем, что имена прилагательные, выражающие черты характера человека, по своим лексико-семантическим особенностям относятся к данной подгруппе, наше усилие прежде всего направлено на раскрытие семантического диапазона якутских прилагательных, обозначающих отрицательные качества характера человека, в частности, грубости, выступающей в качестве ориентира, в котором могут быть сконцентрированы отдельные семантические особенности, характерные для всей подгруппы в целом, что позволяет наметить в рассматриваемых основах определенную модель развития семантики как в отдельно взятых лексемах, так и в лексико-тематической подгруппе в целом.

Среди заимствованных из монгольских языков корневых прилагательных, обозначающих личностные свойства, выделяется архаичный пласт монголизмов, в состав которых входят прилагательные *бардам* ‘дерзкий’; *хадьар* ‘грубый’; *содур* ‘распутный’; *албын* ‘хитрый’, обозначающие отрицательные качества, а также *уйан* ‘чувствительный, мягкий’, обозначающее положительное качество человека. Данные прилагательные имеют параллели не только в якутском языке, но и в других тюркских языках. Целью этого исследования является выявление, восстановление исходной семантики

якутских прилагательных *бардам* 'дерзкий' и *хадьар* 'грубый', обозначающих отрицательные качества характера человека.

БАРДАМ. По мнению исследователей, якутское прилагательное *бардам* является заимствованием из монгольских языков, так как имеет соответствия в письменно-монгольском, монгольском, бурятском, калмыцком языках⁸. В монгольских языках *бардам* употребляется в значении 'гордый, хвастливый'. Как предполагает Г.Дерфер, монгольское слово *бардам* могло образоваться от монгольской основы *барда* 'хвастаться'. Так, Дерфер приводит аналогичные глагольные формы *бардо* 'быть уверенным (в своих выступлениях и т.п.), энергично выступать' из калмыцкого языка и *бардах* 'чваниться, кичиться, гордиться, хвастаться, бахвалиться' из монгольского. По мнению Г.Дерфера, лексические параллели из киргизского языка *бардам* 'много'; *барда* 'степень силы, власть', из тувинского *бардам* 'чванливый, кичливый', из каракалпакского *бардаслы* 'человек щедрый, с большим размахом, широкая натура', из узбекского *бардам* 'бодрый' монгольского происхождения. Основу из таджикского языка *бардам* 'здоровый, свежий, бодрый' Г.Дерфер выводит также из монгольской основы *бардам*⁹. Однако, как отмечает Г.Дерфер, в некоторых случаях вышеприведенная этимология слова *бардам* оказывается сомнительной.

Все зафиксированные Г.Дерфером формы можно по семантическим показателям разделить на 4 группы:

1) лексические параллели: *бардам* 'гордый, хвастливый' из письменно-монгольского, монгольского, бурятского языков; *бардым* 'гордый, хвастливый' из калмыцкого;

2) лексические параллели: *бардам* 'дерзкий' из якутского языка; *бардам* 'чванливый, кичливый; дерзкий' из тувинского;

3) лексические параллели: *бардам* 'много' из киргизского и казахского языков; *бардаслы* 'человек щедрый, с большим размахом'; 'широкая натура' из каракалпакского;

4) лексические параллели: *бардам* 'бодрый' из узбекского языка.

Из вышеприведенных лексических параллелей видно, что основное значение межтюркско-монгольской основы *бардам* заключается в понятии о чем-то большом, крупном, значительном по объему, силе, степени проявления. Так, в лексике современного якутского языка *бардам* обозначает не только личностные свойства, но и понятие 'обладающий чем-либо в

избытке'. Семантическое наполнение данного понятия зависит от того, с какими словами *бардам* вступает в лексико-семантические связи. При употреблении *бардам* со словом *ингиирдээх* данное прилагательное выражает понятие 'обладающий силой в избытке'. Например:

*Ол да иһин маннык бэйэлээх баламат күүстээх, бардам ингиирдээх баараһай массыына багдаччы тизээн... баһыгыраччы тардан иһэр*¹⁰.

'Вот почему, такая хорошая, с дерзкой силой, с сильными сухожилиями, громадная машина, полно нагруженная, несется, издавая громкие, частые звуки'.

При сочетании *бардам* со словом *баай* прилагательное обозначает понятие 'обладающий богатством в избытке'. Например:

*... бардам баайгар баһарбаппын баара гыныа диэн барабын*¹¹.

'... не желаю твоего огромного богатства, выхожу (замуж) с желанием быть тебе парой'

Бардам в значении 'много, в избытке' употребляется в качестве наречия меры, степени. Например:

*Кини түү сыстыбатах ньомоһор сирэйигэр барыта бардам, барыта томороон...*¹².

'На его продолговатом лице, на котором не было ни пушинки, было все крупным, грубым'.

Слово *бардам*, употребляемое в функции наречия, может выражать также и значение 'очень, излишне'. Например:

*Барылыыр автомобиль бардам күүскэ тирбидэ*¹³.

'Рокоцущий автомобиль очень сильно громыхал'.

Итак, можно отметить, что в лексико-семантический состав слова *бардам* входит понятие 'много; обладающий чем-либо в наибольшей степени (по объему, силе, богатству и т.п.)'. Следовательно, в восточно- и западно-кыпчакских параллелях в якутской основе *бардам* сохранено наиболее древнее значение *бардам* 'много'. В данном случае, исконным значением якутской основы *бардам* является 'много', обозначающее совокупный размер предмета, который воспринимается зрительно. Далее возникло значение 'обладающий чем-либо в наибольшей степени (по объему, силе и т.п.)'. В словарях якутского языка прилагательное *бардам* зафиксировано лишь в позднем, производном значении 'дерзкий, наглый, спесивый'¹⁴, 'нахальный, наглый, дерзкий (на-пример, нрав)'¹⁵. Данное значение возникло на основе метафорического переноса значения 'обладающий чем-либо в наибольшей степени

(по объему, силе, богатству и т.п.)'. По утверждению В.И.Лиханова, субъект, обладающий данной чертой, отличается тем, что он, благодаря преимуществу в социальном положении, привык обращаться с другими с пренебрежением, свысока¹⁶. Например, *бардам* в значении 'дерзкий, наглый' отражает духовный, психический мир человека. Данное значение вторично, так как характеризуется высокой степенью абстрактности. Процесс семантического развития якутского прилагательного *бардам* показывает, что данная основа, возможно, тюркского происхождения, так как наиболее древние значения *бардам* сохранились в кыпчакской группе тюркских языков. Можно предположить, что лексические параллели *бардам* 'много' из киргизского и казахского языков; *бардаслы* 'человек щедрый, с большим размахом'; 'широкая натура' из каракалпакского, *бардаш* 'энергия, сила, выносливость (принимая во внимание и внешний вид)'; *бардам* 'здоровый, бодрый' из киргизского семантически восходят к древнетюркскому корню *bar* 1) 'есть, имеется'; 2) 'находящийся налицо, наличный; весь'¹⁷. Объединяющее, обобщающее значение данного глагола можно определить как 'имущество, имущий, с достатком'. В монгольских языках выявлены вторичные, абстрагированные значения *бардам*, исходные значения не отмечены.

ХАДЬАР. По мнению Ст.Калужинского, якутское прилагательное *хадьар* 'ослушник, склонный грубо противоречить' является заимствованием из монгольских языков. Так, якутская основа *хадьар* сопоставляется им с основами *хажар* /< *хажыр*/ 'придирчивый, грубо' из монгольского и бурятского языков, *хаджр санаатее* 'с неверными, нечестными мыслями' из калмыцкого¹⁸.

Г.В.Попов якутское прилагательное *хадьар* 'ослушник; склонный к грубому противоречию, постоянные взаимные придирки (упреки)' сопоставляет с ногайским *кажар* 'упорный, настойчивый; сквернослов, матерщинник'. Прилагательное *хадьар* зафиксировано академиком В.В.Радловым в качестве основы неизвестного происхождения, отнесено Г.В. Поповым к числу тех слов с тюркской этимологией, иноязычные лексические параллели которых выяснены им¹⁹.

Итак, имеются расхождения по вопросу происхождения якутской основы *хадьар*. Нужно отметить, что вышеприведенные параллели к якутскому прилагательному *хадьар* недоста-

точны, так как данные параллели, употребляемые в производных значениях, обозначающих личностные свойства, являются поздними образованиями.

В словарном составе якутского языка *хадьар* зафиксировано также только в производном значении 'ослушник, склонный грубо противоречить', 'склонный к грубому препирательству'²⁰. Следовательно, нужно выявить исконное значение якутского прилагательного *хадьар*.

Итак, на наш взгляд, исконное значение якутского прилагательного *хадьар* сохранено в производной основе от *хадьар* /<*хадьарый*, *хадьырый*/ . Так, глагольная основа *хадьарый* употребляется в разговорной речи в значении 'сворачивать, обходить, сторониться, избегать'. Например:

*Дьол бөһөтө хадьарыйбыт*²¹.

'Великое счастье его обошло'.

*Уйэлээх саас тухары хадьарыйар буолаайаһын*²².

'Никогда не сторонись нас!' (Из заклинания).

Данная глагольная основа может употребляться и в форме *хадьайар* с такими же значениями. Например:

*Бу ат өрүү хадьайар идэлээх*²³.

'Этот конь имеет привычку сворачивать, отклоняться в сторону'

В якутском языке *хадьайар* возникло от *хадьай* 'отклоняться в сторону, отклоняться от прямого направления', имеющего и вариант *хаадьай* (*хадьай*) 'расшатываться вширь (о нартах и др.)'²⁴. Э.К.Пекарский якутскую основу *хадьай* сравнивает с тюркскими *казай* 'гнутья', монгольскими *хазайи* 'скривиться, согнуться'²⁵.

Таким образом, в семантическом составе якутского прилагательного *хадьар* должны быть такие компоненты, как 'отклоняющийся от прямого пути', 'делающий что-либо не так, как следовало бы делать, поступающий наперекор', так как данное слово образовано от *хадьай* с соответствующим значением при помощи аффикса -р.

Но, как было отмечено, в лексике современного якутского языка *хадьар* функционирует в значении 'склонный грубо противоречить, склонный к грубому препирательству'.

Значения якутского прилагательного *хадьар*, таким образом, восходят к тюркомонгольской глагольной основе *хаадьай* 'расшатываться вширь (о нартах и др.)', 'сворачивать, обходить, сторониться, избегать', которое сохранено в якутской основе *хадьарый*.

Видимо, слово *хадьар* первоначально обозначало качество, нрав животных. Об этом свидетельствуют лексические параллели *качар* 'поднимать кверху; закидывать назад (голову), выпячивать вперед (грудь)' из чувашского языка; *кажагай* 'лошадь, задирающая голову (при натягивании поводьев) и не желающая идти' из киргизского языка²⁶, да и вышеприведенные данные якутского языка. При абстрагировании слово *хадьар* стало выражать свойства и качества характера человека, причем отрицательные. Люди с такими качествами делают все наперекор, любят возражать, перечить, вступают в пререкания по малейшему поводу, имеют несговорчивый, упрямый, непослушный характер.

В результате комплексного, т.е. диасинхронического изучения проблемы и разработки специфики семантического развития корневых заимствованных прилагательных якутского языка, обозначающих личностные свойства, можно констатировать, что характерной особенностью данных прилагательных является то, что они в своих исконных, прямых значениях относятся к иным лексико-семантическим группам прилагательных. Так, прилагательное *бардам* 'дерзкий' в своем исконном значении употребляется в значении 'много', обозначающее совокупный размер предмета, который воспринимается зрительно, а исконное значение производного прилагательного *хадьар* 'грубый' (<хадьай) сохранено в значениях корневой глагольной основы якутского языка *хадьай* 'расшатываться вширь (о нартах и др.)'; 'сворачивать, обходить, сторониться, избегать'; 'отклоняющийся от прямого пути'. Следовательно, производные значения данных прилагательных возникли на основе эмпирических признаков, в частности, визуальных признаков.

Итак, на основе этих данных правомерно допустить, что прилагательное *бардам* 'дерзкий' семантически восходит к прилагательным, обозначающим вес, размер. Прилагательное *хадьар* 'грубый' образовано от глагольной основы *хадьай* 'сворачивать, обходить, сторониться, избегать', по лексическим значениям примыкающей к глаголам движения. Как было выше отмечено, возможно, первоначально прилагательное *хадьар* функционировало при обозначении качества, определении нрава животных.

Итак, корневые заимствованные прилагательные якутского языка, обозначающие отри-

цательные качества человека, заимствованы в производных значениях. Прототипы этих прилагательных в монгольских языках также зафиксированы лишь в поздних, производных значениях. В словарях якутского языка данные прилагательные отмечены только в производных, заимствованных значениях. Однако при рассмотрении функциональных возможностей прилагательных в лексико-семантической системе якутского языка с учетом их устаревших и исчезнувших значений, выявляется, что в семантическом составе данных прилагательных сохранились только вторичные, производно-прямые значения, исчезнувшие основные значения обнаружены в корневых и производных формах данного корня. Также нужно отметить, что предполагаемые исконные значения *бардам* 'дерзкий', *хадьар* 'грубый' «прощупываются» на материале не только якутского, но и других тюркских языков. При заимствовании прилагательные подверглись семантическому изменению, что обнаруживается в процессе наблюдения за возникновением и развитием их семантики, прилагательные *бардам* 'дерзкий', *хадьар* 'грубый' переосмыслены.

Сказанное дает основание предположить тюркский характер возникновения и развития рассмотренных архаичных прилагательных якутского языка, обозначающих отрицательные качества человека.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ *Сергеев В.И.* Многозначность слова и контекстная семантика // Советская тюркология. – Баку. 1988. – № 1. – С. 14.
- ² *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: СЭ, 1969. – С. 133.
- ³ *Лизани В.* Этимология. История – проблемы – методы. – М.: Наука, 1956. – С. 142.
- ⁴ *Грамматика* современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – С. 157–158.
- ⁵ *Якутско-русский словарь* / Под ред. Слепцова. – М.: СЭ. 1972. – 608 с.
- ⁶ *Харитончик З.А.* Прилагательное: значение, словообразование, функции: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. – М., 1986. – С. 1.
- ⁷ *Сергеев В.И.* Развитие лексической семантики чувашского языка (основные тенденции). – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1991. – С. 62.
- ⁸ *Kaluzynski St.* Mongolische Elemente im der jakutischen Sprache. – Warszawa: Panstwowe wydawnictwo, 1961. – S. 41; *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. – Helsinki : Lexica societatis fenno – ungrical. 1969. – S. 63.ü; *Döerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz. Bd. 1 1963. – S. 208.

- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Якутские народные песни. — Якутск: Кн. изд-во, 1975. — С. 50 (На якутском языке).
- ¹¹ Софронов А. (Алампа). Избранное. — Якутск: Кн. изд-во, 1959. — С. 306. (На якутском языке).
- ¹² Мординов Н.Е. (Амма Аччыгыйа). Избранные произведения. В 3-х т. Т. 1. Повести. — Якутск: Кн. изд-во, 1967. — С. 258 (На якутском языке).
- ¹³ Новиков В.М. (Куннук Уурастыырап). Избр. соч. в 2 т. Т. 1. Стихи, поэмы. — Якутск: Кн. изд-во, 1977. — С. 84 (На якутском языке).
- ¹⁴ Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Изд-е 2-е фотомеханическое. В 3-х томах. — М., 1959. — С. 377.
- ¹⁵ Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А.Слепцова. — Новосибирск: Наука, 2005. — С. 210.
- ¹⁶ Лиханов В.И. Эмоционально-оценочные и экспрессивные прилагательные в якутском языке // Якутский язык: семантика, фразеология. Сб. науч. тр. — Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1990. — С. 88.
- ¹⁷ Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969. — С. 83.
- ¹⁸ Калужинский Ст. Этимологические исследования по якутскому языку: Двусложные основы (V) // Rocznik Orientalistyczny. Т. XLII, z.1, 1981. — С. 29.
- ¹⁹ Попов Г.В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1986. — С. 131.
- ²⁰ Пекарский Э.К. Указ. соч. — С. 3229; Толковый словарь якутского языка. — С. 473.
- ²¹ Сивцев Г.Ф. Сахалыгы кылгас тылдыт (Краткий словарь якутского языка). — Якутск: Кн. изд-во, 1979. — С. 158.
- ²² Пекарский Э.К. Указ. соч. — С. 3229.
- ²³ Сивцев Г.Ф. Указ. соч. — С. 158.
- ²⁴ Пекарский Э.К. Указ. соч. — С. 3229; Якутско-русский словарь. — С. 473.
- ²⁵ Пекарский Э.К. Указ. соч. — С. 3229.
- ²⁶ Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. — М.: Изд-во вост. литературы, 1962. — С. 407; Киргизско-русский словарь (Сост. К.К.Юдахин). — М., 1965. — С. 313.

S.D. Eginova

Adjectives *bardam* 'cheeky, impertinent', *xadjar* 'rough, coarse' in modern Yakut language: etymology and semantics

The article is devoted to the history of the etymology and lexical-semantic development of Yakut adjectives *bardam* 'bold', *xadjar* 'rude' denoting negative qualities of human character. The importance of this question is conditioned by the increased interest of modern comparative studies in comparative-historical linguistics revealing the prospects of complex (diasynchronic) research. Based on the analysis of etymological and semantic peculiarities of adjectives describing human character, the author supposes that the origin and development of Yakut archaic adjectives points to their Turkic origin.

Keywords: adjectives, negative traits of human character, Turkic and Mongolian languages, borrowing, etymology, semantic development of a word, empirical features.

УДК 811.512.157366

И.Б. Иванова

Словообразование в якутском языке: история изучения

В статье приводится краткий обзор изучения словообразования в якутском языке, начиная с фундаментальной работы О.Н. Бётлингга «О языке якутов». Особое внимание уделяется выявлению вклада каждого автора в изучение якутского словообразования.

Ключевые слова: якутский язык, история якутского языка, словообразование, морфология, аффикс.

Словообразование на протяжении второй половины XX в. и в XXI в. продолжает оставаться наиболее актуальной проблемой лингвистики. Современный язык нуждается в активных словообразовательных инновациях, © И.Б. Иванова, 2011.

поэтому процессы образования слов, различные типы словообразовательных моделей являются объектами пристального внимания языковедов. Но, к сожалению, до сих пор именно словообразование в якутском языке остается одним из недостаточно разработанных

ных разделов. В настоящее время в якутском языкознании имеются в наличии общие данные о морфологической структуре якутского слова, о способах и средствах образования новых слов. Не решенными окончательно остаются вопросы о характере аффиксов, не установлены реальная картина словообразующих формантов и их значения, семантическая особенность производных слов не удостоилась отдельного внимания. Семантическое содержание наиболее продуктивных аффиксов раскрывается безотносительно к его производящей основе. Одной из основных проблем якутского словообразования в настоящее время считается объяснение семантической природы производного слова, его характера, его отличия от непроизводного слова. Несмотря на то, что этот раздел языкознания специально не изучался, следует признать, что ведущие лексикологи, занимавшиеся вопросами морфологии, не обходили его стороной, так или иначе, высказывали свои мнения по поводу состояния якутского словообразования.

В связи с этим мы рассмотрим историю изучения аффиксального отглагольного словообразования в якутском языке. Основы морфологического подхода к объяснению отглагольных имен в якутском языке были заложены О.Н. Бётлингом¹. Его традиции продолжили С.В. Ястремский², Л.Н. Харитонов³. Все, что достигнуто в изучении отглагольных имен, было обобщено в «Грамматике современного якутского литературного языка»⁴ и в различных учебных грамматиках и пособиях⁵.

Что касается изучения способов образования новых слов, то эта часть словообразования имеет относительно четкую картину. История изучения аффиксального словообразования началась тоже с работы О.Н. Бетлингга. Информация об аффиксах как о самом продуктивном источнике образования новых слов содержится почти во всех грамматиках по якутскому языку. С.В. Ястремский в «Грамматике якутского языка» на 17 страницах повторил Бетлинговское перечисление аффиксов именного словообразования. Но он увеличил число живых аффиксов, причислив к ним аффиксы *-ымтыа*, *-ыгас*, *-тынгы*, *-кка*, отнесенные раньше к омертвевшим. Одновременно сократил число омертвевших аффиксов до 51, устранив повторения Бетлингга, некоторые даже совсем упустив. Например, аффиксы *-сын*, *-хсин*, *-бат*, *-мар* и др. Относительно происхождения и состава аффиксов С.В. Ястремский своего мнения не высказывает.

Акад. В.В. Радлов в труде «Якутский язык в его отношении к тюркским языкам»⁶ внимательно исследует именно словообразование, чтобы обосновать свой взгляд на якутский язык. Он утверждает, что «как монгольские должны быть указаны следующие аффиксы: *-ба*, *-лба*, *-рба*, *-ага*; *-мта*, *-мды*, *-агы*, *-мтыа*; *-ай*, *-кэй*, *-хай*, *-лхай*, *-бай*, *-мтабай*, *-лай*; *-ддых*, *-анах*; *-н*, *-ынг*, *-инг*, *-ранг*, *-ланг*; *-сын*, *-кан*, *-хан*, *-ахан*, *-лан*, *-хсан*, *-сун*, *-ыыр*, *-бар*, *-мар*. *-бал* и т.д. Тут же оговаривается, что эти аффиксы встречаются и с чисто тюркскими основами. По его мнению, это объясняется тем, что якутский язык в начале был преимущественно монгольским и что проникшие из тюркских языков основы одевались как бы в монгольскую одежду, принимая его аффиксы. Многие аффиксы, приводимые им, повторяются. Перечислено всего 22 аффикса. Например, аффиксы *-ба*, *-лба*, *-рба* представляют собой аффикс *-ба* в сочетании с аффиксом *-л* и *-р*. Но аффикс *-ба* имеется и в других древних и современных тюркских языках. Например, в азербайджанском языке: *йорба* 'иноходец' от *йорт* 'ехать рысью', *говурба* 'жареная птица' от *говур* 'жарить'.

Ст. Калужинский в работе «Монгольские элементы в якутском языке»⁷ отдельно рассматривает словообразующие форманты с точки зрения их этимологии в сопоставительном аспекте.

Л.Н. Харитонов в книге «Современный якутский язык» дает краткое описание основных словообразовательных аффиксов. В разделе имя существительное приводит краткое описание семи продуктивных аффиксов отглагольных существительных и четырех аффиксов отыменных существительных. Из омертвевших аффиксов приводятся как образцы: *-бах*, *-лык*, *-ыйа*.

Крупный тюрколог Е.И. Убрятова тоже внесла вклад в изучение словообразования якутского языка. В своих работах по синтаксису и истории якутского языка она касается лишь некоторых аффиксов именного словообразования и отмечает, что аффиксы отглагольных имен *-ыы*, *-ыа*, *-ыах*, *-аа*, *-аах* соответствуют причастным аффиксам древних тюркских и монгольских языков: *-ыы*, *-ыы*, *-бах*, *-аах*⁸.

В архиве ЯНЦ СО РАН хранится рукопись кандидатской диссертации профессора, доктора филологических наук Н.К. Антонова под названием «Именное словообразование в якут-

ском языке»⁹, которую автор защитил в 1961 г. в Ленинграде под научным руководством Е.И. Убрятовой. Таким образом, Н.К. Антонов является первым и единственным исследователем, кто начал отдельное изучение именного словообразования в якутском языке. Автор ставит своей целью исследование терминологических ресурсов якутского языка, уделяя внимание семантике именных форм, могущих быть использованными в терминологической практике.

Н.К.Антонов дает совместный анализ аффиксов, которые образуют и имена существительные, и имена прилагательные от имен и от глаголов. Автор установил критерий определения производительности аффикса, разделил аффиксы на производительные, малопроизводительные и непроизводительные. К производительным он отнес 20 аффиксов, из них аффиксами, которые образуют имена существительные от глаголов, являются только четыре *-ыы*, *-ааһын*, *-ааччы*, *-ар* (*-ыыр*). Приводит также 31 малопроизводительный аффикс (*-х*, *-л*, *-с*, *-лык*, *-ыйа* и т.д.). В эту группу включены аффиксы, которые образуют имена прилагательные от существительных. 46 аффиксов названы как потерявшие словообразовательную возможность. Всего было рассмотрено 107 имяобразующих формантов. При этом выявлено 53 форманта, могущих быть использованными одновременно в образованиях имен от глаголов и от имен, например, *-лык* (*хап + (ы) лык* и *бас + (ы) лык*), *-мсах* (*улаат + (ы) мсах*, *эт + (и)мсэх*).

Данная работа не теряет актуальности и в настоящее время, в ней отражаются существующие на тот момент проблемы якутского словообразования. Например, особый интерес представляет приложение к диссертации под названием «Краткий обзор создания терминов». В нем наглядно отражается состояние якутского словообразования 50-х гг. Н.К. Антонов не только констатирует факты, но и высказывает мнение о том, как изменить существующую ситуацию: «Имена-термины, образованные производительными аффиксами, как-то мало выразительны, нивелированы, не звучат индивидуально, они как бы теряются в общей массе многочисленных имен на *-ыы*, *-ааһын*, *-ааччы*»¹⁰. Исходя из этого, он предлагает «оживить» «омертвелые» аффиксы». Можно использовать, например, вместо *сөҥүү* — слово *сөҥөл*, вместо *үүнүү* — *үүнээйи*, вместо *үөскээһин* — *үөскэх*, вместо *буһарыы* — *буһарба*

и т.д. Мнение о том, что в словообразовании необходимо пересмотреть взгляд на непродуктивные аффиксы, конечно, заслуживает поддержки со стороны лингвистов, терминопроизводителей. Тем не менее, такое отношение к проблеме следует применять только в определенных случаях, когда это действительно необходимо. Например, заменить *буһарыы* на *буһарба* нет основания, т.к. первое слово обозначает имя действия, а второе — его результат; или *сөҥүү* ‘осадок’ — он уже обозначает результат действия, в значении имени действия данный термин встречается редко и т.д. Николай Климович Антонов приводит также собственные варианты образованных слов, которые могут обозначать те или иные понятия: ‘водопад’ — *саккырыар* или *курулгэн*, ‘декорация’ — *көрүннэн* или *көрүннүк*, ‘вредитель’ — *куорбалааччы*, *саахалааччы* или *сутуйааччы*... Далее он указывает, что одно слово может обозначать различные понятия: *оһоһук* может обозначать ‘изделие’ — ‘продукция’ — ‘конструкция’ — ‘искусственный’, *турук* обозначает ‘состояние’ — ‘уклад’ — ‘постоянство’ — ‘конструктивный’ — ‘состав’ — ‘сущность’ и т.д.

Процессы изменения норм словоупотребления в якутском языке на примере аффиксальных новообразований исследованы ведущим якутским лексикографом П.А. Слепцовым¹¹, который рассматривает функциональное развитие терминов с аффиксами *-ааһын*, *-ыы*, *-ааччы*, *-сыт*. Проблемы якутского словообразования и пути развития терминообразования в связи с вопросами истории языка и терминообразования анализируются почти во всех работах исследователя. Основные процессы развития лексики с 20-х гг. рассматриваются в лексико-семантическом аспекте. Автор указывает на то, что словообразовательная активность способствовала в начале развития литературного языка внедрению якутского языка в общественно важные сферы жизни его носителей. П.А. Слепцов в работе «История якутского языка» исследует широко распространенные аффиксы, имеющие двойное происхождение (*-һыт*, *-ыы*, *-лых*, *-ха/-ка*, *-хай/-кэй*, *-ча*, *-чык*, *-ааһын*, *-ааччы*, *-лан*, *-лта*, *-чаан*, *-каан*).

Проблемы терминообразования в якутском языкознании привлекают к себе внимание лингвистов со времен Алтан Сарына, П.А. Ойунского, Кюндэ¹³. На сегодняшний день одним из основных терминологов, лексикологов якутского языка является Е.И.Оконешников¹⁴.

Его монография «Лингвистические аспекты терминологии языка саха»¹⁵ представляет собой первое монографическое исследование, посвященное лингвистическим аспектам терминологии якутского языка. На основе богатого фактического материала рассматриваются разные способы, в том числе и аффиксальный способ образования терминов, зафиксированных в общепилологических и терминологических словарях.

Этапы становления терминологии в якутском языке были рассмотрены В.И. Быгановой, которая не могла обойти стороной тему терминотворчества аффиксальным способом¹⁶. В особом направлении работает терминолог Л.А. Афанасьев, который в отчете по научно-исследовательской работе «Саха тылыгар тиэрмини оноруу сыһыарылыра»¹⁷ высказывает интересные взгляды на якутское терминотворчество. Им рассмотрено всего 154 аффикса. Автор предлагает применить в терминообразовании такие словообразовательные форманты, которые ранее не были зафиксированы в научных текстах: *-дьыгына* (*-дьугуна*, *-дьигинэ*, *дьүгүнэ*) – *тардьыгына* ‘трещетка’, *дьурдьугуна* ‘журчалка’; *-дам/-там* – *обордом* ‘сосальщик’ и др. Эти термины были извлечены из Русско-якутского словаря биологических терминов.

Н.Д. Дьячковский в статье «Саха тылыгар сорох экспрессивнэй-эмоциональнай сыһыарылыр»¹⁸ анализирует стилистические аффиксы якутского языка, образующие, в основном, имена прилагательные: *-чээн*, *-тыгы*, *-ка* и др.

Н.И. Филиппова исследовала собственные имена, в частности имена персонажей олонхо. Автор сумела выделить редкие, омертвелые аффиксы (30 единиц): *-най*, *-га*, *-хсын/хчын*, *-нса*, *-ра*, *-йба* и т.д., например, *Нэлэмэйдин*, *Суорук*, *Туйаарыма Куо*, *Суодалы*, *Тыаһааны...* Как отмечает исследователь, «аффиксы создают особый ритм и обеспечивают восприятие слушателей, они способствуют проникновенности в семантику имен»¹⁹.

В известной монографии Г.В. Попова «Слова “неизвестного происхождения” якутского языка» на большом фактическом материале исследуется лексический пласт якутского языка, который филологами традиционно относился к словам “неизвестного происхождения”, устанавливается тюркское, монгольское или тунгусоманьчжурское происхождение основной части якутской лексики. Методом морфологического анализа автор разбирает некоторые отглагольные слова: *кысаһа*, *тулаһа*,

саһаһа и т.д.²⁰ А С.А. Иванов в рукописи монографии «Морфологические особенности говоров якутского языка»²¹, посвященной описанию основных морфологических особенностей якутских говоров, высказывает определенные предположения относительно исторического происхождения того или иного аффикса. Так, в разделе «Имя существительное» автор подробно описывает происхождение производных существительных с показателями на *-һым*, *-ба*, *-аан*, *-ыы* и т.д.

Таким образом, несмотря на то, что в якутском языкознании имеются основополагающие труды по морфологической структуре слова, о способах и средствах образования новых слов, терминов, словообразование до сих пор является одним из недостаточно изученных разделов лингвистики. Одной из основных задач якутского языкознания должно быть изучение общей системы аффиксов, образующих имена существительные. Ибо именно имена существительные являются основным источником обогащения терминологической лексики языка.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Бетлингк О.Н. О языке якутов. – Новосибирск, 1989

² Ястремский С.В. Грамматика якутского языка. – М., 1938. – 228 с.

³ Харитонов Л.А. Современный якутский язык. – Якутск, 1947. – 306 с.

⁴ Грамматика современного якутского литературного языка. Ч. 1 «Фонетика. Морфология». – М.: Наука, 1982. – 496 с.

⁵ Филиппов Г.Г. Саха билингги тыла. Морполуогуйа. – Дьокуускай, 2009. – 288 с.

⁶ Радлов В. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen. – St.-P., 1908.

⁷ Kaluzynski S. Mongolische elemente in der jakutischen sprache. – Warszawa, 1961.

⁸ Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Т.2. Сложное предложение. Кн. первая. – Новосибирск, 1976; *Её же*. Историческая грамматика якутского языка. – Якутск, 1985; *Её же*. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусоманьчжурским. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 13 с.

⁹ Антонов Н.К. Именное словообразование в якутском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1952. – 264 с.; *Его же*. К вопросу о словообразовании имен в якутском языке // Ученые записки ИЯЛИ ЯФ АН СССР. Вып. V. – Якутск, 1958.

¹⁰ Там же. С. 231.

¹¹ Петров Н.Е., Слепцов П.А., Бараишков П.П. Очерк развития якутского литературного языка в советскую эпоху. — Якутск, 1971; Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Истоки, становление норм. — Новосибирск: Наука, 1986; *Его же*. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. — Новосибирск, 1990.

¹² Слепцов П.А. Саха тылын историята. — Якутск, 2007. — 290 с.

¹³ Алтан Сарын. О развитии языка // Чолбон. — 1928. — № 11–12. — С. 36–44; Ойуунускай П. Талыллыбыт айымнылар. Т. 3. — Дьокуускай, 1993. — 473 с. и др.

¹⁴ Оконешиников Е.И. Лексико-семантическое терминообразование в языке саха // Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия). Актуальные проблемы. — Новосибирск, 2003. — С. 135–172.

¹⁵ Оконешиников Е.И. Лингвистические аспекты терминологии языка саха. — Якутск, 2004. — С. 104–105.

¹⁶ Быганова В.И. Якутская терминология (Этапы становления): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Якутск, 1996. — 20 с.

¹⁷ Афанасьев Л.А. Саха тылыгар тиэрмини үөскэтэр сыһарыылар // Архив ИГИИПМНС СО РАН. Рукопись отчета НИР 2003–2004 гг.

¹⁸ Дьячковская Н.Д. Саха тылыгар сорох экспрессивнэй-эмоциональнай сыһарыылар // Дьячковская Н.Д. Сахабыт тылын сайдыытын торумнаан. — Дьокуускай, 2009. — С. 38–71.

¹⁹ Филиппова Н.И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структурно-семантический анализ. Дис. ... канд. филол. наук. — Якутск, 2000. — 160 с.

²⁰ Попов Г.В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка. Сравнительно-историческое исследование. — Якутск, 1986. — 148 с.

²¹ Иванов С.А. Рукопись монографии «Морфологические особенности говоров якутского языка» // Архив ИГИИПМНС СО РАН.

I.B. Ivanova

Derivation in Yakut language: history of study

The article gives a short overview of the study of word formation in Sakha starting from the fundamental work of O.N. Boehtlingk “Ueber die Sprache der Yakuten”. Special attention is paid to revealing the contribution of each author to the study of Sakha word formation.

Keywords: Yakut language, history of language, derivation, morphology, affix.

УДК 811.554'36

Г.Н. Курилов

О статусе ланудэн и дитэ в юкагирском языке

Постпозицию титэ «так» В. Йохельсон включал в состав основных падежей как аффикс сравнительного падежа. Послелог ланудэн «по направлению к...» Е. Крейнович определял как один из аффиксов дательного-направительного падежа наряду с суффиксом =нинь. Мы считаем, что дитэ-титэ выполняет функцию уподобительного, ланудэн — функцию направительного, в отличие от суффикса =нинь, выполняющего функцию дательного-направительного падежа.

Ключевые слова: постпозиция, уподобительный падеж, направительный падеж, дательного-направительный.

Выдающийся исследователь духовной и материальной культуры юкагиров Вениамин (Владимир) Ильич Йохельсон постпозицию дитэ (в колымском диалекте титэ) определял как показатель сравнительного падежа II (см. Йохельсон, 1905 г.), другой, не менее

знаменитый исследователь северных языков и культур Ерухим (Юрий) Абрамович Крейнович в одной из своих работ послелог ланудэн определял как показатель дательного падежа (см. Языки народов СССР, 5 т., 1968 г.). Наделение таким статусом полужнаменательного служебного ланудэн «по направлению к...» и фонетически чуть-чуть деформированного ме-

стоимения *дитэ* 'как', 'подобно' от указательного местоимения *титэ* 'так' многим кажется неправильным, так как падежными показателями принято было называть в отечественной и зарубежной лингвистической науке чисто морфологическую форму именных слов языка. Однако во второй половине XX в. ряд ученых выдвинули идею о так называемой 'функциональной грамматике', написали работы для обоснования существования в отечественной филологической науке подобной грамматики. Вообще, надо сказать, что направление это, по сути, является перенесением в языкознание положения ученых-физиков о строении атома, состоящего из основного ядра и сопутствующих периферийных структур. Ядро грамматической системы составляют морфологически выраженные элементы языка; все остальные, функционально выступающие в языке как бы в роли морфологических формантов, объявляются периферийными элементами грамматики. Они же, однако, при рассмотрении грамматики языка под другим углом зрения могут стать по своему основному статусу элементами ядра грамматики. Мы, приверженцы традиционного взгляда на грамматическую систему языка, в одном из своих исследований по грамматике юкагирского языка допустили возможность применения приема — подразделять элементы падежной системы имен существительных на основные ('ядерные', или аффиксальные) и периферийные. К такому приему мы прибегли, в основном, для уточнения статуса *ланудэн* «по направлению к...» и *дитэ* «как». Напомним, что в работе В. Йохельсона по колымскому диалекту сравнительный падеж II имеет постпозицию *титэ*, а не *дитэ*, так как *дитэ* мы имеем в тундренном диалекте. Е. Крейнович эту постпозицию ни в одной из своих работ не определял как падежный показатель.

Итак, рассмотрим периферийные падежи имен существительных юкагирского языка. Их впервые мы выделили и рассмотрели при сопоставлении и сравнении словоизменительных формантов имен существительных тундренного и колымского диалектов. Мы установили: в образованиях имен существительных с послелогами в тундренном диалекте некоторые послелоги принимают падежные суффиксы. К ним в названном диалекте относятся: *ал* 'под', *валь* 'возле, около', *йэклиэ* 'за', 'позади кого-, чего-либо', *миклиэ* 'до, в пространстве до какого-, либо объекта', *лааһар* 'на стороне чего-либо', *лайаа* 'сзади кого-, чего-либо', *пурэ* 'на, на по-

верхности чего-либо', *пудилиэ* 'возле объекта, находящегося на наружной стороне чего-либо', *тудуруу* 'внутри чего-либо'. Все они принимают в отличие от других послелогов древние падежные суффиксы *-(у)н*, *-(у)т* и притяжательные *-даһа*, *-даһан*, *даһат*. Напомним, что в слабоисследованном колымском диалекте В. Йохельсон выделял послелоги *ал* 'под', *альаа* 'возле', *йэклиэ* 'за', *миклиэ* 'до', *йолаа* 'позади', *будиэ* 'на, на поверхности' и ряд других, некоторые из которых наши информаторы не считают послелогом. Они же назвали еще послелоги: *киэйиэ* 'перед', *архаа* 'около', 'возле', *молһо* 'внутри'. Последние здесь рассматриваться не будут, о них более или менее подробно мы писали в неопубликованной работе «Словоизменительные и словообразовательные форманты имен существительных тундренного и колымского диалектов юкагирского языка». В этом исследовании мы говорили о 22 послелогах тундренного и 11 колымского диалекта, некоторые из них совершенно неизменяемы, другие иногда выступают как самостоятельные слова (то есть не служебные, как послелоги). Поэтому здесь рассмотрим поведение в речи лишь тех, которые в тундренном диалекте принимают названные выше аффиксы (*-(у)н*, *-(у)т* и притяжательные *-даһа*, *-даһан*, *даһат*). При этом основной целью данной статьи является определение статуса послелога *ланудэн* (в колымском диалекте ему соответствует *лани*) и постпозиции *дитэ* (в колымском ей соответствует *титэ*), поэтому вне поля нашего настоящего исследования окажутся послелоги с притяжательными суффиксами *-даһа*, *-даһан*, *-даһат*.

Прежде всего, напомним, что послелог *ланудэн* 'по направлению к...' является одной из форм послелога *лааһар* 'на стороне кого-, чего-либо'. Поэтому сначала рассмотрим отдельно языковые образования с *лааһар*. Итак:

1. Местный п. энэ *лааһар* 'на стороне реки';
2. Продольный п. — энэ *лааһарун* 'по стороне реки';
3. Исходный п. — энэ *лааһарут* 'со стороны реки';
4. Направительный п. — энэ *ланудэн* 'по направлению к реке', 'на сторону реки'.

Отметим, что падежные суффиксы имен существительных тундренного диалекта имеют вид местного п. — *нимэһа* 'в доме' (суффикс *-һа*), продольный п. — *нимэһан* 'через дом' (т.е. с заездом в чей-либо дом, исходный п. — *нимэһат* 'из дому' (суффикс *-һат*), дательный п. *нимэнгин* 'суффикс *-н* и *н*). Отсюда можно сделать вы-

вод, что суффиксы, присоединяемые к послелогам, являются древними, архаичными формами продольного (-(-у)н) и исходного (-(-у)т) падежей. Что касается суффикса *-нинь*, то он к послелогам, согласно нашим материалам, не присоединяется. Суффикс сравнительного падежа *-һатэ* также не встречается после послелогов.

В связи со сказанным выше вместо используемого нами термина «дательно-направительный» придется ввести дательный и направительный. Первый из них является названием падежа с суффиксом *нинь*, второй — названием падежа, который у Е. Крейновича имел показатель *лангудэн*. Это мы говорим, немного забегая вперед, так как послелог *лангудэн* ведет себя в большей степени как полуаффикс. Подобным же образом ведет себя и местоимение *титэ* 'так' в форме *дитэ* 'как', 'подобно'. Поэтому здесь он представлен как уподобительный падеж.

С учетом этого падежная система выглядит следующим образом: *ал* (местный п. — *самхараал ал* 'под столом', продольный п. — *самхараал алун* 'под столом, под низом стола', исходный п. — *самхараал алут* 'из-под стола', направительный п. — *самхараал ал лангудэн* 'по направлению к нижней стороне стола', 'по направлению к низу стола', уподобительный п. — *самхараал ал дитэ* 'как под столом'); *валь* (местный п. — *ногор валь* 'около подушки', продольный п. — *ногор вальин* 'по месту около подушки', исходный п. — *ногор вальит* 'из точки около подушки', направительный п. — *ногор валь лангудэн* 'по направлению ближе к подушке', уподобительный п. — *ногор валь дитэ* 'примерно как возле подушки'); *йэклиэ* (местный п. — *нимэ йэклиэ* 'за домом', продольный п. — *нимэ йэклиэн* — 'через заднюю сторону дома', исходный п. — *нимэ йэклиэт* 'оттуда, с задней стороны дома', направительный п. — *нимэ йэклиэ лангудэн* 'по направлению к задней стороне дома', уподобительный п. — *нимэ йэклиэ дитэ* 'как за домом', *киэйиэ* (местный п. — *нимэ кийэйиэ* 'перед домом', продольный п. — *нимэ кийэйиэн* 'по месту перед домом', исходный п. — *нимэ кийэйиэт* 'по месту от передней части дома', направительный п. — *нимэ кийэйиэ лангудэн* 'по направлению к передней части дома', уподобительный п. — *нимэ кийэйиэ дитэ* 'как перед домом'); *миклиэ* — (местный п. — *эну миклиэ* 'на пространстве до реки', продольный п. — *эну миклиэн* 'по пространству до реки', исходный п. — *эну миклиэт* 'от пространства, на-

ходящегося до реки', направительный — *эну миклиэ лангудэн* 'по направлению к пространству до реки', уподобительный — *эну миклиэ дитэ* 'как пространство до реки'; *лайаа* (местный п. — *Коля лайаа* «за Колей», продольный п. — *Коля лайаан* '(по дороге) вслед за Колей', исходный п. — *Коля лайаат* 'от пространства находящегося за Колей', направительный п. — *Коля лайаа лангудэн* 'по направлению к пространству за Колей', уподобительный п. — *Коля лайаа дитэ* 'как за Колей'); *бурэ* (местный п. — *самхараал бурэ* 'на столе', продольный п. — *самхараал бурэн* 'пространство над столом', исходный п. — *самхараал бурэт* 'по пространству, находящемуся над столом', направительный п. — *самхараал бурэ лангудэн* 'по пространству к поверхности стола', уподобительный п. — *самхараал бурэ дитэ* 'как над поверхностью стола'); *пудилиэ* (местный п. — *нимэ пудилиэ* 'возле дома, с наружной стороны', продольный п. — *нимэ пудилиэн* 'по пространству, по внешней стороне дома', исходный п. — *нимэ пудилиэт* 'от пространства с внешней стороны дома', направительный п. — *нимэ пудилиэ лангудэн* 'по направлению к внешней стороне дома', уподобительный п. — *нимэ пудилиэ дитэ* 'как на внешней стороне дома'); *тудуруу* (местный п. — *нимэ тудуруу* 'внутри дома', продольный п. — *нимэ тудуруун* 'по внутренней части дома', исходный п. — *нимэ тудуруут* 'из дома, из внутренней части дома', направительный п. — *нимэ тудуруу лангудэн* 'по направлению к внутренней части дома', уподобительный п. — *нимэ тудуруу дитэ* 'как внутри дома'.

Приведенные примеры недвусмысленно показывают, что послелог *лангудэн* и *дитэ* парадигматически находятся в одном и том же ряду с аффиксами, а по мотивированности они полулексичны, так как явная их связь с полужнаменательным словом *лааһар*, *титэ* бросается в глаза и на слух сразу же. Такие элементы грамматики обычно именуют полуаффиксами, то есть они располагаются где-то между лексикой и грамматикой, полностью не грамматикализуясь. Однако для научной грамматики этого все же достаточно для признания *лангудэн* и *дитэ* своеобразными падежными формами юкагирских имен существительных. Как известно, к такому же выводу, но не объяснив на каком основании, приходили наши великие предшественники В. Йохельсон и Е. Крейнович.

Таким образом, можно утверждать, что в юкагирском языке выделяется 12 падежей имен существительных. Вот их названия и их точные показатели:

1. Именительный п. неопределенный -Ø;
Именительный п. определенный -лэн, -к (Т);
-л э к, -к (К);
2. Винительный п. неопределенный -лэ,
-ханэ/-һанэ, -г э л э (Т); -лэ, -гэлэ (К);
Винительный п. определенный -лэн, -к (Т);
-л э к, -к (К);
3. Местный п. -ха/һа (Т); -гэ, -го (К);
4. Продольный п. -хан/һан (Т); -г э н/гон (К);
5. Исходный п. -хат/һат (Т); -г э т/ г о т (К);
6. Сравнительный п. -хатэ/һа т э (Т); гэтэ/
гото (К);
7. Дательный п. -нинь (Т); -инь (К);
8. Творительный п. -л э к (Т), -лэ (К);

9. Совместный п. -ньэн (Т. и К.);
10. Родительный п. -н/-д (Т. и К.);
11. Направительный п. -ланудэн (Т); л а
н и д э (К);
12. Уподобительный п. -дитэ (Т); титэ (К).

Следует заметить, что два последних падежа в учебники, учебные пособия по грамматике юкагирского языка можно не включать, чтобы не загромождать терминами учащихся при изучении родного языка, совершенно неизвестного или малоизвестного им. Чем проще объект, тем легче и прочнее он усваивается растущим сознаниям.

G.N. Kurilov

On the status of *langudeng* and *dite* in Yukaghir

The postposition *tite* 'so, like' was included by V. Jochelson among basic cases as an affix of the comparative case. The postposition *langudeng* 'in the direction of ...' is defined by E. Krejnovich as one of the affixes of the dative-directional case along with the suffix =nginj. In our opinion, *dite-tite* fulfils the function of the comparative, *langudeng* – the function of the directional, in contrast to the suffix –nginj which fulfils the function of the dative-directional case.

Keywords: postposition, comparative case, directional case, dative-directional.

УДК 82:398-554

Л.Н. Жукова

О некоторых женских персонажах одульского фольклора

Анализируются женские образы в одульском фольклоре, в том числе шаманские. Одним из проявлений стадии раннего шаманства является пение одульских женщин, сидя на деревьях, что уподобляет их птицам. Включение мужчин в шаманскую практику значительно расширило сферу влияния и обслуживания посредничества.

Ключевые слова: удаганка, посредники, атрибуты культа, половозрастное разделение труда, материнство.

Женские образы в фольклоре одулов (лесные юкагиры) остаются одними из малоисследованных. Крайне скуден материал о женщинах-шаманках, служителях культа. Женские сказочные персонажи в магических целях используют *нинбэ* – доску для рукоделия, но фольклор не называет их шаманками¹.

В.И. Иохельсон посвятил женскому шаманизму небольшой раздел своей объемной мо-

нографии². По определению автора со ссылкой на работы В.Ф. Троцанского и Н.А. Виташевского, «первыми шаманами были женщины». Он писал: «В настоящее время у юкагиров нет женщин-шаманок... Никаких следов участия женщины в так называемом семейном шаманизме юкагиров не сохранилось». Вместе с тем исследователь пришел к заключению, что «у древних юкагиров каждая семья имела свой семейный бубен, хотя шаман не считался семейным жрецом, а выступал как олице-

творение рода, к которому принадлежала семья... В настоящее время у юкагиров только профессиональные шаманы имеют бубен, но в прошлом бубен был принадлежностью каждого дома, как сегодня у коряков, так как бубен был частью не только семейного культа, но также и музыкальным инструментом для аккомпанемента танцующим и поющим светские песни³. В качестве бубна с различными целями одульские женщины могли использовать *нинбэ* с вделанной в них погребушкой из мелких камушков.

В одульских легендах бубен является обычным атрибутом мужчины-шамана. В животном цикле сказок большим шаманом, владеющим бубном, назван мужчина-сова, помогает ему кукушка⁴. Только в двух текстах, записанных В.И. Иохельсоном, фигурируют женщины, использующие бубен в магических целях⁵. В записях устного народного творчества лесных юкагиров XX в. женщины-шаманки почти не упоминаются: в одной из быличек рассказывается, что старая женщина «умела немного шаманить»⁶. В шаманских образах одулов, женских и мужских, заключен дух соперничества, даже агрессивность. Схожесть обнаруживается в том, как юкагиры обозначали человека-посредника между миром духов и людьми: *алмэ* 'шаман', мужчина или женщина: *Махлуоги алмой* 'Дочь ее шаманкой была', досл. 'Девушка была шаманкой', *мархиль* 'девушка'⁷.

Женские персонажи: Большая Болезнь, поющая на горе Девушка — «дочь дьявола», сама Смерть — выступают соперниками мужчины-шамана. Поскольку они противостоят шаману, следовательно, противостоят и членам его рода. Женские персонажи как представители сил зла имеют различный облик. Если Большая Болезнь — «худая старуха с черным лицом. Волосы лохматые, нос крючковатый, обувь помята, верх носка загнутый»⁸, то дочь дьявола описывается поющей и сидящей на горе в белой по-старинному сшитой узорчатой одежде⁹. Облик персонажа Смерти в тексте опущен, художница, верхнеколымская юкагирка Л.А. Дьячкова-Дускулова, изобразила ее в скелетном стиле¹⁰.

Смерть и Старуха-болезнь сами приходят к шаману и людям, напротив, Девушка — дочь дьявола как будто проявляет нейтральность: сидит наверху сопки и поет. В том, что молодой охотник оказался поверженным и смертельно раненным, по мнению шаманов, виноват он сам: если бы прошел мимо и не вы-

стрелил в Девушку — ничего бы не случилось. Легенда приводит к выводу, полученному при анализе многих одульских фольклорных текстов: неожиданно звучащая в тайге песня выполняет функцию призыва-приманки. Если проходящий мимо путник не отзовется — он останется невредимым. Образ поющего персонажа скрывает его агрессивную сущность¹¹.

В легенде, записанной в конце XX в., девушка-певица, сидя на дереве, состязалась в пении с Девушкой-дьяволом и победила, потому что правильно произнесла имя Христа¹². Здесь неявно Христос оказывает помощь девушке-певице. Состязание заключалось в том, что юкагирка объявила: «Я обо всем, что на Земле есть, спою», она долго пела «о деревьях, соломе, траве». «Потом к Богу поднялась. До Бога дошла, о Боге стала петь; у человека много богов; как здесь живут разные боги, как заставляют жить, как Бог дома делает». Девушка-дьявол вторила ей, передразнивая, но неверно произнесла имя Христа — Кытчуос. Песня дьявольской девушки раздавалась сверху, «с неба, с тучи». Нахождение в небесной сфере дьявольской сущности не характерно для одульского традиционного мировосприятия. В.И. Иохельсон писал, что у лесных юкагиров существовало представление о том что в местах с гулким эхом, живет *адбун-чэдыл-йуэйэ* 'злой дух, завлекающий словами'. Людей, которые проходят около скалы с эхом, злой дух «обволакивает словами, как ремнем, хватает и затягивает к себе... там, где раздается эхо, люди проезжают в молчании»¹³. Склонность одульских женщин петь, сидя на деревьях, охарактеризована В.И. Иохельсоном и Н.И. Спиридоновым как приступы нервных расстройств¹⁴. Как один из видов состязаний в фольклоре и традиционной культуре *одулов* и *вадулов* (тундровых юкагиров) зафиксированы песенные состязания¹⁵. По-видимому, перечисленные особенности юкагирской культуры нашли отражение в данной легенде.

В песне юкагирской девушки любопытны два момента. Во-первых, в начале состязания она пела исключительно о растительной символике Земли. Эта символика включает в том числе образ соломины, с которой *айби* 'тень-душа' умершего человека возвращается на Среднюю землю для нового рождения. Мифическая соломина участвует в реинкарнационном перерождении людей¹⁶. Сравнение человека с травой, деревом, пнем, вообще, растительностью характерно для песенной лирики и мифологии лесных юкагиров¹⁷.

Во-вторых, девушка запела о богах, то есть в песне воспроизводится мифологическая модель двучастной Вселенной: Небо – боги, Земля – растительность – люди. Сама же девушка, сидя на дереве, воплощала собой медиатора-посредника между двумя мирами. К сожалению, шаманские песни с развернутой панорамой космогонических представлений у одулов не зафиксированы. Мифологические образы двух- и трехъярусных Вселенных известны в фольклорных текстах, в украшениях распашных мужских и женских кафтанов и передников¹⁸.

В двух следующих одульских легендах завязки сюжетов имеют сходства: отец и мать имеют трех незамужних дочерей, злключения которых начинаются после смерти родителей. Заметим, что в некоторых юкагирских группах существовал обычай *ньэхийици* ‘они стесняются’, согласно которому сестрам не разрешалось говорить друг с другом. Но этот обычай не был распространен повсеместно: «у юкагиров с р. Ясачной сестры родные, двоюродные и т.д. могут говорить друг с другом»¹⁹.

В тексте «О Каменной Девке сказка» отец-шаман еще при жизни старшую из дочерей, спасаясь от нападков противника, бросил в воду, т.е. отдал нападавшему как жертву или откуп²⁰. Девушка, оказавшись в воде, сама стала шаманкой: она обратилась за помощью к Горе-матери – Каменной Девке и в свою очередь отдала ей в виде жертвы тень-душу своей самой младшей сестры. Шаманка спаслась, а после смерти родителей младшая из сестер была взята Каменной Девкой: плач ее слышался изнутри горы. Средняя сестра, оказавшись в одиночестве, пошла вниз по течению реки, т.е. в направлении мира мертвых, но по дороге повстречалась с уже замужней сестрой-шаманкой, державшей в руках бубен. Шаманка выдала сестру замуж за младшего брата своего мужа, и жизнь обеих устроилась. Этнографические материалы показывают, что браки между родственниками по свойству строго не запрещены, они не находятся в состоянии *ньэхийици*²¹. Впрочем, по замечанию В.И. Иохельсона, жизненные реалии не всегда в точности копируются в образцах устного народного творчества одулов.

В другом тексте «Рассказ про Эпиэ-мойе-курчекіэ» три сестры имели волшебные крылья, которые хранили в футлярах²². Летательная способность девушек указывает на их

орнитоморфность и шаманскую потенцию. После смерти родителей одна из сестер становится людоедкой: «Наша старшая сестра череп нашего отца грызет». Она превращает в себе подобную среднюю сестру, и вместе они являются с агрессивными намерениями к младшей, уже имевшей мужа и сына. Муж, обладавший летательным предметом – копьём, спасает свою семью.

Завязкой в череде неприятностей становится образ отца. В сказке о Каменной Девке отец жертвует дочь другому шаману, в «Рассказе про Эпиэ-мойе-курчекіэ» (имя старшей дочери – ‘Бабушка-хозяйка-стерх’), девушка становится людоедкой, приходя к погребению отца. Людоедка для возвращения надевших крылья и улетевших сестер использует ножны ножа. Нож, вообще холодное оружие, является распространенным символом мужской силы и власти, в данном тексте ножны, как вместилище ножа, можно толковать как женский агрессивный символ. Попав в одну из сестер, они «стягивают» ее на землю.

Можно привести ряд фольклорных текстов одулов, в которых проявляется агрессивный настрой отца к собственным детям. В сказке «Вороньи яйца» души своих троих детей отец-шаман отдал побеждавшему его шаману. Дети погибли, мать узнала об этом, расспросив ворона, язык которого она знала, потому что в детстве ее кормили сырыми вороньими яйцами²³.

Отец с согласия жены завел двух девочек в лес для сбора ягод и ушел, дети повстречали людоеда²⁴. В вариантах сказки о Мифическом Старике отец семейства откупается от людоеда тем, что отдает ему своих детей – мальчика и девочку²⁵.

В текстах прослеживается негативная роль отца, в особенности в становлении женщины-шаманки, и возникновении неблагоприятных последствий для ее младших сестер. Мы видим здесь свидетельства неблагоприятной шаманской наследственности по линии отца, по крайней мере, для дочерей. Наши наблюдения позволяют прийти к выводу о том, что если в некоторых текстах одульского фольклора женщина-шаманка имеет семантические связи с отцом-шаманом, то она может оказаться противопоставленной и вредной для собственно женского ряда образов. Подобное может быть объяснено универсальной поляризацией мужского и женского начал в юкагирской культуре. В.И. Иохельсон писал о противостоянии

мужчин и женщин в играх одулов: они действуют словно «два враждебных стойбища»; в конце XIX — начале XX в. еще сохранялись половозрастные союзы. Летом во время ежегодных сборов и празднеств, знаменующих собой начало нового годового цикла, мужчинами «организовывались военные союзы против враждебных народов... Женщины и девушки также объединяются в союзы друзей и обмениваются подарками»²⁶. У современных одулов в религиозных воззрениях наблюдается предпочтительность апелляции мужчин к Хозяину Земли, женщин — к Земле-матери, имеются различия по половому признаку и в украшениях одежды.

В то же время в «Рассказе о Сквернослов» обрисован положительный образ девушки-шаманки, имевшей бубен²⁷. Шаманя, она превратила в звезду Венеру непутевого младшего брата. Под Сквернословом выведен образ нарушителя общественных норм и охотничьих традиций. В тексте также отмечена семантическая связь старшей дочери с умершим отцом. Спасая от голода себя и мать, шаманка пошла на промысел лося, взяв умершего отца лыжи, лук с колчаном, охотничий посох.

Если допустить, что первыми шаманами были женщины, то мужчины, согласно своей биологической природе, привнесли в шаманизм боевитость, соперничество, кровавые жертвоприношения. Одулы, например, во время летних празднеств устраивали специальные соревнования шаманов для испытания могущества их духов-защитников²⁸. Эвенки Южной Якутии считают, что женщина в детородный период является слабой шаманкой, ее называют *удаганкой*, наибольшей силой обладают старшие женщины, силой равные мужчинам-шаманам²⁹. Полагаем, что первоначально функции *удаганок* были намного уже, чем впоследствии у мужчин-шаманов.

В связи с этим интересно привести противоречивые сведения о шаманках у якутов. По одним данным, шаманок было больше, чем шаманов. Они пользовались меньшим авторитетом, и их призывали при отсутствии поблизости шамана. По другим — существовали белые и черные шаманки, они также проходили обряд посвящения. «Возможно, различие между шаманами и шаманками заключалось не в различном проведении обрядов, — пишет Н.А. Алексеев, — а в том, что шаманки совершали некоторые специфические обряды»³⁰.

Исследователь якутской культуры В.Л. Серошевский считал, что «чем севернее шаманы, тем могущество их выше; женщины-шаманки могущественнее мужчин»³¹.

Несмотря на противоречивость приведенных материалов, полагаем, что первоначальные посредники — женщины *удаганки* имели некий социальный статус (в рамках семейного шаманства), обслуживали сферу определенных интересов, пользуясь магическими атрибутами (бубен, *нинбэ*) или без них. Одним из проявлений стадии раннего женского шаманства является пение одульских женщин, сидя на деревьях, что можно истолковать как уподобление птицам. Включение мужчин в шаманскую практику значительно расширило сферу влияния и обслуживания посредничества, а также, возможно, повлияло на разделение этой функции на «белое» и «черное» шаманство. Впоследствии разделение на «белых» и «черных» распространилось и на женский шаманизм.

Приведенные тексты, как и многие другие сказки, легенды и рассказы лесных юкагиров, имеют назидательный характер. Они в общедоступной форме предупреждали слушателей об опасности, которая может грозить при отсутствии собственной семьи, и о приобретении защиты в семейной жизни, о роли родителей как защитников своих детей и ответственности отца-шамана, о возникающих угрозах даже внутри женского коллектива.

Интересно, что во многих текстах образ и роль матери в семье никак не отмечены. Упоминается лишь, что была мать и умерла, роль ее пассивна. В тех же случаях, где женщина, мать или мать-прародительница, принимает активное участие в судьбах детей, молодых людей, их жизненные пути не столь трудны и трагичны. Участие старшей женщины является судьбоносным, она надежный помощник и советчик.

Распространенный образ добра — мать, женщина, оказывающая помощь своему ребенку, детям, мужу. В тексте «Об одной подневнявшейся сказке» мать оказывает помощь трем дочерям, оказавшимся в трудной ситуации; трем братьям-охотникам древняя старуха, через оборотничество связанная с Матерью-зверем — лосем, помогает обрести семейное счастье; мужчина при помощи жены магическим способом вызывает виртуальный образ «дерева с концом-невидимкой», взбирается на него и дает находящемуся в пути сыну нужный совет.

Во время голода женщина отложила своего грудного ребенка, выкормила грудью умиравшего мужа-промысловика³²; мать, обнаружив заглядывающего в дымовое отверстие жилища Мифического Старика-людоеда, спасла своих троих детей³³.

Иные этические требования предъявляются сказкой к незамужним девушкам. Основная направленность их деятельности заключается в поиске жениха, создании семьи, приобретении защиты со стороны мужа. Даже борьба с Мифическим Стариком-людоедом завершается реинкарнацией и супружеством³⁴. Упорство в достижении цели, нахождение героиней оптимального выхода из сложной ситуации, не считаясь с методами, иногда приводящими к гибели родных сестер, — вот один из образов успешной юкагирской девушки.

В тексте «Об одной поднявшейся сказка» героиня в поисках жениха выдержала серьезные испытания, «следы всех зверей прошла» и оказалась в доме будущего супруга. Формула «следы всех зверей прошла» включает в себе образ пространства родной земли³⁶. Формула читается как проделанный героиней долгий путь по освоенной территории и достижение окраины, за которой уже нет знакомых следов. Именно здесь, за пределами родной земли, обнаруживается дом юноши. Косвенно это свидетельствует о том, что жених не только живет на какой-то неизвестной, чужой земле, но и, возможно, является представителем другого народа. Это подтверждают и содержащиеся в сказке элементы иноэтнической культуры, касающиеся семейно-брачных отношений. Для героини хороши методы, почерпнутые как из собственной культурной среды, так и заимствованные у других народов, лишь бы они способствовали успеху.

Переход юкагирской девушки в иную социально-возрастную группу происходил после замужества. Соответственно менялись этические требования к ней как к матери, хранительнице семейного очага, помощнице мужа. Женщине даже в период беременности надлежало вести активный образ жизни. Вот наблюдения В.И.Иохельсона: «Беременная женщина должна быть всегда активной, энергичной и проворной. Она должна выполнять свою работу быстро, иначе у ребенка будет мало энергии и рождение его будет трудным... Ей необходимо вставать раньше всех и позже всех ложиться спать и всегда быть занятой делом, ее не должны видеть ни минуты бездельничающей...

Походка беременной женщины должна быть легкой»³⁷. Те же качества отмечал исследователь первой половины XVIII в. Я. Линденау: «Юкагирские женщины чрезвычайно трудолюбивы. Многие из них выглядят очень хорошо. Они влюбчивы, особенно в чужих — в русских купцов и путешественников»³⁸. Если же женщина-мать не является активной помощницей и защитницей детей, то, как показывают сказки и шаманские легенды, влияние агрессивного мужского начала пагубно сказывается на их судьбах.

Положение женщины в юкагирском традиционном обществе было достаточно высоким. Поскольку юкагиры кочевали небольшими семьями, женщина делила с мужем трудности кочевой жизни, на равных и в меру сил и возможностей боролась с холодом и голодом. Велика была роль женщины в условиях перекочевков: обустроить теплое жилье, шить одежду, готовить пищу, растить детей. Исключительно мужским делом являлось обеспечение семьи, рода продуктами питания — мясом, рыбой. Добытое крупное животное (лось) мужчина отдавал женщинам, они занимались разделкой, транспортировкой и последующим распределением между семьями. Собираательством (ягоды, коренья) занимались женщины, они же участвовали в массовом лове рыбы, ставили петли на зайцев, птиц. В таком первичном обществе можно обнаружить следы т. н. «первобытного коммунизма», когда еще не существовало социального или экономического неравенства, различия были половозрастные.

Таковы некоторые тексты устного наследия лесных юкагиров, посвященные женской теме. В сказках и легендах наряду с материнской помощью важная роль отводится мужчине-защитнику, кормильцу и волшебным помощникам — посредникам в виде птицы, собаки, коровы, отдельных предметов.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Жукова Л.Н. Юкагирский фольклор о *нинбэ* — многофункциональной женской кроильной доске // Якутский архив. — 2009. — № 3–4. — С. 52–59.

² Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. — Новосибирск: Наука, 2005. — С. 269–271.

³ Там же. — С. 270, 272.

⁴ Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров верхней Колымы. — Якутск: Изд-во ЯГУ, 1989. — В 2-х ч. — Ч. 1. — № 5.

- ⁵ *Иохельсон В.И.* Материалы по юкагирскому языку и фольклору, собранные в Колымском округе. – Якутск: Бичик, 2005. – № 64, 93.
- ⁶ *Жукова Л.Н., Прокопьева П.Е.* Фольклорные тексты юкагигов верхней Колымы // *Язык – миф – культура народов Сибири.* – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1991. – Вып. 2. – С. 146–167. – № 12.
- ⁷ *Иохельсон В.И.* Материалы по юкагирскому языку... № 64.
- ⁸ *Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н.* Фольклор юкагигов... – Ч. 2. – № 47.
- ⁹ Там же. – № 37; *Хозяин Земли: Легенды и рассказы лесных юкагигов / Сост. и обраб. Л.Н. Жуковой, О.С. Чернецова.* – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994. – С. 25.
- ¹⁰ *Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н.* Фольклор юкагигов... – Ч. 2. – № 43. С. 60.
- ¹¹ *Жукова Л.Н.* Отражение песенного искусства в народном фольклоре одулов (юкагигов) // IV Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф. – Магадан: МПО СВНЦ ДВО РАН, 2006. – С. 150–152.
- ¹² *Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н.* Фольклор юкагигов... – Ч. 2. – № 41.
- ¹³ *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – С. 222.
- ¹⁴ Там же. – С. 80; *Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок).* Одулы (юкагиры) Колымского округа. – Якутск: Северовед, 1996. – С. 51.
- ¹⁵ *Жукова Л.Н.* Отражение песенного искусства...
- ¹⁶ *Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н.* Фольклор юкагигов... – Ч. 1. – № 11.
- ¹⁷ *Иохельсон В.И.* Материалы по юкагирскому языку... № 77, 78, 85, 89, 90; *Жукова Л.Н.* Образ человека в пиктографическом письме юкагигов // *Язык – миф – культура народов Сибири.* – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1988. – Вып. 1. – С. 126–147; *Прокопьева П.Е.* Образ дерева в песенном фольклоре юкагигов // *Языки и фольклор народов Севера.* – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 109–114.
- ¹⁸ *Жукова Л.Н.* Фольклорные представления о мире у таежных юкагигов // *Фольклор и современная культура.* – Якутск, 1991. – С. 72–83; *Её же.* Очерки по юкагирской культуре. – Ч. I. – Одежда юкагигов: генезис и семантика. – Новосибирск: Наука, 2009. – 152 с.
- ¹⁹ *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – С. 125.
- ²⁰ *Иохельсон В.И.* Материалы по юкагирскому языку... № 93.
- ²¹ *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – С. 122–124.
- ²² *Иохельсон В.И.* Материалы по юкагирскому языку... № 94.
- ²³ *Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н.* Фольклор юкагигов... – Ч. 1. – № 12.
- ²⁴ Там же. – № 26.
- ²⁵ Там же. – № 25; *Иохельсон В.И.* Материалы по юкагирскому языку... № 19.
- ²⁶ *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – С. 185–186, 188.
- ²⁷ *Иохельсон В.И.* Материалы по юкагирскому языку... № 64.
- ²⁸ *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – С. 188.
- ²⁹ Сообщение Л.А. Алексеевой со слов эвенкийской шаманки М. Кульбертиновой. 2010 г.
- ³⁰ *Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. // *Этнография и фольклор народов Сибири.* – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 138.
- ³¹ *Серошевский В.Л.* Якуты: (Опыт этнографического исследования). – М.: РОССПЭН, 1993. – С. 609.
- ³² *Иохельсон В.И.* Материалы по юкагирскому языку... № 2, 3, 23, 75.
- ³³ *Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н.* Фольклор юкагигов... – Ч. 1. – № 23.
- ³⁴ *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – С. 350–354.
- ³⁵ *Иохельсон В.И.* Материалы по юкагирскому языку... № 2.
- ³⁶ *Жукова Л.Н.* Пространственный образ мира лесных юкагигов (по материалам устного народного творчества) // *Языки коренных малочисленных народов Севера в начале III тысячелетия: Материалы Республ. науч.-практ. конф. (Якутск, 7 дек. 2006 г.)* – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 115–127.
- ³⁷ *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – С. 154–155.
- ³⁸ *Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – С. 155.

L.N. Zhukova

On some female characters of the Odul folklore

Analyzed are female images in Odul folklore including the shamanic ones. One of the features of the early shamanism stage is the singing of Odul women sitting on trees which likens them to birds. The inclusion of men into shamanic practice considerably augmented the sphere of influence and mediation.

Keywords: udaghan, mediators, cult attributes, age and sex labor division, motherhood.

С.Д. Мухоплева

Типы самозаписей олонхо советского периода (1939–1946 годы)*

Статья посвящена типологии рукописей, поступивших в архив ЯНЦ СО РАН в 1939–1946 гг. и хранящихся с пометкой «самозаписи олонхо». На основе изучения 14 рукописей и сопутствующих архивных документов выявлены два типа самозаписей: устных олонхосутов и хранителей устного эпоса. Разновидности самозаписей определены по типу информаторов. В статье рассматривается понятийно-терминологический аппарат, с учетом специфики материала конкретизированы термины «самозапись», «информатор», «исполнитель олонхо», используемые в фольклористике, впервые употреблено понятие «хранитель устного эпоса».

Ключевые слова: практическая текстология, типология рукописей, автограф, список автографа, якутский героический эпос олонхо, самозапись, информатор, собиратель, исполнитель олонхо, устный олонхосут, хранитель устного эпоса.

Коллекция полных и неполных записей олонхо архива ЯНЦ СО РАН по реестру описи № 7 фонда ИГИиПМНС СО РАН состоит из 151 единицы. Из них 23 единицы помечены как самозаписи. С 1939 г. по 1946 г. в архив были приняты 14 самозаписей олонхо из девяти районов республики: Амгинского, Мегино-Кангаласского (четыре рукописи), Намского, Орджоникидзевского** (две рукописи), Усть-Алданского, Якутского, Верхневиллойского, Виллойского, Сунтарского.

В статье рассматриваются рукописи, поступившие в архив в 1939–1946 гг. В ней выделяются типы самозаписей, уточняется, все ли рукописи, поступившие в указанный период, относятся к самозаписям олонхо. Статья предваряется определением термина «самозапись». В качестве источников изучения личности информаторов, определения подлинности самозаписи, уточнения ее типа в работе использованы сами рукописи, записи на их титульных листах, а также сопутствующие им документы. Это предисловия, послесловия к рукописям, письма авторов самозаписей, заметки редакторов, сохраненные вместе с рукописями, анкеты, паспорта исполнителей.

В практической текстологии якутского фольклора термин «самозапись» оформил-

ся в связи с необходимостью уточнения типа фиксатора устного произведения. Письменно оформленный и принятый в архив текст фольклорного произведения – это обычно продукт деятельности двух человек: информатора¹ и собирателя². В самозаписях текст фольклорного произведения записывается от руки или печатается на машинке самим информатором без посредничества собирателя. Термин «информатор» мы понимаем широко, к фольклорным информаторам относим не только активных исполнителей фольклорных произведений, но и пассивных хранителей, которые по каким-то причинам не имеют возможности в полной мере актуализировать произведение (не могут петь, интонировать, танцевать или др.). Фиксаторами устного произведения являются не только собиратели, но и разные типы информаторов: исполнители (устные сказители-олонхосуты) и хранители (эксперты, знатоки устного эпоса) произведений народного творчества.

Разновидности самозаписей определяются по типу информаторов. Изучение рукописей и сопутствующих документов позволяет выделить два типа самозаписей: самозаписи исполнителей устного эпоса (олонхосутов), самозаписи хранителей (экспертов, знатоков) уст-

* Статья подготовлена в 2010 г. при финансовой поддержке Республиканской целевой программы по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса олонхо на 2007–2015 гг.

** Здесь и далее даются названия районов, существовавшие в то время.

ного эпоса. Из 14 рукописей, приведенных в таблице, к *первому типу самозаписей* относятся автографы “Дыырай Бэргэн” У.Г. Нохсорова и “Харыла Сүүрүк” Г.Р. Оконешникова.

Самозапись олонхосута У.Г. Нохсорова «Дыырай Бэргэн», записанная на основе латинской графики, поступила в архив в 1940 г. Олонхо издано в 2009 г. в серии «Саха боотурдара»³. Про жизнь и творчество Устина Гаврильевича Нохсорова, народного сказителя и профессионального артиста, собран богатый архивный и полевой материал. Материалы были изданы в виде сборника⁴. Все изданные документы подтверждают, что У.Г. Нохсоров был одним из грамотных известных устных сказителей-олонхосутов. Как и все истинные олонхосуты, он владел искусством исполнения всех жанров фольклора. В его репертуаре имелось 8 олонхо⁵, образцы исполнения им отрывков эпоса были записаны на пластинку.

Из скрипторов олонхо устным сказителем следует признать Г.Р. Оконешникова. В 1941 г. в архив от него были приняты две рукописи олонхо «Харыла Сүүрүк», написанные на основе латинской графики. Они хранятся под одним шифром. Первая рукопись на 426 листах представляет собой автограф, собственноручную беловую запись самого сказителя. Вторую рукопись, которая состоит из 238 листов, следует признать незавершенной копией, списанной сказителем с оригинала и целиком повторяющей его по тексту.

Свидетельствами, подтверждающими, что Оконешников Гаврил Романович–Ухун Хабырыс был устным сказителем, являются «Паспорт народного творческого деятеля»⁶ и «Анкета по учету народных певцов и олонхосутов»⁷. Документы были оформлены собирателями-корреспондентами Института языка, литературы и истории. Паспорт был заполнен в марте 1941 г. поэтом В.Г. Чиряевым, а анкета оформлена в 1947 г. учителем Н.Х. Константиновым.

Как показывают документы, сказитель Г.Р. Оконешников родился и жил до 36 лет в 1-м Курбусахском наслеге Усть-Алданского района, откуда был родом известный олонхосут Михаил Посельский. Последнего сказитель признает своим учителем. Он указывает, что от Посельского перенял пять олонхо. В списке усвоенных от него эпических произведений в двух документах значатся такие олонхо, как «Бегун Харыла» (*Харыла Сүүрүк*), объем – 413 л., «Богатырь Айы Туйаарын» (*Айыы Туйаарын бу-*

хатыр), объем – 400 л., «Кёр Дохсун» (*Көр Дохсун*), объем – 300 л., «Бэргэн Стремительный» (*Дьулуруйар Бэргэн*) объем – 300 л. В паспорте 1947 г. объем произведений не дан в листе, дополнительно в репертуар олонхосута включено олонхо «Хаан Айыы Дьайгыстар». Сведения двух корреспондентов о Г.Р. Оконешникове в целом совпадают, но есть и некоторые расхождения в трех разделах учетных документов. В пункте № 4 *Образование (Үөрэбэ)* Константиновым написано: *Читает и пишет по-якутски (Сахалыы ааһар, суруйар)*. В анкете от 1941 г. в пункт *Образование (Үөрэбэ)* внесен дополнительный подпункт: *Прочитанные произведения народного творчества (Норуот ханнык уус-уран айымньытын аахпыт)*. На это от респондента получен ответ: *Ничего не читаю (Тугу да аахпаппын)*. В обоих документах есть пункт: *С какого времени начал сказывать олонхо, петь песни (Хаһаангыттан ыла олонхолуур, ыллыыр буолта)*. В этом пункте Чиряевым записано, что респондент сказывает с 16 лет. В паспорте же уточняется, что он сказывал с детства, потом перестал в течение 20 лет, заново начал исполнять олонхо в последние два года, т.е. с 1945 г. (документ заполнен в 1947 г.). В графе *Названия песен и олонхо, исполняемых респондентом*, собиратели заполняли таблицу, состоящую из пяти следующих столбцов: *Название песен, олонхо; Размер произведения; От какого певца, олонхосута перенято произведение; Внесенные дополнения, сокращения; Примечания*. В двух документах столбец *Внесенные дополнения, сокращения* заполнен по отношению к самозаписи олонхо «Харыла Сүүрүк». В паспорте 1941 г. олонхосут свидетельствует, что сделано «много внесенных, сокращений» (*эбии-көбүрэттии элбэх*). В другом документе информатор уточняет, какие изменения им внесены в олонхо учителя. Он сообщает, что изображает главного героя выходцем из Среднего мира, а не из Верхнего, как его учитель. Кроме того, по заявлению информатора, в его варианте богатырь *абаасы* умирает и отсутствует мотив борьбы богатырей *айыы*.

У.Г. Нохсоров, Г.Р. Оконешников относятся к первому типу информаторов-самофиксаторов – исполнителям. Они имели большой опыт в качестве исполнителей устного эпоса и были признаны сообществом как олонхосуты. Сказители, будучи грамотными, письменно воспроизвели тексты из своего устного эпического репертуара по инициати-

ве первых якутских интеллигентов и сдали их в комиссию для участия в конкурсе на лучшую запись олонхо, объявленном в конце апреля 1941 г. Институтом языка и культуры и правительственной бригадой по составлению сводного текста олонхо. Они воспитывались в эпической среде, являлись устными певцами-олонхосутами в народном понимании значения этого слова. Олонхосутом в дореволюционный период считался человек, который хранил в своей памяти эпическое знание и мог сам сказывать, воспроизвести его устно. Для этого он обязан был иметь четкую дикцию, сказывать в эпическом темпе, обладать хорошим голосом, петь напевы всех персонажей, в своем репертуаре иметь несколько олонхо и, самое главное, соответствовать эстетическому вкусу публики, улаживать ее своим сказительским талантом.

Второй тип самозаписей, хранящихся в архиве, является самым многочисленным. К этому типу предварительно отнесены шесть олонхо: «Бэриэт Бэргэн» А.С. Попова, «Хангалас Боотур» Е.Е. Лукина, «Бэриэт Мэргэн» А.С. Порядина, «Үрүҥ Үөдүйээн» А.С. Порядина, «Кыыс Ньургустай Куо» П.Г. Романова, «Дьулуруйар Ньургун Боотур» К.Г. Оросина (см. таблицу). Рукописи приняты в архив с 1939 по 1944 гг. Все рукописи являются автографами самих авторов самозаписей, кроме одной. Машинописная рукопись К.Г. Оросина является списком автографа самозаписи 1895 г., переложением редактором Э.К. Пекарским на академическое правописание с внесением поправок С.М. Афанасьева⁸. Она, по всей вероятности, была найдена и сдана в архив Г.У. Эргисом в период его работы над академическим переизданием олонхо.

Рукописи олонхо, зарегистрированные как самозаписи

№	Год поступления	Паспортные данные рукописей, место хранения	Тип самозаписи
1	2	3	4
1	1939	<i>Кириллин Т.П.</i> Күрэтээнн Бэргэн / [Самозапись. 2-й Жемконский наслег Орджоникидзевского района. 1939] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 23. – 80 л. – [Рукопись. Подлинник. Чернила. На лат. алф.]	Не определен
2	1939	<i>Попов А.С.</i> Бэриэт Бэргэн / [Самозапись. Арбынский наслег Намского района. 1939] // Архив ЯНЦ СО РАН. – Ф. 5. Оп. 7. Ед.хр. 33. – 108 л. – [Рукопись. Подлинник. Чернила.]	Самозапись хранителя устного эпоса
3	1940	<i>Нохсоров У.Г.</i> Дьырай Бэргэн / [Самозапись. 1940] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед.хр. 22. – 348 л. – [Рукопись. Подлинник. Чернила. На лат. алф.]	Самозапись олонхосута
4	1940	<i>Захаров Г.А.</i> Төрүөт Мэргэн / [Самозапись. С. Майа Мегино-Кангаласского района. 1940] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 25. – 17 л. – [Рукопись. Подлинник. Чернила.]	Не определен
5	1940	<i>Тимофеев-Терешкин М.Н.</i> Тимир Кулаттаан Боотур [Самозапись. Сунтарский район. 1940] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед.хр. 115. – 23 л. – [Машинопись. Подлинник.]	Авторское произведение
6	1941	<i>Лукин Е.Е.</i> Хангалас Боотур / [Самозапись. 1-й Мальжегарский наслег Орджоникидзевского района. 1941] // Архив ЯНЦ СО РАН. – Ф. 5. Оп. 7. Ед.хр. 7. – 184 л. – [Рукопись. Подлинник. Чернила.]	Самозапись хранителя устного эпоса
7	1941	<i>Оконешников Г.Р.</i> Харьла Сүүрүк / [Самозапись. Усть-Алданский р-н, Тулагино-Кильдямский наслег Якутского района. 1941] // Архив ЯНЦ СО РАН. – Ф. 5. Оп. 7. Ед.хр. 85. – 426 л. – [Рукопись. Подлинник. Чернила. На лат. алф.] <i>Оконешников Г.Р.</i> Харьла Сүүрүк / [Самозапись. Усть-Алданский р-н, Тулагино-Кильдямский наслег Якутского района. 1941] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед.хр. 85. – 238 л. – [Незавершенная копия. Рукопись. Подлинник. Чернила.]	Самозапись олонхосута
8	1941	<i>Порядин А.С.</i> Бэриэт Мэргэн / [Самозапись. Морукский наслег Мегино-Кангаласского района. 1941] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед.хр. 20. – 251 л. – [Рукопись. Подлинник. Чернила.]	Самозапись хранителя устного эпоса

1	2	3	4
9	1941	<i>Порядин А.С.</i> Үрүг үөдүйээн / [Самозапись. Догдогинский наслег Мегино-Кангаласского района. 1941 // Архив ЯНЦ СО РАН. – Ф. 5. Оп. 7. Ед.хр. 78. – 283 л. – [Рукопись. Подлинник. Чернила.].	Самозапись хранителя устного эпоса
10	1941–1944	<i>Романов П.Г.</i> Кыыс Ньургустай Куо / [Самозапись. Хаптагайский наслег Мегино-Кангаласского района. 1941–1944] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед.хр. 52. – 102 л. – [Рукопись. Подлинник. Чернила.].	Самозапись хранителя устного эпоса
11	1941	<i>Семенов Г.С.</i> Уол Туйгун Бухатыыр / [Самозапись. 3-й Едюгейский наслег Верхневиллойского района. 1941] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед.хр. 91. – 125 л. – [Рукопись. Подлинник. Чернила.].	Авторское произведение на основе устного олонхо
12	1944	<i>Сидоров Е.С.</i> Улуу буойутгар, уон алта ини биилэр / [Самозапись. г. Вилюйск. 1944] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед.хр. 120. – 5 л. – [Рукопись. Подлинник. Чернила.].	Авторское произведение
13	1944	<i>Оросин К.Г.</i> Дьулуруйар Ньургун Боотур / [Самозапись. 1-й Игидейский наслег Ботурусского улуса. 1895] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед.хр. 125. – 95 л. – [Машинопись. Подлинник. Изд. Э.К. Пекарский].	Самозапись хранителя устного эпоса
14	1946	<i>Местников А.Г.</i> Бардам Баабый / [Самозапись. 1-й Олтекский наслег Усть-Алданского района. 1946] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед.хр. 2. – 54 л. – [Рукопись. Подлинник. Чернила.].	Не определен

Изучение имеющихся в наличии архивных документов позволяет идентифицировать вышеуказанные автографы и список автографа К.Г. Оросина как самозаписи хранителей (экспертов, знатоков) устного эпоса. Хранитель устного эпоса, информатор-самофиксатор второго типа, характеризуется следующими признаками: имеет образование, в своей памяти хранит, являясь выходцем из народной среды, большой объем эпического знания (постоянно слушал сказывание известных эпических певцов). При необходимости хранитель устного эпоса мог воспроизвести усвоенный эпос устно. Однако в отличие от исполнителя-сказителя он не имел большого репертуара, опыта выступления перед аудиторией, не был искусным во всех отношениях исполнителем, поэтому эпической средой не признавался как олонхосут.

Типичным представителем второго типа информатора-самофиксатора олонхо был известный всем краеведам и фольклористам Якутии А.С. Порядин⁹. Жизнь и деятельность хранителя, ценителя олонхо еще не стали предметом специального исследования. Тем не менее, два архивных документа (предисловие к рукописи¹⁰ и автобиография¹¹, где описывается деятельность автора как собирателя фольклора) позволяют охарактеризовать особенности А.С. Порядина как фиксатора олонхо. В предисловии к олонхо «Үрүг Үөдүйээн» автор документа подробно описывает историю, спо-

собы, цели и задачи самофиксации олонхо, усвоенного им у двух устных сказителей. Введение предваряется ознакомлением состояния сказительской традиции в ту пору. Как пишет А.С. Порядин, с начала XX столетия идет уменьшение количества устных сказителей, а также спад активности молодых олонхосутов. При сложившейся ситуации в связи с тем, что началась компания по сбору олонхо в честь двадцатилетия ЯАССР, собиратель фольклора считался обязанным как специализирующийся в этой области человек записать олонхо в целях увековечивания имен двух прославленных олонхосутов. Эпическое произведение «Үрүг Үөдүйээн» экспертом олонхо было усвоено от известного олонхосута Мегино-Кангаласского района Е. Порядина и услышано в 1920 г. в исполнении знаменитого олонхосута Т. Захарова-Чээбия* из Амгинского улуса.

Как указано в первом документе, запись по памяти была сделана дважды (в 1928 и 1940–1941 гг.). А.С. Порядин пишет, что первая версия 1928 г. была сдана в Якутгосиздат его

* В другом документе Захаров-Чээбий ценителем и знатоком олонхо А.С. Порядиным охарактеризован как один из двух самых лучших олонхосутов, услышанных им. Пальму первенства при этом фиксатор отдавал таланту Ивана Малгина-сына Кетэхэ, знаменитого певца из Таттинского улуса, считая голос Захарова-Чээбия чуть хрипловатым.

директору А.А. Иванову (Кюндэ) для издания и была потеряна, о чем его уведомил новый директор издательства П. Ойунский. В этом документе отмечается, что запись сделана на основе конспективной записи сюжетного хода олонхо во время устного исполнения, при этом автор не уточняет сказителя. Он пишет, что записал то, что осталось в памяти от двух услышанных сказаний. Фиксатор объясняет, что два варианта олонхо не имели большой разницы в описании действий главного героя. К такому выводу он пришел, видимо, сличая свои конспективные записи. В предисловии Порядин счел необходимым указать, что при записи олонхо им не были использованы изданные книжные тексты олонхо.

Второй документ, автобиография А.С. Порядина, является важнейшим источником сведений о собирательской деятельности краеведа. В ней автор в первую очередь повествует о своей жизни, подробно описывая сказителей, которых ему удалось слушать, передавая детали, дух эпической среды того времени. В сочинении, как подчеркивает сам автор, он упоминает лишь тех, кого считал хорошим олонхосутом. В детстве будущий фиксатор олонхо слушал таких именитых олонхосутов родного наслега, как Константин Зыков (Көтөр), Прокопий Скрябин (Аппайа), Егор Порядин (Манкы). В зрелом возрасте при разных жизненных обстоятельствах ему посчастливилось присутствовать при исполнении олонхо другими именитыми сказителями: Михаилом Свинобоевым (Кыыча) из I Мегюренского наслега, Тимофеем Захаровым (Чээбий) из Амгинского, а также Иваном Малгиным (Көтүнгэ) из Татгинского улуса. Собиратель в своей рукописи описывает особенности сказителей, дает оценку, сравнивает их по манерам, основываясь на своих наблюдениях и высказываниях других слушателей.

Из перечисленных олонхосутов “учителем” для Порядина, чьи произведения он запомнил и впоследствии по памяти записал, стал Егор Порядин. Олонхосут и собиратель, как вспоминает автор, общались круглый год в течение нескольких лет: в зимнее время жили в одном доме, летом часто ходили друг к другу в гости, тесно общались, поскольку летники находились недалеко друг от друга. Человеку с цепной памятью частое прослушивание соседа-олонхосута позволило усвоить репертуар последнего, вырасти тонким ценителем эпоса.

Ценность автобиографии А.С. Порядина как документа не только в том, что он является источником для изучения персоналий олонхосутов и эпической среды того периода, но и в том, что исследователь сталкивается в этом документе с “я” автора — как с одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания. Пишущий Порядин описывает методы работы собирателя Порядина. В автобиографии знаменитый краевед перечисляет и описывает свои методы записи, которыми он оперировал. Он выделяет три способа:

1) записи по памяти устных произведений, услышанных от олонхосутов, сказочников, рассказчиков и т.д.;

2) записи под диктовку из уст самих информаторов;

3) многоступенчатая запись: а) первичная краткая запись, конспект “сюжета” произведения при устном исполнении информатора, б) полная запись произведения на бумаге с опорой на конспективную запись “сюжета” произведения в отсутствие информатора, в) при возможности прочтение информатору полной записи произведения для внесения поправок, устранения ошибок.

Собиратель в этом документе признает, что при записи по памяти богатых и искусных по языку устных произведений настоящих певцов и олонхосутов, язык зафиксированного текста получается беднее и менее искусным. Однако он допускает точное соответствие основного “сюжета” письменного текста устному. С использованием первого (запись по памяти) и третьего (многоступенчатая запись) методов А.С. Порядина были увековечены олонхо «Бэриэт Бэргэн» и «Үрүн Үөдүйээн». Они были усвоены собирателем у своего «учителя» Егора Порядина. Второе олонхо, кроме того, было услышано в исполнении знаменитого Чээбия. Сегодня некоторые краеведы полагают, что А.С. Порядин был устным олонхосутом. Однако это утверждение не подкрепляется вышеприведенными архивными документами. Краевед, собиратель фольклора А.С. Порядин как информатор-самофиксатор олонхо являлся хранителем устного олонхо, его знатком, который мог выступать в качестве эксперта и оценщика. Он записал олонхо для увековечения имен двух олонхосутов, понимая, что устное сказительское искусство как явление постепенно угасает, уходит в прошлое.

Сегодня при изучении творчества каждого автора самозаписи, отнесенного нами к типу «хранитель устного эпоса», стоят разного рода дилеммы. Это связано с малой изученностью проблем трансформации устного эпоса в письменный текст, маргинальностью личности самого фиксатора эпоса и недостатком документов. Дилемма «хранитель – собиратель» стоит при уточнении типов двух фиксаторов олонхо: Е.Е. Лукина и А.С. Попова. Первый автор самозаписи среди фольклористов известен как собиратель фольклора. В 1941 г. от него, начинающего собирателя, была принята рукопись олонхо «Хангалас Боотур». Она отмечена архивистами как «самозапись». Жизнь и деятельность этого известного собирателя все еще мало изучена, вокруг этой рукописи ведутся споры. Краевед Л.Н. Харитоновна в своих устных выступлениях отмечает, что Е.Е. Лукин был устным сказителем и олонхо «Хангалас Боотур» является самозаписью грамотного олонхосута. Фольклорист Н.А. Дьяконова делает другое предположение, основываясь на анализе титульного листа самозаписи. Она утверждает, что олонхо «Хангалас Боотур» было зафиксировано Е.Е. Лукиным от известного олонхосута Хангаласского улуса А.Н. Алексева¹², имя которого записано на титульном листе и кем-то зачеркнуто. Олонхо с подобным названием записано в единственном экземпляре. Это дает повод предположить, что олонхо с новым ранее неизвестным персонажем могло быть результатом личного творчества Е.Е. Лукина. Этот вопрос в полной мере может быть решен при исследовании самого текста олонхо с разных точек зрения, а также научном изучении биографии собирателя.

Имя второго фиксатора олонхо А.С. Попова малоизвестно. Документом, который свидетельствует о нем как о скрипторе, является примечание к самозаписи¹³. Оно прикреплено к рукописи олонхо, сданной в архив в 1939 г., написано латиницей, озаглавлено «К содержанию олонхо “Бэриэт Бэргэн”». Документ состоит из двух частей: лицевой и оборотной. На лицевой части – примечание фиксатора олонхо А.С. Попова о графической передаче на бумаге звучащего текста олонхо: сохранении фонетических вариаций произношения персонажей олонхо, способах трансляции форм высказывания (песенного, прозаического) устного эпоса на письме. Примечание сегодня служит доказательством того, что рядовые собиратели, столкнувшиеся с про-

блемой графической передачи устного эпоса, делились опытом, фиксировали его. Видимо, такая работа велась под руководством опытных фольклористов, которые задумывались над этими проблемами.

На оборотной стороне документа другим почерком на кириллице сделана приписка. В приписке записаны адрес (Намский район, Арбынский наслег), полное имя (Попов Афанасий Степанович), возраст (30 лет) автора самозаписи, а также дается такая информация: “Олонхо устно усвоил у олонхосута Ушницкого-Белого Куска из Усть-Алданского улуса. Других олонхо нет”¹⁴. Автор приписки не указан. По всей вероятности, дополнительное уточнение сделано работником архива или фольклористом, принявшим рукопись на хранение.

При определении А.С. Попова как фиксатора альтернатива «хранитель – собиратель» возникла в связи с обнаружением письма П.С. Ушницкого, сына того певца-сказителя, от которого А.С. Попов перенял олонхо. Письмо¹⁵ как документ, относящийся к рукописи А.С. Попова, было принято и вложено в папку в 2004 г. опытным архивистом Л.Ф. Рожиной. Оно озаглавлено «Слово о моем отце», представляет собой рассказ сына об отце-олонхосуте и событиях его жизни. Документ предваряется следующими словами: «Н.Н. Литвинцев в архиве нашел олонхо моего отца (С.Н. Ушницкого. – С.М.) в записи Попова»¹⁶, которые поднимают альтернативный вопрос о роли автора самозаписи в фиксации олонхо. Как видно из цитаты, А.С. Попов в письме определяется как собиратель, записавший текст эпического сказания из уст сказителя С.Н. Ушницкого. Установление точной роли А.С. Попова в фиксации олонхо – дело будущих исследователей.

Хранителем устного олонхо, по всей вероятности, являлся собиратель-корреспондент Института языка, литературы и истории, П.Г. Романов из Мегино-Кангаласского улуса. Его рукопись олонхо “Кыыс Ньургустай Куо” поступила в 1944 г. с отметкой “1941–1944”, снабжена объяснительной запиской. В записке¹⁷ автор самозаписи поясняет, почему он остановил свой выбор на олонхо о женщине-богатырке. Он пишет, что в прошлом сильная и умная женщина была равноправна с мужчиной, указывает, что такая ситуация сохраняется и в настоящее время. Скриптор обращается к специалистам в области народного творчества с призывом использовать

его самозапись олонхо о женщине-богатырке в целях пропаганды равноправия женщин.

В архиве среди рукописей олонхо, обозначенных как «самозаписи», хранятся три текста, представляющие собою авторские произведения. Они не могут быть определены как самозаписи устного эпоса, поскольку являются итогом личного творчества авторов, авторскими произведениями, где использованы фольклорные эпические образы, сюжеты. Первое произведение «Тимир Кулаттаан Боотур», написанное начинающим поэтом М.Н. Тимофеевым-Терешкиным, уже его современниками было признано авторским творением, далеким от образцов устных эпических произведений. Рецензентом, поэтом А.А. Бэрияком¹⁸ олонхо оценено несущественным по своим содержательным и художественным достоинствам. В отзыве указывается, что в произведении образы Ленина и Сталина не раскрыты в полном объеме и могут дать неправильное представление о вождях народа. О трудности определения жанра произведения, его малой художественности писал второй рецензент, методист Дома народного творчества П.Н. Попов¹⁹. Критические заметки остановили распространение через печать авторского произведения, где эпический дискурс адаптирован к советской идеологии. Рукопись была отправлена в архив, где принята с отметкой «самозапись».

Вторая рукопись «Улуу буойуттар, уон алта ини биилэр», зарегистрированная как самозапись олонхо, принадлежала члену литературного кружка педагогического училища Е.С. Сидорову²⁰, поступила в архив после его рассмотрения в Союзе писателей. Произведение, где стали фигурировать условно-риторические образы шестнадцати братьев, выступающих символами республик, не получило поддержки со стороны публикаторов, как чуждое традиционному фольклору.

Третий автограф «Уол Туйгун Бухатыыр» поступил в архив в 1941 г. В послесловии²¹ к нему автор Г.С. Семенов сообщает, что произведение написано им на основе устного эпоса в течение трех лет, дважды записано в черновом варианте и один раз перебелено. Далее он подчеркивает, что в произведении он поставил цель — описать, как советский народ, якутяне завоевали счастливую жизнь. Послесловие автора побудило определить рукопись как авторское произведение, написанное на основе уст-

ного эпоса. Дальнейшее исследование самого текста, биографии автора, нахождение новых документов, возможно, позволит нам уточнить тип данного фиксатора олонхо и его рукописи.

Итак, в 1939–1946 гг. в архив ЯНЦ СО РАН поступили рукописи, которые были отмечены в документах как «самозаписи». В статье на основе анализа обнаруженных документов, выделены два типа самозаписей: устных олонхосутов, хранителей устного эпоса. Самозаписями не признаны три автографа, являющиеся итогом личного творчества авторов, авторскими произведениями. Тип трех самозаписей остался не установленным из-за отсутствия документов. К ним относятся: «Күрэстээннн Бэргэн» Т.П. Кириллина, «Төрүөт Мэргэн» Г.А. Захарова, «Бардам Баабый» А.Г. Местникова.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Информатор — лицо, дающее информацию. В фольклористике информатором считается тот, кто выступает в качестве исполнителя произведений устно-поэтического, музыкального, драматического, хореографического народного творчества для фиксации этих произведений в научных либо культурно-просветительских целях (См.: Восточнославянский фольклор: Словарь научн. и нар. терминологии. — Мн., 1993. — С. 103).

² Собиратель — человек, выявляющий в народной среде произведения фольклора и записывающий (фиксирующий) их. (См.: там же. — С. 334).

³ Дыырай Бэргэн: олонхо /Подготовка к печати, вступ. статья С.Д. Мухоплевой. — Якутск : Бичик, 2009. — 336 с. (Богатыри саха : 21 т. ; Т. 6) (на якут. яз.).

⁴ Народный певец Устин Нохсоров : Статьи. Воспоминания. Произведения. Документы. Библиографический указатель. — Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2007. — 236 с. (на якут.яз.).

⁵ Дыырай Бэргэн: олонхо. — Якутск, 2009. — С. 20.

⁶ Норуот айар идэлээхтэрин паспордара: Оконешников Г.Р. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 854.

⁷ Ырыаһыттары, олонхоһуттары учуоттыыр анкета: Оконешников Г.Р. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 855.

⁸ Мухоплева С.Д. Самозаписи якутского героического эпоса-олонхо в дореволюционный период // Материалы III Международной научной конференции «Эпический текст: проблемы и перспективы изучения» (заочная, ноябрь 2010). — Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. — С. 119–127.

⁹ Афанасий Семенович Порядин (1870–1956) родился в Морукском наслеге Мегинского улуса. Два года учился в миссионерской школе. При помощи грамотного родственника П.Ф. Порядина, обеспечивавшего его книгами, занимался самообра-

зованием. До революции работал наследным писарем, избирался выборным головой Мегинского улуса. С 1920-х гг. А.С. Порядин начал сборы фольклорных материалов. Записи он делал в основном в пределах родного Морукского наслега. В собирательской работе А.С. Порядин руководствовался рекомендациями П.А. Ойунского, С.И. Боло, А.А. Саввина, Г.У. Эргиса. См.: Краеведы Якутии. Библиографический справочник. — Якутск, 2007. — С. 16–17.

¹⁰ Порядин А.С. Аан тыл // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 78. Л. 1–2.

¹¹ Порядин А.С. Олобум кэпсээнэ // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 797. Л. 3–7.

¹² Дьяконова Н.А. Фольклор Хангаласского улуса // Хангаласский улус : история, культура, фольклор. — Якутск, 2007. — С. 180.

¹³ Попов А.С. Ис өйдөбүлүгэр «Бэриэт Бэргэн» олонхо // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 33. Л. 1–2.

¹⁴ Там же. Л. 10б.

¹⁵ Ушницкий П.С. Слово о моем отце : Письмо от 11 февраля 2004 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Д. 33. Отдельное вложение. — 3 л.

¹⁶ Там же. Л. 1.

¹⁷ Романов П.Г. [Быһаары сурук] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 52.

¹⁸ Бярияк А.А. Редактор бэлиэтээһиннэрэ : [Рецензия] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 115. Л. 22.

¹⁹ Попов П.Н. «Тимир Кулаттаан боотур» олонхо туһунан бэлиэтээһин : [Рецензия] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 115. Л. 22–23.

²⁰ Е.С. Сидоров — историк-востоковед, кандидат филологических наук, автор исследований по эпосу, ныне известен как переводчик олонхо.

²¹ Семенов Г.С. [Послесловие] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 91. Л. 125.

S.D. Mukhopleva

The types of self recordings of olonkho in the Soviet period (1939–1946)

The article is devoted to the typology of the manuscripts which entered the YaNTs SO RAN archive in 1939–1946 and which are kept with the note ‘*samozapisi olonho*’ (‘one’s own recordings of olonkho’). Having studied 14 manuscripts and the related archival documents, the author identifies the two types of one’s own recordings: olonkho oral performers’ and oral epos keepers’ recordings. The varieties of one’s own recordings are determined according to a type of informants. The article considers the notions and terminologies; taking into account the specific character of material, the author gives concrete expression to the terms ‘one’s own recordings’, ‘informant’, ‘olonkho performer’ which are used in folklore studies; the note ‘keeper of oral epos’ is used for the first time.

Keywords: practical textual criticism, typology of manuscripts, autograph, list of autograph, Sakha heroic epos olonkho, one’s own recording, informant, collector, olonkho performer, oral performer of olonkho, keeper of oral epos.

УДК 812.512.157

Д.Е. Васильева

О творчестве народных писателей Якутии — братьев Семена и Софрона Даниловых (к 95-летию Семена Данилова и 90-летию Софрона Данилова)

Рассматривается творчество народных писателей Якутии Семена Петровича и Софрона Петровича Даниловых, внесших крупный вклад в возрождение и развитие культурного и духовного наследия якутского народа.

Ключевые слова: поэт-лирик, самобытный, национальный, характер, конфликт, социально-психологический, творческие контакты, народный язык, исторический путь

В прошлом столетии в семье простых колхозников Горного улуса Якутии Марии и Петра Даниловых родились два сына. Семен и Софрон Даниловы, которые стали народными писателями Якутии, лауреатами Государственных премий РСФСР им. М.Горького, других литературных премий и видными общественными деятелями.

Братья рано познали народную жизнь, рано приобщились к труду. Семен, который был старше Софрона на пять лет, работал колхозным бригадиром, охотником, писарем в нарсуде. Он в детские годы стал увлекаться литературой: много читал, писал небольшие стихи. И в 1937 г. стал печататься, писал забавные юморески, стихи-фельетоны, стихи и рассказы для детей, занимался обработкой фольклорных произведений. После окончания Якутского государственного пединститута он работал учителем русского языка и литературы. В средних школах и техникумах в 1950-е годы молодой поэт преподавал историю якутской литературы, в Якутском пединституте руководил литературным объединением. О тех незабываемых годах он писал: «Это были самые лучшие годы моей молодости, и я работал не жалея ни сил, ни времени... Увы, моя преподавательская деятельность, а с ней и «научная карьера» оборвались в одночасье: кому-то в институте показалось, что я неразумно много тратил времени — своего и студентов — на копание в старине, в языке богатырского олонхо, в фольклоре»¹. Это был период огульного отрицания произведений устного народного творчества, время обвинения многих деятелей науки и культуры в национализме. Всюду царил тогда атмосфера недоверия и подозрительности. Однако случившееся не сломило поэта. Он работал много и самозабвенно.

В 1960-х годах в якутской литературе усилилось стремление осмыслить народную жизнь в полном объеме, появился интерес к сложным социальным противоречиям и к духовной жизни общества. Именно в этот период наиболее ярко раскрылся талант Сем.П.Данилова. Он становится одним из любимейших поэтов Якутии. В эти годы он окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М.Горького.

Семен Данилов — поэт глубоко народный и национально самобытный. Изображая любимую Якутию, он широко и ярко использует краски северной земли, неповторимый колорит её флоры и фауны.

В горностаевых шубах стоят
Молодые березы гурьбой.
И, как девушки, что-то таят,
Тихо шепчутся между собой.
Сосны в заячьих дохах бегут
словно лыжницы, с белой горы.
В теплый снег зарываются тут
на морозную ночь глухари.

(Перевод Д. Ковалева)

Национальное своеобразие лирики Семена Данилова еще ярче раскрывается при показе национального характера якутского народа. В его поэзии человек и природа едины, и рассматриваются им как творцы жизни, как источник непрерывности бытия. Природное и человеческое начала так сближаются друг с другом, что составляют единое целое.

Пляску белых журавлей
Пляшет первый снег,
Этот чистый белый свет
Дорог мне навек,
Рощ спокойных тишина,
Белые поля,
Как невеста под фатой
Хороша земля

(Перевод В. Тушиновой)

У Семена Данилова вызывают восхищение женщины, чье мужество и стойкость являются залогом жизни на суровой северной земле. Поэтому поэт пишет:

Оттого, что вы здесь
Оттого, что вы здесь
Даже в страшные стужи
Жизнь не вымерзла здесь,
Жизнь не вымерзла здесь.

Интересна и задумчива интимная лирика поэта. В ней много света, трогательных психологических моментов и жизнелюбия. Например, в таких песнях, как «В шалаше», «У речного истока», «Сахайя», «Пой, ты пой, подружка моя» и др. В них в центре внимания внутренние переживания героя, их динамика, особенности его индивидуального сознания и мировосприятия. При этом поэт часто использует разные фольклорные мотивы, синтаксические и звуковые повторы, рифмы и рифмовку конечного и начального слогов и т.д.

В творчестве Семена Данилова достойное место занимает и гражданская, философская поэзия. Преклонение перед русской культурой, русским языком является для поэта выражением искренней признательности народу, языку, культуре, которые расширили границы

интеллектуального, духовного мира народов России. Например, раздумья поэта о русском языке отражают морально-духовный облик передового человека, человека предельно честного, горячего патриота и интернационалиста:

Жизнь идет, словарь опережая
(Сколько новых дел, событий, чувств)
Мысль свою на русском выражая,
Я у русских многому учусь...
Я ко всем наукам ключ имею
Я со всей Вселенною знаком —
Это потому, что я владею
Русским всеохватным языком.

(Перевод М. Львова)

Многие стихи Семена Данилова написаны на основе личных переживаний и раздумий. И потому в них превалирует лирическая исповедь. Своеобразное, высокохудожественное творчество народного поэта Семена Данилова определило лицо «тихой лирики» 60–70-х гг. XX в.

Написанные народным языком и яркие по образности стихи поэта давно привлекают внимание якутских композиторов и мелодистов. Они сочиняют музыку на прекрасные стихи Семена Данилова.

Глубоко самобытную поэзию Сем. Данилова на русский язык переводили известные поэты страны: Ярослав Смеляков, Михаил Львов, Вероника Тушнова, Виктор Боков, Дмитрий Ковалев и др. Поэтому при жизни Семен Данилов получил широкое признание как крупнейший поэт многонациональной литературы и как видный государственный деятель, депутат Верховного Совета Якутской АССР, член Комитета солидарности писателей страны, член Комитета солидарности писателей стран Азии и Африки.

На творчество Семена Данилова, безусловно, оказали благотворное влияние якутский фольклор и произведения классиков русской и советской литератур: А.Пушкина, М.Лермонтова, М.Исаковского, А.Твардовского и др., а также якутских писателей: А.Кулаковского, А.Софронова, П.Ойунского и др.

Ради полной реабилитации и восстановления светлого имени основоположников якутской литературы А. Кулаковского, А. Софронова, Н. Неустроева, и основоположника якутской советской литературы П. Ойунского Семен Данилов вместе с лучшими сынами Якутии всегда находился на переднем крае, способствовал переводу произведений этих писа-

телей, а также организовал перевод героического эпоса народа саха олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. Ойунского, осуществленный непревзойденным переводчиком эпосов СССР, талантливым поэтом Владимиром Державиным.

Будучи председателем Союза писателей Якутии Семен Данилов устанавливал тесные творческие контакты якутских писателей с их собратьями из российских и союзных республик. Под его руководством стали проводиться Дни якутской литературы в разных областях и республиках под девизом «Дружба литератур — дружба народов». Он словом и делом помогал молодым литераторам выйти на большую дорогу профессионального мастерства, также много делал для поднятия авторитета и творческой актуальности якутских писателей, для подготовки переводческих кадров, думая о дальнейшем развитии родной якутской литературы. Благодаря этому мы сейчас имеем несколько способных переводчиков, таких, как А. Шапошникова, А. Борисова, М. Алексеева и др., которые переводят с якутского языка на русский язык произведения П. Ойунского, Далана, Н. Лугинова и др., что способствует дальнейшему развитию якутской литературы и установлению теплых творческих контактов с писателями других регионов.

Народный поэт Якутии Сем. П. Данилов своим неутомимым творческим и общественным трудом внес огромный вклад в возрождение и развитие культурного и духовного наследия якутского народа. В нем слились все лучшие черты его родного народа. Поэтому люди разных национальностей многонациональной российской литературы считали его одним из лучших поэтов России и видным деятелем культуры народов Севера.

В 1978 г. в связи с кончиной Семена Петровича Данилова известный поэт России Мустаи Карим писал: «Якутия лишилась одного из лучших сыновей, многонациональная литература потеряла своего выдающегося поэта»².

Вскоре после смерти народного поэта Семена Петровича пост председателя якутской писательской организации был доверен его брату Софрону Петровичу Данилову, ведущему прозаику и общественному деятелю Якутии.

Софрон Данилов в 1937 г., окончив Бердигестяхскую семилетнюю школу, стал работать в родном колхозе бухгалтером-инструктором. Затем в 1940 г. после успешного окончания Якутского педагогического рабфака, поступил

учиться на факультет русского языка и литературы Якутского государственного педагогического института. Однако учебе помешала война. В 1941 г. он был призван в действующую армию, а в 1942 г. по состоянию здоровья был демобилизован и стал работать учителем в Токкинском районе.

Софрон Данилов о войне знал не понаслышке, на себе испытал все ужасы и невзгоды военного времени. Пережитое и увиденное он запечатлел в своих первых рассказах, вышедших отдельной книгой под названием «Встреча» (1945 г.).

В первые послевоенные десятилетия одна за другой выходят его книги рассказов: «Настоящий друг» (1956), «В родном аласе» (1957), «Я тебе расскажу» (1964) и др. В этих произведениях Софрон Данилов показывает самоутверждение, духовное развитие героев в процессе активной созидательной деятельности. В то время и другие якутские писатели: Н. Якутский, А. Сыромятникова – отражали в своих произведениях нравственное и гражданское возмужание молодежи, работающей в алмазодобывающей промышленности и на колхозных полях.

В 1960–1980 гг. якутская литература развивалась особенно быстрыми темпами. На нее плодотворное влияние оказывали лучшие писатели страны: Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Распутин, В. Шукшин и др. Для их произведений были характерны широкий показ народной жизни, углубление социальных и нравственных конфликтов, богатство и разнообразие психологически разработанных характеров и т.д. Это привело к тому, что и в якутской литературе усилилось стремление осмыслить народную жизнь в полном объеме, появился интерес к сложным социальным противоречиям и духовной жизни общества.

Самым большим событием этого периода явился выход романа Софрона Данилова «Пока бьется сердце» (1967). Это произведение ознаменовало собой рождение жанра социально-психологического романа в якутской литературе. Софрон Данилов, многогранно отображая жизненные коллизии, убедительно раскрыл динамику развития общественного процесса. Писатель, рассказывая о жизни одной сельской школы, тесно связал её с историческим прошлым народа. В образе старого педагога, участника Гражданской войны, В.Н.Левина он наглядно показал истоки силы народного духа, лучших людей своего времени. В романе

Софр. Данилова «Пока бьется сердце» история и современность неразделимы, слиты в глубоких взаимосвязях. В произведении автор ставит ряд крупных проблем современного ему общества: правильное воспитание подрастающего поколения, моральный облик учителя, роль семьи, школы и учителя в формировании личности ученика, отношение к исторической памяти своего народа и т.д.

В лице главного героя произведения Сергея Аласова Софрон Данилов создал образ сильной личности, человека творчески мыслящего, человека активной жизненной позиции, отстаивающего высокие моральные принципы. Произведение, отличаясь глубоким психологизмом, проникает в сущность тех проблем, которыми заняты его герои. Автор убедительно и добротнo описывает национальную действительность, раскрывает конфликты героев в труде и в быту. Известный критик В. Деметьев писал о романе: «В книгу вошел кусочек жизни самого писателя, оттого она, эта книга, читается на одном дыхании»³.

Роман Софр.Данилова «Пока бьется сердце» явился вехой для дальнейшего развития всей якутской и северных литератур. После него даже произведения, посвященные революции, стали отличаться глубиной проникновения в духовный мир героев. Одна за другой были выпущены книги В.В. Яковлева «На водоразделе рек», Болот Боотура «Весенние заморозки», Ивана Гоголева «Черный стерж», Леонида Попова «Тогой Сэлэ», А. Сыромятниковой «Девушка-хозяйка» и др. Под впечатлением этого романа активизировали свою творческую деятельность писатели Севера: Платон Ламутский написал роман «Дух земли», А. Кривошапкин создал несколько повестей и романы.

Стоит особо подчеркнуть, что под влиянием романа «Пока бьется сердце» Софрона Данилова учитель из сельской местности Василий Семенович Яковлев–Далан, посвятил свое первое произведение «Дивная весна» тоже отображению жизни сельской школы. Вскоре он стал ведущим прозаиком Якутии, автором первого исторического романа в якутской литературе «Глухой Виллой». Таким образом, многие исследователи считали роман Софрона Данилова «Пока бьется сердце» вехой переломного периода в развитии якутской литературы и новым явлением в истории литератур народов Севера.

Произведение Софр.Данилова «Пока бьется сердце» было опубликовано в «Роман-газе-

те». Предисловие к роману написал известный литературовед, профессор Г.И. Ломидзе. В нем он писал так: «Я не стану здесь раскрывать сюжетные линии романа "Бьется сердце"... Скажу только, что при всем динамизме, конфликтной остроте произведения в нем ясно видны истинная лиричность, психологическая углубленность — писатель напряженно следит за развитием душевного мира своих героев. Особенно это касается жизненной истории одной из героинь романа — учительницы Надежды Пестряковой»⁴.

Вскоре после написания романа Софрон Данилов приступил к созданию произведения «Человек живет только раз», отражающего сложные психологические отношения людей времен Гражданской войны в Якутии. Усиленный интерес писателя к показу внутреннего мира героя и его связи с внешним миром ярко проявляется при раскрытии характера красноармейца Томмота Чычахова и членов семьи богачей Аргыловых. В целом роман отличается тонким социально-психологическим анализом героев (даже отрицательных персонажей), захватывающим сюжетом, национальным колоритом и богатством художественно-изобразительных средств. Прочитав этот роман А.Коптелов писал: «Читал с неослабевающим интересом и благодарил Вас, талантливого романиста, за мастерство, за историческую правдивость, за ярко выписанные образы, в особенности за милый образ Кычи»⁵.

Софрон Данилов, являясь выразителем дум и чаяний родного народа, во многих своих произведениях поднимал актуальные проблемы современности. Особенно большой интерес писатель уделял экологической проблеме, что нашло отражение в романе «Не улетайте, лебеди!».

В нем он смело призывал закрывать источники повышенной экологической опасности и бороться за оздоровление экологической ситуации в районах Крайнего Севера.

В зените своего творчества Софрон Данилов проявлял большой интерес к развитию жанра романа, поскольку в нем поднимается огромный пласт жизненных материалов, в которых затрагиваются проблемы как отдаленного прошлого нашего народа, так и современности. Интерес к жанру объясняется прежде всего изменениями и преобразованиями в общественно-политической и культурной жизни страны, а также усилиями ведущих писателей.

В последние десятилетия жизни Софрон Данилов очень живо откликался на текущие

события своего времени. Новый поворот в художественном познании действительности, переоценку процессов общественного и исторического развития мы находим в его повестях: «И завтра наступит день», «Пашня», а также в рассказах, включенных в книгу «Мысли мои», в его многочисленных очерковых и публицистических произведениях. Ответственность перед временем, перед народом, бескомпромиссное отношение к любому проявлению лжи и несправедливости, резкое осуждение культа личности становятся ведущими темами в его произведениях. Они внесли заметный вклад не только в развитие якутской, но и многонациональной литературы России, в ее жанровую систему и ее тематическое разнообразие. Гуманистическое содержание произведений Софрона Данилова, их глубокая народность и самобытные характеры правдоискателей и романтиков обогащают внутренний мир наших современников. Поэтому известные писатели страны адресовали Софрону Данилову такие теплые слова. Ю.Бондарев писал: «Я сверх меры тронут выступлением Софрона Данилова — выдающегося писателя, для меня это совершенно ясно, и выдающегося гуманиста и выдающегося человека»⁶. А Расул Гамзатов утверждал: «Софрон Данилов подарил нам полную красоту Якутии»⁷.

Будучи глубоко самобытным писателем, он прекрасно владел богатством родного якутского языка и черпал его яркие краски из живого родника народного творчества. В своих произведениях Софрон Данилов часто использовал монологическую форму речи, при помощи которой тонко и обстоятельно отражал глубоко нравственные проблемы, связанные с духовным совершенством личности. В своих социально-психологических произведениях пропускал социальные и общественные противоречия и конфликты через души и сердца своих героев.

Продолжая и развивая дела и мысли старшего брата народного поэта Семена Данилова, народный писатель Якутии Софрон Данилов вел большую общественную работу. Он уделял огромное внимание взаимодействию якутской литературы с литературами других национальных республик и областей. В этом отношении он неуклонно продолжал дело, начатое Сем.П.Даниловым, ярким свидетельством тому могут быть тесные контакты с писателями Иркутской, Магаданской, Ульяновской областей, Казахской и Киргизской республик и т.д. Выдающиеся писатели разных народов вы-

соко ценили Софр. Данилова как яркого писателя и крупного общественного деятеля. Известный казахский писатель Д. Мулдагалиев писал: «Высокая идейность, щедрый талант, глубокое постижение жизни отличает ваше многогранное творчество. Казахская земля благодарно помнит Ваши яркие выступления в дни Декады якутской литературы в Казахстане»⁸.

Софрон Данилов продолжал неустанную борьбу, как и другие лучшие представители народа саха, за возрождение светлого имени и произведений основоположников якутской литературы А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, основоположника якутской советской литературы П.А. Ойунского и других репрессированных писателей и деятелей литературы, культуры Якутии.

Софрон Данилов, являясь духовным лидером родного народа, в период обновления общества и в судьбоносные дни переустройства жизни был всегда на переднем крае борьбы за правду и справедливость, за коренные интересы народов Якутии. Свидетельством тому могут быть его активное участие в принятии Декларации о суверенитете Республики Саха (Якутии) и ее Конституции, а также его яркие очерковые и публицистические выступления за коренное переустройство нашего общества.

Народные писатели Якутии братья Семен и Софрон Даниловы были одними из лучших поэтов и прозаиков Якутии и всей Российской Федерации. Многие произведения этих писателей переведены на русский, казахский, латышский и другие языки, стали достоянием широкого круга читателей нашей страны и за рубежом.

Великие сыновья якутского народа Семен и Софрон Даниловы всю свою жизнь посвятили беззаветному служению народу, утверждая в своих произведениях общечеловеческие ценности. Результатом их многолетней, це-

ленаправленной работы стала реабилитация лучших сынов Якутии – писателей и деятелей культуры, репрессированных в годы культа личности. Благодаря в том числе и усилиям братьев Даниловых высшее творенье народа саха – героический эпос олонхо получило признание ЮНЕСКО и стало шедевром устной, нематериальной культуры человечества. Тесные контакты наших писателей с русским и другими народами способствовали успешному развитию литературы народов Севера. Нынче многие читатели признают якутскую литературу как литературу высокого художественного уровня, неотъемлемой частью культуры России. Потому осозная значение этих творческих контактов, Софр.Данилов говорил: «Пусть будем друзьями не только мы, современники, пусть будут друзьями и наши потомки – дети, внуки и правнуки!»⁹.

Ныне народы нашей республики заслуженно гордятся замечательными писателями Якутии братьями Семеном и Софроном Даниловыми, творческая судьба которых поистине является феноменом в литературе народов России.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Литвинов В. Семен Данилов. – М., 1971. – С. 148–149.

² Мустай Карим. Он звал к себе // Воспоминания о Семене Данилове. – Якутск, 1983. – С. 211.

³ Дементьев Д. Летописец народной жизни // Софрон Данилов. – Якутск, 2003. – С. 98.

⁴ Ломидзе Г. «Бьется сердце» в Роман-газете // Там же. – С. 77

⁵ Тарасов С. По зову сердца // Воспоминания о Софроне Данилове. – Якутск. 1996. – С. 150. (На якутском языке).

⁶ Там же. – С. 149.

⁷ Там же. – С. 149.

⁸ Там же. – С. 149.

⁹ Софрон Данилов. Мы всегда будем верны дружбе // Собр. соч. – Т. 6. – Якутск, 2000. – С. 487.

D.E. Vassilieva

On the works of people's writers of Yakutia – brothers Semen and Sofron Danilov (to the 95th anniversary of Semen Danilov and the 90th anniversary of Sofron Danilov)

We consider the work of people's writers of Yakutia Semen and Sofron Danilov who made a major contribution to the resurrection and development of the cultural and spiritual heritage of the Sakha people.

Keywords: lyrical poet, original, national character, conflict, social psychological, creative contacts, vernacular language, historical path.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

УДК 256(571.56)

В.Е. Васильев

Этнографические этюды Верхоянья

В краткой поездке по Верхоянскому улусу Республики Саха (Якутия) автор статьи собрал уникальные материалы по шаманизму народа саха. Так, в указанном районе им впервые обнаружены современные погребения с конем и воздушное захоронение арангас. Установлены также местонахождения жертв кэрэх, ориентированных на восток — страну светлых богов айыы.

Ключевые слова: север, саха, шаманизм, культуры, божества, ысыах, коневодство, кэрэх, арангас, атрибуты, погребения, жертвоприношения.

Любому этнографу ясно, что сегодня даже в далекой глуши наивно искать шаманские обряды в нетронутым виде. Тем не менее при желании исследователи, хотя бы для себя, могут сделать маленькие открытия, вдохновляющие их на новые поиски. Так, северные просторы Верхоянья от Суордааха до Элгеса протяженностью до 350 км, окаймленные шаманской горой с девятью каменными сиденьями на речке Дулагалаах и скалами Киһилээха на полноводной Яне, подарили уникальные материалы. Эти новые данные этнографам еще предстоит осмыслить, чтобы объективно оценить научную ценность коневодческой ойкумены на краю Севера.

Время для поездки (поездка длилась с 13 по 27 июня 2011 г.) было выбрано удачно: весенний ледоход прошел, по Яне плыли грязные воды паводка, а люди готовились к празднику *Ыһыах*. В с. Дулагалаах остановился в доме главы наслега И.В. Ноговицына. Старый дом с пристройкой-балаганом раньше принадлежал священнику, и вполне вероятно, что в 1939 г. здесь мог побывать этнограф А.А. Саввин. В центре села расположены школа, клуб, почта, магазин и развалины старой церкви. Вдоль речки Дулагалаах живут дьусальцы, содержащие лошадей и коров. Ландшафт ровный, очень напоминает долины центральных

улусов. Местные жители — заядлые охотники и рыбаки.

С помощью проводника Е.И. Сыромятникова мы выяснили, что около с. Дулагалаах находилось по меньшей мере *шесть жертвенных деревьев кэрэх**. Четыре из них сохранились в местностях: От Оголоох, Ойуун Тьюэтэ, Байарым Хадыһата, Дьарах Кюёлэ. Первые два *кэрэха* имели черепа лошадей, которые смотрели на восток. У первого сохранилась переключина (куочай) длиной около двух метров, на середине которой был насажен череп, а второй *кэрэх* переключины не имеет. У третьего дерева черепа не было, но *куочай* указывал острым концом на восток и вниз. В передней части переключины видно второе отверстие, куда втыкался отломавшийся сук, поэтому *куочай* накренился вперед. У четвертого *кэрэха* выпали и череп, и переключина, но по вертикально обтесанному обрубку сука лиственницы можно догадаться, что стрелка указывала на восток. Интересно, что все деревья *кэрэх*, стоявшие почти

---

* *Кэрэх* — первоначально мумия почитаемых людей и животных; *шкура жертвенного скота* вместе с головой, копытами и хвостом, которую вешали на переключине между развилками дерева; *жертвенное дерево*, на котором раньше висела шкура, череп или переключина *куочай*. *Кэрэх* ныне ассоциируется с любым старым, уродливым деревом, растущим на видном месте.

Куочай кэрэх, указывающий на восток,
Местность От Оголоох, с. Дулгалаах

Погребение девушки на горе Ампаара Хайата,
вид с юга

рядом с церковью, расположены на опушках леса с солнечной стороны и обязательно около водоемов. Такие места очень удобны для устройства праздника *Ыһыах*. Примерно в 8 км к югу от села, на вершине горы Ампаара Хайата сохранились обломки саней: оглобли *арал*, ярма *бургалды*, досок *лоскуо* и полозьев. До

лесного пожара рядом лежали две лопаты. По легенде, на безлюдном месте погребли девушку, покончившую жизнь самоубийством. При этом веревку с шеи девушки не сняли, а перерезали ножом и положили ее в яме лицом вниз, похоронив без креста.

По рассказам К.К. Слепцова (1931 г.р.), в старину людей, покончивших жизнь плохо, пороли и привязывали за руки и ноги к хвосту необъезженной лошади. В Дулгалаахе живет охотник из Себян Кюёля В.С. Кривошапкин (1935 г.р.), который рассказал о том, что раньше эвены хоронили шаманов на лесистом мысу развилки, где сливаются две реки.

18 июня было намечено примечательное событие – забой лошади по случаю праздника *Ыһыах*. Коня светло-серой масти поставили

Жертвенный конь на празднике Ыһыах,
с. Дулгалаах

лицом на восток и длинным недоуздом привязали к столбу забора. Конюхи принялись делать *бакаайы* для ограничения движения коня. Они отдельной веревкой свободно привязали копыта обеих правых ног; другую длинную веревку повесили петлей на шее лошади, а конец закрутили на щиколотке левой задней ноги и обратно пропустили через петлю на шее, затем натянули назад, оставив длинный запас на конце. За этот конец веревки взялись трое мужчин и начали тянуть, поднимая левую ногу коня к петле на шее. Жертва начала медленно приседать на задние ноги. Когда конь, наконец, присел и тяжело задышал, удушаемый петлей, его ударили обухом топора по лбу. Оглушенный конь упал на бок. Работники тут же развязали веревку *бакаайы* и растянули коня за передние и задние ноги спиной на траве, оставив сильно натянутым недоуздок. Один

опытный молодой человек якутским ножом сделал надрез на груди коня длиной до одного *харыса* (17 см) и, просунув локоть в брюхо, разорвал аорту. Мужчины ножами и кулаками начали быстро разделять тушу. Они отрезали копыта по коленным суставам и положили отдельно, а хвост отрезали и отдали молодой женщине. На снятую шкуру вывалили потроха и кишки. Кровь черпали из брюшины ковшом и переливали в бидон. Мужчины рубили тушу по частям, а женщины очищали кишки в отдельных тазах. В конце работы мясо раздавали собравшимся людям. Сам праздник *Ыһыах* проводился по вполне современному сценарию.

21 июня на моторной лодке мы прибыли в с. Суордаах. Село стоит на левом берегу Дулагалааха и имеет клуб, почту, контору, школу и музей. Основное занятие жителей – скотоводство, охота и рыболовство. Директор музея М.А. Васильева организовала встречу с коллективом школы. Во время чаепития учителя предоставили первые этнографические сведения и назвали старожилы, с которыми можно побеседовать. Из их слов выясняется следующее: сельчане во время похорон забивают коня, голову с копытами вешают на деревьях, там же оставляют постели покойников. По словам М.А. Васильевой (1944 г.р.), коневода, заслуженного работника сельского хозяйства РСФСР Н.Г. Слепцова–I и охотника С.Ф. Чукурова погребли с конями. Для этой цели корову не забивают, так как она упрямая, и душа покойника не сможет попасть на тот свет. По рассказам старожилы, однажды в Верхоянске умерла старуха. Ночью в яму провалилась молодая корова, и родственники зарезали ее, но позже покойная приснилась им и сказала, что из-за этой скотины не может дойти до того света.

В горах и самом селе много можжевельника, но его в ритуальных целях не используют. В качестве оберега *ымыы* лепят над дверью или на косяке мерзлые глаза лошади, чтобы отпугнуть злых духов. В селе отмечают выход из проруби водяных духов *сюллюкюнов*. В это время гадают и на всех дверях и окнах рисуют углем или мелом кресты. Примерно 30 км к югу от села находится гора с девятью скалистыми ступенями, где во время большой эпидемии камлала сразу девять шаманов. Подниматься на священную гору нельзя. Человек, нарушивший запрет, может заблудиться, ослепнуть или сойти с ума. Под этой горой стоят деревья *кэрэх* с черепами лошадей.

22 июня мы поехали к шаманской горе Ураакы Тааһа, около которой течет р. Ураакы. Проводником служил директор сельского Дома культуры Д.Е. Васильев (1960 г.р.). Под горой, в мысу лесочка, нашли жертвы *кэрэх*. На высоком обгорелом пне был насажен череп лошади лицом на юго-восток, а рядом с ним на развилке лиственницы висел второй череп, смотревший на северо-восток. На вершине горы у ее подножья других следов шаманских обрядов не оказалось.

В Суордаахе ценные сведения предоставил Д.Д. Васильев (1932 г.р.), поэтому приведем его рассказ почти полностью. Раньше у нас висели жертвы *кэрэх*, ныне их не осталось. Все они обязательно смотрели на восток. Для этого всегда выбирали дерево с развилкой. И медведя тоже благословляли сильно (*улуу ураннык алгыыллар*) и пели: «Мы твою дорогу не пересекали, ты тоже нашу не пересекай». Голову медведя вешают, направив на восток. Мы не выкрикиваем «хуух», вкушая медвежатину. Эвены голову медведя привязывали на развилке дерева при помощи тальниковых прутьев, которые пропускали сквозь впадины ушей и глаз, срубив сучья дерева в виде рогатки.

Во время похорон я слышал, как воспевали: «Подпираясь о кровавое кайло, Намереваясь ударить мерзлую землю длиною в девять пяток...» (*«Хааннаах хайгыаны таннары тайахтанан тураамыт, Тогус уллунгах устата тонгбуору охсоору тураамыт...»*). Длину могилы мерили в девять пяток, а ширину – в четыре пятки. Самоубийцы хоронили лицом вниз, придавливая камнями и говоря: «Против Господа Бога ты пошел». В 1942 г. председатель колхоза приказал Роману Романовичу ехать на охоту в местность Буустаах. Роман попросил запас еды, но ему отказали. Тогда он вернулся домой и долго точил нож, потом спросил у детей: «Вы голодные?» Испугавшись, дети ответили, что нет. Тогда отец ушел за печку и повесился. Его похоронили в глубокой яме, положив лицом вниз, а сверху с ног до головы придавили плитками *хайыр*. Заклинал его певец Сыллыбырка. Эта могила ушла под воду при весеннем паводке. В 1945 г. на поле электростанции устроили праздник Победы. Когда Сыллыбырка благословлял лошадь серо-пегой масти, эта лошадь во время обряда *алгыс* вдруг упала замертво.

На юге есть гора Тыаллаах Таас, на ее вершине стоит скала, похожая на человека. С этого места до скалы Элбэрээк шаманы натягива-

ли самострел *айа*, охотясь друг на друга. В старину они жили в местности Орто Быһыт и там, наверно, было много *кэрэхов*. Во время эпидемии (испанка, оспа или корь?) семь шаманов устроили засаду и сделали быка из трухлявого дерева. Веревку вручили мальчику, наказав, чтобы в нужный момент он проворно развязал чучело быка. Однако, увидев идущего с ревом быка болезни, ребенок испугался и не успел развязать узел. Бык болезни съел всех семерых шаманов, а их дом провалился сквозь землю. На речке Хатыннаах есть гора, где камлали девять шаманов. В 1930-е гг. здесь жил нищий шаман Дьаралык, который кормился, обходя дворы.

У бывшего князя нашего наслега Х.Я. Васильева хранились идолы *эмэгэт*. Они сидели на нарах за камелеком, кажется, на коврик *олбох* из шкуры лошади. Если страдали от угара или легкого психического расстройства *таарымта*, то подносили *эмэгэт* к очагу и кормили конским жиром, благословляя и сжигая пучки гривы. Детей не подпускали близко, поэтому имен духов не знаю. Приглашали всех соседей. Идолов было несколько, они были большие и маленькие. Все были одеты в пальто из конской шкуры. После смерти моих родителей глава Яковлевич забрал меня и мою старшую сестру и воспитывал нас. Иногда я тайком разглядывал идолов. Они были сделаны из гнилого тополя *тирэх*, одеты в замшу, украшенную орнаментами и имели остроконечные шапки из конской шкуры (*ол баайылар хоройбут сылгы бэргэнэлээх буолаллара*). Их изготавливал кузнец и мастер по дереву Александр по прозвищу Ёккётё. В 1939 г. Яковлевича раскулачили. Люди приехали на подводах, имущество увезли, а идолов, наверное, выбросили.

23 июня мы посетили кладбище с. Хайынардаах. На краю села, около дома И.А. Аммосова, прозванного «хозяином Киһилээха», растет дерево, на развилке которого старик хранил тушки восьми соболей. Снизу висели черепа коня и крупного зверя (медведя?), а рядом была прибита к стволу странная палочка, напоминающая человека с «платком» на голове. Возможно, идол являлся духом-охранителем священного дерева. Вокруг кладбища мы насчитали до 14 черепов коней. В некоторых местах кости коней завязаны в узлы из собственной шкуры. Рядом висят постели и мешки с одеждой. Почти все черепа ориентирова-

Северная окраина кладбища с. Хайынардаах

ны на восток — в сторону высоких гор. На краю могильника мы наткнулись на сверток из шкуры рыжей коровы, висевший на тонком деревце.

По словам А.И. Ефимова (1932 г.р.), в наслеге Элгес старики путем разрыва аорты убивают коня, на котором ездил покойник. Кости, голову и шкуру вешают на ветках дерева. Не все черепа ориентируют на восток, хотя жертвы *кэрэх* направлялись на восток. Такие деревья раньше стояли на участке Чёрюмчэ. Эти данные подтверждает старожил Д.Д. Гатилов (1925 г.р.): покойников снабжают конем, чтобы они верхом поехали на восток. Исстари вещи усопших вешают у могилы. Корову обычно не забивают. Говорят, рогатый скот упрямится и не идет вперед. Корове также разрывают аорту, голову отделяют по кости *хайылык*. Поминальный конь не имеет особого названия. Голову коня едят, не ломая костей и не отделяя нижнюю челюсть, а череп вешают. В старину существовал обычай поедания коня у могилы. После камлания шаманы вешали *кэрэх*. Никто его не трогал, считая за большой грех. На древнем *Ыһыахе* также приносили жертву *кэрэх*. Видимо, после праздника шкуру коня выносили на опушку леса и вешали на дерево. Иван Аммосов умер, когда ему было 81 год. Он мог стать сильным шаманом. Перед кончиной завещал, что будет оберегать своих людей и кружиться здесь в виде коршуна.

26 июня нам удалось посетить могилу И.И. Потапова — Ныыссын (1937–1990 гг.). Дочь покойного О.И. Миронова (1969 г.р.) рассказывает: ее отец, уроженец I-го Энгинского наслега, скончался в 53 года. Перед смертью он завещал, чтобы его тело сожгли.

Арангас 1990 г., озеро Айаан Кюел, г. Верхоянск

Когда-то путем трупосожжения погребли его дядю. Но администрация Верхоянска не дала согласия на кремацию. Тогда решили поднять его тело на лабаз. *Арангас* построили в декабре 1990 г. младший брат покойного и его зять. Родственники уложили усопшего в обычный гроб и подняли на помост. *Арангас* стоит на откосе террасы с ориентировкой с юга на север, а на противоположном берегу видно стойбище *ёмёх*. Помост установили на трех срубленных лиственницах: высота двух столбов с юга доходит до 150 см, а нижнего северного столба — более двух метров. Для укрепления нижней части с двух сторон лиственницы вкопаны еще два длинных столба. На крепких перекладинах, вдетых в эти столбы, срублен ящик из плах, который также имеет крепы в виде верхних перекладин. Под крышей из фанерных листов лежат мешки с вещами. На самом помосте и рядом с ним видны следы подношений. Мы тоже задобрили духов местности. Дочь усопшего сетует, что *арангас* поставлен в неудобном месте и в будущем планирует его перенести. С вершины горы Айаана видно, что основным ориентиром могилы служил г. Верхоянск¹.

В последнем воздушном погребении нарушена традиция ориентировки могилы с запада на восток. Согласно светскому принципу, помост направлен в сторону города, где жил и умер покойник. Относительно предка Ныиссына можно сказать следующее: в 1939–1940 гг. в Верхоянском районе побывал А.А. Саввин. В полевых записях он отметил, что в 1937 г. в I-м Энгинском наслеге сожгли тело шамана Чаһы. По завещанию, его труп положили в долбленный гроб, в трех местах обвязали обру-

чами, снятыми от чайных тар и вынесли на островок речки. Остерегаясь мести шамана, пригрозившего погубить людей и скот в случае неисполнения его желания, местный совет разрешил совершить обряд трупосожжения². Вторым уникальным объектом мы считаем безвестное погребение на горе Ампаара Хайата. Скорее всего, его можно отнести к началу XIX в. Историк В.Ф. Иванов писал, что начиная с середины XVIII в. до начала XIX в. среди нищих и убогих *кумаланов* участились самоубийства. В качестве крайней меры для предотвращения актов пассивного сопротивления ясачной политике иркутский губернатор предписал: «по силе воинского 164-го артикула» палачам на виду народа «волочить по наслегу» трупы самоубийц и хоронить «с пренебрежением»³. Любопытно, что элементы подобной экзекуции сохранились вплоть до 1942 г. Однако данный обряд не стоит принимать за традиционный способ погребения. Аналогичный обряд в дохристианских языческих памятниках отсутствует.

Верхоянские материалы доказывают, что анимистические поверья еще продолжают жить среди старшего поколения. Так, верхоянцы утверждают: души усопших отправляются в мир мертвых верхом на коне. Сохраняется в целости представление о том, что для верхних духов нельзя резать рогатый скот. При этом особо почитается восток как страна светлых творцов. Интересны сведения о том, что северные саха во время праздника *Ыһыах* и на похоронах приносили кровавые жертвоприношения *кэрэх*, ориентируя их на восток. Этот факт подтверждают ранние источники, по которым схожие обряды существовали и в центральных улусах Якутии⁴. Запад как страна смерти не упоминается, видимо, потому, что данное представление было связано с камланиями шаманов, которые давно забыты.

Старики еще помнят обычаи, по которым головы домашнего скота и даже медведя следует отделять по первой позвоночной кости *хайылык*, а черепа коней и медведей устанавливать на развилках растущих деревьев, направляя лицом на восток. Интересно, что священная гора с жертвами *кэрэх*, связанная с памятью о девяти шаманах, пытавшихся спасти свой народ от страшной эпидемии, стоит между двумя речками. Вероятно, развилки дерева и реки одинаково олицетворяли священный сосуд или чрево матери-богини земли. Именно поэ-

тому в таких местах хоронили шаманов и детей. Отсюда очевидно, что жертвоприношения *кэрэх* изначально были связаны с погребальными обрядами, в свою очередь, восходящими к промысловому культу умирающего и воскресающего зверя. На это четко указывает обычай обязательного наделения ритуальной пищей всех сородичей во время обряда поднятия костей медведя, похорон и поминок, а также праздника *Ыһыах*.

Не случайно, что в обряде кумысопития присутствует перекладина, установленная на столбах. В этой архитектуре наблюдается соединение двух начал: длинной палки в виде «рыбы-дерева» как фаллического символа и развилчатого дерева как воплощения богини, живущей на восходе солнца. Здесь мы встречаемся с архаическим представлением о земной природе мужчин и небесной – женщин. В поверьях саха шаманская «земля-душа» ассоциировалась с рыбой, а «мать-душа», наоборот, связывалась с тотемными духами-покровителями⁵. Таким образом, истоки верования народа саха могут восходить к древним пластам охотничьих культур, существовавших до начала эпохи бронзы и железа.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Полевые материалы автора. Отчет о командировке в Верхоянский улус для сбора этнографических сведений. 2011 г.

² Саввин А.А. Этнографические заметки. 1940 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 38. – Л. 56–57.

³ Иванов В.Ф. Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII – начало XIX в.). – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992. – С. 117.

⁴ Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – С. 40, 41–42.

⁵ Попов А.А. Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа (Тексты) / Сост.: Р.И. Бравина. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 32–34.

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

1. Васильев Дмитрий Дмитриевич, 1932 г.р.
2. Васильев Дмитрий Егорович, 1960 г.р.
3. Васильева Мария Афанасьевна, 1944 г.р.
4. Гатиллов Дмитрий Дмитриевич, 1925 г.р.
5. Ефимов Александр Иннокентьевич, 1932 г.р.
6. Кривошапкин Василий Степанович, 1935 г.р.
7. Миронова Ольга Иннокентьевна, 1969 г.р.
8. Слепцов Константин Кириллович, 1931 г.р.
9. Сыромятников Егор Иннокентьевич, 1961 г.р.

V.E. Vasiliev

The ethnographic studies on Verkhoyanie

During his short trip in the Verkhoyansky District of the Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation, the author of the article has collected the unique materials on the Sakha people's shamanism. Thus in this area he has discovered for the first time the contemporary burial with horse and the over-ground burial *arangas*. He has determined also the whereabouts of sacrifices *kerekh* directed towards the east – towards the country of gods *ayii*.

Keywords: north, Sakha, shamanism, cults, deities, *Ysyakh*, horse-breeding, *kerekh*, *arangas*, attributes, burial, sacrifice.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Надежда Ивановна Данилова (К 60-летию со дня рождения)

Заслуженный ветеран Сибирского отделения Российской академии наук, заведующий сектором грамматики и диалектологии якутского языка, доктор филологических наук Надежда Ивановна Данилова родилась 19 ноября 1951 г. в селе Тойбохой Сунтарского района Якутской АССР.

В 1973 г. после успешного окончания Восточного факультета Ленинградского государственного университета она поступила на работу в качестве лаборанта в сектор грамматики и диалектологии якутского языка Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР. Под руководством видного исследователя якутского языка д.ф.н. Николая Егоровича Петрова Надежда Ивановна принимала активное участие в подготовке и издании многочисленных якутоведческих трудов, в том числе первого тома «Граматики современного якутского литературного языка» (М.: Наука, 1982). В 1989 г. она была переведена на должность младшего научного сотрудника и включилась в разработку актуальных проблем якутского языкознания. В 1993 г. на специализированном совете по защите кандидатских диссертаций в ИЯЛИ успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Местоимение в якутском языке» (научный руководитель д.ф.н. Н.Е. Петров). В 2002 г. на диссертационном совете по защите докторских и кандидатских диссертаций в ИГИ АН РС(Я) защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук «Показатели аналитической связи в якутском языке (функционально-семантический аспект)».

Надежда Ивановна – автор более 70 научных трудов, в том числе двух монографий: «Местоимение в якутском языке» (Якутск, 1991), «Смысловая структура аналитической связи в якутском языке» (Новосибирск, 2001). Она составитель и член редколлегии «Орфографического словаря якутского языка» (Якутск, 2001), является соавтором учебных пособий «Курс якутской грамматики» (Якутск, 2004), «Современный якутский язык. Морфология» (Якутск, 2009). В качестве составителя участвовала в подготовке и издании двух томов «Большого толкового словаря якутского языка».

В трудах Н.И. Даниловой систематизируются и углубляются научные знания по морфологии якутского языка в структурно-семантическом и функциональном аспектах. Результаты и положения ее трудов базируются на современных достижениях отечественного языкознания. Аналитические средства связи (скрепы) освещены ученым как основополагающие структурные элементы определенных функционально-семантических построений, что представляет собой опыт разработки служебных частей речи на базе методики структурно-семантического моделирования языковых единиц.

Последнее время Надежда Ивановна обращает внимание на когнитивный аспект грамматики, что является дальнейшим развитием данной методики на современном этапе.

Грамматические исследования, как и другие направления науки о языке, испытывают не только периоды подъема, но и некоторого спада. В последнее время в связи со структурными реорганизациями в институте грамматические исследования в определенный промежуток времени были приостановлены. Они возобновились в 2008 г., когда был вновь создан сектор грамматики и диалектологии якутского языка. Его заведующим была назначена Н.И. Данилова. Начались плановые исследования функционально-семантических категорий, основы которых были заложены группой грамматистов в 2004–2005 гг. при поддержке РГНФ.

Надеждой Ивановной были изучены категории темпоральности, каузативности, а в настоящее время она разрабатывает другие разновидности общей категории залоговости. Готовится коллективная монография, посвященная базовым морфоцентрированным категориям якутского языка.

В качестве руководителя и соисполнителя Н.И.Данилова принимала и принимает участие во многих проектах РГНФ и РФФИ. В этих проектах освещаются актуальные вопросы особенностей функционирования лексических и грамматических средств якутского языка в эпических (фольклорных) и художественных текстах. Подобный подход, ориентированный на изучение структурных единиц текста с позиции современной грамматики конструкций, позволяет глубоко и системно анализировать явления традиционной и современной (письменной) речевой деятельности.

Н.И. Данилова ведет большую научно-организационную и общественную работу. Она член ученого совета ИГИиПМНС СО РАН, Общего собрания Якутского научного центра СО РАН, Объединенного ученого совета Сибирского отделения РАН по гуманитарным наукам. Член редколлегии научного журнала «Северо-восточный гуманитарный вестник».

Надежда Ивановна – организатор и участник многих международных, всероссийских и республиканских научных конференций, активный пропагандист научных знаний.

Она является членом термино-орфографической комиссии Совета по языковой политике при Президенте Республики Саха (Якутия).

Н.И.Данилова активно участвует в подготовке научных кадров. Под ее руководством защищена 1 кандидатская диссертация. В настоящее время руководит диссертационными исследованиями 7 аспирантов и соискателей. Является заместителем председателя диссертационного совета Д 004.031.01 при ИГИиПМНС СО РАН по защите диссертаций на соискание

ученой степени доктора и кандидата филологических наук по специальности 10.02.02. – Языки народов Российской Федерации (якутский язык).

Надежда Ивановна более 20 лет занимается педагогической деятельностью – в должности профессора она читает курсы лекций и спецкурсы по морфологии якутского и турецкого языков в Институте языков и культур народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного Федерального университета им. М.К. Аммосова. Под ее научным руководством защищены десятки дипломных работ по актуальным вопросам якутского языкознания. Она один из авторов учебного пособия по якутскому языку для студентов ИЯИKN СВ РФ СВФУ. В течение многих лет Надежда Ивановна является председателем ГЭК и ГАК ИЯИKN СВ РФ СВФУ им. М.К.Аммосова по специальности «якутский язык и литература».

Н.И. Данилова много внимания уделяет приобщению школьников к науке. Она постоянный эксперт республиканских научных конференций школьников «Шаг в будущее». Консультант и руководитель научных работ учащихся.

Многолетний самоотверженный труд Н.И. Даниловой отмечен многими наградами. Она удостоена звания «Отличник образования Республики Саха (Якутия)», награждена знаком отличия «Гражданская доблесть», грамотами Академии наук Республики Саха (Якутия), Министерства науки и профессионального образования РС(Я) и др.

Мы, коллеги Надежды Ивановны, желаем ей, неутомимому труженику науки, крепкого здоровья, большого счастья, благополучия и новых успехов во имя дальнейшего развития якутского языкознания.

Н.Н.Ефремов,

д.ф.н., г.н.с. ИГИиПМНС СО РАН

Екатерина Назаровна Романова (К 50-летию со дня рождения)

Имя Екатерины Назаровны Романовой в сибирской науке связано с ленинградской академической школой. В прошлом простая якутская студентка, поразившая своих преподавателей удивительной тягой к знаниям, ярким умом, сейчас известный ученый в российской этнологической нау-

ке, специалист в области мифоритуальной культуры, сибирского шаманства. Она закончила кафедру этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ, является одной из первых выпускников специализированной кафедры по этнографии из Якутии и первой из якутских женщин, защитившей докторскую диссертацию по специальности этнография, этнология, антропология (07.00.07).

Что, прежде всего, поражает в Екатерине Назаровне. Это светлая и бьющая через край энергия: активность в научной деятельности, готовность организовывать различные мероприятия и принимать в них самое активное участие. Она всегда стремится к познанию нового, находится в постоянном научном поиске, что чрезвычайно важно для человека науки. Екатерина Назаровна открывает путь к новым знаниям не только для себя, но и для других: она щедро делится новыми знаниями со своими сотрудниками, помогает овладеть ими.

Е.Н. Романова родилась 9 мая 1961 г. в селе Кобяй Кобяйского района Якутской АССР в семье служащих. С детства родители воспитывали в ней такие черты характера, как дружелюбие, правдивость, чувство взаимопомощи. В их семье на первом месте стояла учеба и не удивительно, что все братья и сестры Екатерины Назаровны стали людьми науки.

Во время учебы на историческом факультете ЛГУ Екатерина Назаровна решила стать этнографом. Ей посчастливилось учиться у первоклассных педагогов и ученых, чьи имена входят в золотой фонд отечественной класси-

ческой науки (Р.Ф. Итс, Б.Н. Путилов, Ю.В. Кнорозов, К.В. Чистов, Л.П. Потапов, И.С. Вдовин, Л.В. Хомич, В.П. Дьяконова, Г.Н. Грачева, Е.А. Алексеенко), научным руководителем дипломного проекта стал известный исследователь Центральной Азии и Южной Сибири, профессор Д.Г. Савинов.

Еще будучи студенткой, она проявила огромный интерес к полевым исследованиям. Все научные экспедиции, в которых приняла участие и которые организовала сама Екатерина Назаровна, невозможно перечислить. Она побывала практически во всех районах Якутии, а также в целом ряде районов и сел Южной и Восточной Сибири. Методологически подготовленный и мастерски проведенный опрос информантов, умение правильно организовывать сбор этнографического материала, глубокое уважение к носителям традиций позволили ей проникнуть в закрытые тексты культуры. Вот почему во всех ее научных работах присутствует особое, живое, глубинное постижение предмета исследования. Очень важно умение для этнографа-полевика, в кабинетных условиях отделить «зерна от плевел» и сделать правильные, научно обоснованные выводы, что подвластно только настоящему, обладающему широкой эрудицией ученому, каковым и является Екатерина Назаровна.

После окончания Ленинградского государственного университета Е.Н. Романова поступила в аспирантуру Института этнографии и антропологии (Кунсткамера) и в 1987 г. успешно защитила диссертационную работу, посвященную главному якутскому празднику Ысыах. Как специалист по культурному наследию она стояла у самых истоков возрождения праздника Ысыах и сохранения его национальной самобытной формы. В 1991 г. Ысыах получил статус государственного и стал главным праздником многонационального народа Якутии. В 1994 г. в издательстве «Наука» (Новосибирск) вышла ее первая монография «Якутский праздник Ысыах: истоки и представления».

Поступив на работу в 1987 г. в Институт языка, литературы и истории СО РАН, она активно начинает использовать методы семиотики и культурной антропологии в приложении к якутскому материалу. В 1995 г. она завоевала грант РФФИ (проект «Символ в традицион-

ном мировоззрении»). Эта тема стала одним из главных направлений ее будущих научных исследований. В том же году она поступила в докторантуру Института этнологии и антропологии РАН в Москве. В 1997 г. в серии «Российский этнограф: новые издания по этнографии и антропологии» вышла ее вторая книга «Люди солнечных лучей, с поводами за спиной: символика судьбы в мифоритуальной традиции», которая стала первым исследованием по символической культуре народа саха. В 1999 г. Е.Н. Романова блестяще защитила докторскую диссертацию «Мифология и ритуал в якутской традиции».

Сейчас в российской науке Екатерина Назаровна достойно представляет сибирскую семиотическую школу. Она готовит новое поколение семиотиков и музейных этнографов, учит правильно постигать смысл вещи (артефактов), уметь выстроить и провести целостное исследование и охотно передает свои знания и идеи молодым ученым.

С 2001 г. Е.Н. Романова возглавляет центр этнологических исследований ИГИ АН РС(Я), ныне — сектор этнографии народов Северо-Востока России ИГИиПМНС СО РАН. Сегодня под ее руководством этнографами ведутся фундаментальные исследования по кросскультурной антропологии сибирских народов, а проект «Северная Азия и Байкальский регион: пути формирования этнокультуры» стал одним из интеграционных проектов с бурятскими учеными Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Экспедиция Е.Н. Романовой на Олонхо дала огромный импульс разработке теоретических проблем изучения периферийных культур. В 2008 г. она становится руководителем интеграционного проекта института «Якутия в условиях трансформационных процессов: феномен пограничья (междисциплинарный дискурс)».

Е.Н. Романова активно участвует и в научной жизни Российского этнографического сообщества. В дни празднования 370-летия вхождения Якутии в состав России она организовала выставку в Санкт-Петербурге, в Российском этнографическом музее, «Мир якутского праздника», а также совместно с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) — «Якутия на невских берегах». При ее участии в рамках выставки были выпущены специальные компакт-диски, посвященные традиционной культуре народа саха. В 2007 г. к дням Республики Саха (Якутия) в Санкт-

Петербурге ею была подготовлена выставка «Мир земли олонхо: лики культур» (из собрания Российского этнографического музея). Часто она выступает руководителем секций Конгресса этнографов и антропологов. Кроме того, является одним из ответственных редакторов тома «Якуты» в этнологической серии «Народы и культуры», курируемой ИЭиА РАН. Как обладатель и руководитель различных международных и российских грантов активно продвигает якутскую академическую науку в научное пространство, читает лекции в разных странах: Венгрии, Финляндии, Японии, Монголии, Латвии, Казахстане. В активе ученого многочисленные выступления на международных конференциях, симпозиумах, конгрессах в разных странах мира.

Одним из научных интересов Е.Н. Романовой является история якутской интеллигенции. Она приняла участие в проекте «Репрессированные этнографы» (рук. д.и.н. Д. Тумаркин, Москва.): написала ряд статей. Особо следует отметить ее заслуги в увековечивании имен ученых-этнографов, относящихся к первой плеяде якутской интеллигенции. Так, Екатерина Назаровна выступила инициатором и руководителем всероссийских конференций, посвященных юбилейным датам В.Н. Васильева, А.А. Попова (2004 г.), И.В. Попова (2005 г.), Г.В. Ксенофонтова (2008 г.). В 2005 г. подготовила и опубликовала монографию известного краеведа, этнографа А.А. Саввина «Пища якутов до развития земледелия: (опыт историко-этнографической монографии)», которая заняла I место в номинации «Лучшее краеведческое издание» на V Межрегиональной выставке-ярмарке «Печатный двор Якутии — 2007», посвященной 375-летию вхождения Якутии в состав Российского государства.

Что же касается человеческих качеств Екатерины Назаровны как руководителя, во-первых, надо отметить ее умение стойко защищать интересы сотрудников сектора, во-вторых, — умение увлечь научной идеей, зажечь научный азарт и организовать работу так, что чувствуешь себя членом одной команды, в-третьих — стремление постоянно продвигать в науку молодых, умение радоваться достижениям своих коллег.

С гордостью следует отметить работу Е. Романовой и со студентами: она включает в себя не только подготовку качественных кадров, ведение курсовых и дипломных проектов, но и активное включение студентов в научную дея-

тельность. Ею были разработаны авторские курсы «Культурная антропология», «История и культура повседневности», «Язык символических культур» (СВФУ), «Этнология народов Арктики» (АГИИК). Долгое время работала в качестве председателя ГАК на историческом факультете ЯГУ (СВФУ им. М.К. Аммосова).

Екатерина Назаровна является председателем экспертного совета секции этнографии республиканской программы школьников «Шаг в будущее». Долгие годы, являясь экспертом Министерства культуры и духовного развития РС(Я), участвует в разработке концепции культурного развития республики.

Многолетний добросовестный труд и вклад Е.Н. Романовой в развитие и сохранение культуры народа саха отмечены правительственными наградами. Она — Отличник культуры РС(Я), отмечена почетными грамотами правительства, Министерства культуры и духовного развития, Министерства науки и образования, юбилейными знаками 370 лет и 375 лет Республики Саха (Якутия), Благодарностью Президиума РАН, Почетной грамотой СО РАН, почетными грамотами Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Деятельность Екатерины Назаровны, кроме чисто научной, включает редакторскую ра-

боту, оппонирование на защитах диссертаций, руководство дипломными и диссертационными исследованиями, активное участие в сохранении традиционной культуры народа саха, организации конференций, методологических семинаров, круглых столов и т.д.

И сегодня Екатерина Назаровна активно работает, ездит в экспедиции, пишет статьи и готовит монографию. Это человек, отличающийся интеллигентностью, порядочностью, бескорыстностью, умением видеть во всем хорошее, спокойно и мудро принимать решения, не останавливаться на достигнутом, самоиронией и отсутствием преподавательского и научного снобизма и апломба.

Екатерина Назаровна — счастливая и любящая жена, мать, бабушка двух прелестных внуков, хранительница домашнего очага.

Мы восхищаемся Ею: воистину неисчерпаемы возможности человека, преданного науке и любимому делу. Мы поздравляем Вас, дорогая Екатерина Назаровна, с юбилеем! Счастья, любви, душевного мира и осуществления всего задуманного и новых идей! Благополучия во всем Вам и Вашей семье!

*Н.К. Данилова,
м.н.с. ИГИиПМНС СО РАН*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л.М. Готовцева, Н.И. Винокурова

X Сеульская Международная конференция «Пересмотр объектов и методов исследования алтайских языков и культур»

Десятая по счету Сеульская Международная конференция по алтаистике прошла с 14 по 17 июля в г. Сунчхон (Южная Корея) в Сунчхонском национальном университете при щедрой поддержке ряда корейских национальных университетов, (Сунчхонский, Сеульский, Чонбукский, Чунгбукский). Темой нынешней конференции стал «Пересмотр объектов и методов исследования алтайских языков и культур». Хотя официальное название конференции указывает на Сеул, столицу Южной Кореи, проведение конференции перемещается из одного института-спонсора в другой. Инициатор данной конференции – Алтайское общество Кореи, основанное 1 октября 1985 г. с целью содействия научным исследованиям, посвященным языкам, культуре и истории алтайских народов. На данный момент президентом общества (седьмым по счету) является профессор Сунчхонского университета Чонг Чемун.

В работе Международной конференции приняли участие ученые из Японии, Китая, Кореи, Монголии, Швеции, России.

Гостей и участников конференции приветствовал президент корейского общества алтаистов Чонг Чемун.

Тематическое разделение на три сессии, в рамках которых проходило дальнейшее слушание и обсуждение докладов, отразило общность актуальных проблем современной алтаистики. На первой сессии «Нынешнее состояние и методы расширения объектов изучения в алтаистике» были представлены доклады проф. Т. Хаята (Университет Дайто Бунка, Япония) по исторической фонологии на япон-

ском языке «Исторический обзор чередования н~ш в маньчжурском». Акад. Л. Болд (Монгольская академия наук) выступил с докладом на монгольском языке «Средний и древний монгольский по отношению к древнетюркскому (с примерами из «Секретной истории монголов»)». Автор отметил, что алтаисты все еще не пришли к единому мнению относительно исторической и этимологической связи между монгольскими и тюркскими языками. Лижен Ванг (Китай) в докладе «Исследование устного эпоса «Нисан Шаман» в современном городе Хэйхэ, маньчжурском анклав китайской провинции Хэйлунцзян» коснулась проблемы маньчжурского языка, который классифицируется как находящийся под угрозой исчезновения или уже вымерший. Вопросы этнографии, касающиеся медвежьих мифов, затрагивались в докладах Марины Теминой (Николаевское-на-Амуре), Жеонг Вон Канг (Сеульский национальный университет).

Вторая сессия обсуждала «Акустические подходы к алтайским языкам»: Жие Жао из Пекина рассматривает изменения, произошедшие в звуковой системе языка народности сибо в последние 20 лет, Томоюки Кубо из Японии – типы интонационных моделей и их фонетической реализации. Исследователи Хонг Мей и Аоденгцимуге из Внутренней Монголии, Анастасия Муканова-Карлссон и Ян-Олоф Свантессон из Швеции, Хижа Канг и Сонгйон Ко из США познакомили нас с результатами акустических экспериментов.

Третья сессия была посвящена алтайским языкам и культурам. Так, проблемы морфологии и синтаксиса нашли отражение в докладах Хироюки Уметани из Токио (суффикс *-члан* в халха монгольском); Нориказу Когура из То-

Участники Международной конференции
«Пересмотр объектов и методов исследования алтайских языков и культур»
(г. Сунчхон, 14–17 июля 2011 г.)

кио (вспомогательные глаголы в сибире); Аржааны Сюрюн из Санкт-Петербурга (тувинский полифункциональный квалитатив); Сангьюб Бак из Хоккайдо (коррелятив в удэгейском языке); Йи Лин из Пекина (маньчжурско-китайское двуязычие). Якутский язык был представлен 6 докладами, посвященными вопросам синтаксиса и лексики: Надежда Винокурова из Якутска (индексикальные выражения); Фуйуки Эбата из Токио (номинализация и вербализация); Иван Винокуров из Якутска (парные слова в олонхо); Николай Ефремов (сложное предложение). Лексический аспект

исследования языковых единиц нашел отражение в докладах Лины Готовцевой из Якутска (сочетаемость фразеологических единиц), Йонгсонга Ли из Южной Кореи (кальки в долганском языке).

Плодотворной и успешной работе конференции способствовала публикация всех статей, включенных в программу, к началу конференции. Объем статей составлял около 20 страниц. Участникам конференции также была предложена обширная культурная программа, знакомящая гостей с богатейшей историей и традициями корейского народа.

Н.И. Данилова

Всероссийская научная конференция «О.Н. Бетлингк и тюркское языкознание»

23–24 июня 2011 г. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН провел Всероссийскую научную конференцию «О.Н. Бетлингк и тюркское языкознание», посвященную 160-летию выхода в свет труда выдающегося ученого-лингвиста О.Н. Бетлингка «О языке якутов». О.Н. Бетлингк в мировой лингвистической науке известен не только как автор первой фундаментальной научной грамматики бесписьменного в то время якутского языка, но и как основоположник главных теоретических направлений современной тюркологии и компаративистики в целом.

В работе конференции приняли очное и заочное участие работники научных учреждений и учебных заведений России (Москва, Санкт-Петербург, Уфа, Казань, Улан-Удэ, Абакан) и зарубежных стран (Казахстан, Турция, Узбекистан, Украина). Из заявленных 79 докладов и сообщений на пленарном заседании и в работе трех секций заслушано 64 выступления. В ходе работы конференции рассмотрены важнейшие аспекты исследования языков, литературы и фольклора тюркских народов в широком контексте развития идей О.Н. Бетлингка.

Работа конференции открылась вступительным словом директора ИГиПМНС СО РАН, д.и.н., профессора А.Н. Алексеева. Он подчеркнул особую роль О.Н. Бетлингка в развитии изучения языков, фольклора, истории и этнографии тюркских народов.

На пленарном заседании были поставлены проблемы сравнительно-исторического, ареального и этногенетического изучения тюркских языков. Заседание открылось докладом д.ф.н., член-корр. РАН, завотделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН А.В. Дыбо «О.Н. Бетлингк и сравнительно-историческая грамматика тюркских языков». Актуальные вопросы истории якутского языка в свете идей и теоретических положений О.Н. Бетлингка были рассмотрены в докладе академика АН РС(Я), д.ф.н. П.А. Слепцова. Языковой материал по этногенезу якутов и классифика-

ционной принадлежности якутского языка стал предметом докладов вице-президента АН РС(Я), д.и.н. А.И. Гоголева «Значение языка в изучении этногенеза якутов» и д.ф.н. И.Н. Новгородова «О.Н. Бетлингк и язык якутов». В докладе д.ф.н. Н.Н. Ефремова «О.Н. Бетлингк и исследования по функциональной грамматике» труд О.Н. Бетлингка получил характеристику как фундаментальная база развития функционально-семантического исследования якутского языка.

Большой интерес участников конференции вызвали сообщения, посвященные проблемам грамматического строя и диалектологии тюркских языков. Участники конференции в отдельной секции заслушали и обсудили 20 докладов, посвященных вопросам фонетического строя, отдельных грамматических форм и конструкций, семантических категорий и современного состояния якутского языка. Особый интерес участников заседания вызвали сообщения по вопросам исторической и функциональной грамматики тюркских языков. В рамках секции «О.Н. Бетлингк и тюркская лексикология и лексикография» было представлено 22 доклада и сообщения, Работу секции теоретическим докладом на тему «О.Н. Бетлингк и "Словарь якутского языка" Э.К. Пекарского» открыл д.ф.н. Е.И. Оконешников. Предметом остальных сообщений стали вопросы лексикографии, лексикологии, семантики, фразеологии тюркских языков. Был также представлен для обсуждения ряд сообщений по вопросам тюркской терминологии и топонимики. Научные работники, принявшие участие в работе секции, подчеркнули необходимость интенсификации прикладных работ, направленных на сохранение и развитие норм тюркских языков. На заседании секции «Филологические аспекты исследования художественного текста» были обсуждены вопросы языка художественного текста и стиля литературных произведений, в том числе «Воспоминаний» А.Я. Уваровского, опубликованных в качестве приложения к труду О.Н. Бетлингка. Все сообщения вызвали живой интерес участников заседания секции.

Кроме устных докладов и сообщений, на конференцию было представлено 15 стендовых сообщений, посвященных различным вопросам фонетики, грамматики, лексики тюркских языков в свете труда О.Н. Бетлингга. В целом, конференция прошла успешно, ее участники не только изложили свой взгляд на актуальные вопросы современной тюркологии, но и в ходе обсуждения и дискуссий ознакомились с разными ее аспектами. Представленные на конференции материалы свидетельствуют о том, что тюркологическое сообщество достигло неоспоримых результатов в изучении языка, литератур и фольклора тюркских народов. Вместе с тем, в докладах и сообщениях выявлен широкий круг проблем,

требующих исследования в междисциплинарном и межрегиональном аспекте с применением новых методологических подходов.

Участники Всероссийской научной конференции «О.Н. Бетлингг и тюркское языкознание» приняли решение инициировать организацию и проведение в 2015г. Международной научно-практической конференции, приуроченной к 200-летию со дня рождения О.Н. Бетлингга. Была также единогласно подчеркнута необходимость организации совместных научно-исследовательских проектов с СВФУ имени М.К.Аммосова и с другими исследовательскими и образовательными учреждениями регионов РФ по проблемам сравнительно-исторического изучения тюркских языков.

Е.Н. Романова

**Всероссийская научная конференция
«Феномен пограничья в междивизиональном диалоге»
(с международным участием)
(17–19 октября 2011 г., г. Якутск)**

Взросший в последнее время интерес академической науки к феномену пограничья — одного из приоритетных направлений исследований в отечественной гуманитарной науке стимулировал обмен мнениями и дискуссии по широкому спектру проблем динамики исторического, геоэкономического, социального и этнокультурного пространства периферий российского государства, а также современным трендам их развития как самостоятельных геокультурных ареалов Евразии.

В этом контексте Якутия как часть Северной Азии в историографической традиции всегда выступала как периферийное пространство Российской империи. Конференция обозначила в качестве самостоятельного дискуссионного поля проблемы раннего этно- и культурогенеза коренных народов Якутии. Предварительные результаты в разработке природы и свойств пограничья специалистами ИГИиПМНС СО РАН позволили расширить

теоретический дискурс изучаемого феномена. Новый концептуальный уровень освоения темы задан применением междисциплинарных методик: этнографы, историки, языковеды, фольклористы, философы, социологи и политологи — анализируют проблему пограничья, раскрывают его особенности, каналы трансляции, внутренних и внешних взаимодействий на уровне диахронных и синхронных характеристик. Якутия в этих работах предстает как динамичное пространство междивизионального взаимодействия этнокультурных, этнополитических и социальных процессов, где свойство границы трактуется как многомерная категория. Исследование пограничья во всем его многообразии является одним из основных концептов стратегического развития республики в будущем. Все это диктует необходимость углубленного изучения проблем пограничья в разных его проявлениях.

Всероссийская научная конференция «Феномен пограничья в междивизиональном диалоге», инициированная Институтом гуманитарных исследований и проблем малочис-

ленных народов Севера СО РАН и организованная совместно с Институтом зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Международной Тематической сетью Университета Арктики «Образ мира коренных народов Севера», является одним из важных этапов в осмыслении фундаментальной проблемы пограничья в сибирской историографии.

В работе конференции приняли участие ученые, специалисты и преподаватели научных учреждений и ВУЗов России и зарубежья: Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая (Москва), Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), Калмыцкого института гуманитарных исследований (Элиста), Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Владивосток), Института здоровья (Якутск), Удмуртского государственного университета (Ижевск), Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), Северо-Восточного федерального университета им. М.К.Аммосова (Якутск), Арктического института искусств и культуры (Якутск), Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан), Кемеровского государственного университета (Новокузнецк), Института археологии им. А.З. Маргулана (Казахстан), Международного Центра документации языков (SIL) (Польша), Университета Версаля (Франция) и Национального Агентства научных исследований (Франция).

Основные направления работы конференции: регион Сибири как перекресток миграций; археологические исследования; пограничье в контексте кросскультурных процессов; Российская империя: центр и периферия; культурное пограничье: «свой» и «чужой»; теоретические и практические аспекты пограничья в современной социальной антропологии; арктический фронт в современной гуманитарной науке: опыт исследования и перспективы.

Работа конференции прошла в рамках следующих научных мероприятий:

• **Симпозиум 1. Язык. Мифология. Фольклор: историческая реконструкция.** *Модераторы:* Напольских Владимир Владимирович — д.и.н.,

проф., с.н.с. кафедры культурологии Института социальных коммуникаций при Удмуртском государственном университете (г. Ижевск), Варламова Галина Ивановна, д.ф.н., завсектором эвенкийской филологии ИГИИПМНС СО РАН;

• **Симпозиум 2. Арктический фронт в современной гуманитарной науке.** *Модераторы:* Калуцков Владимир Николаевич — д.г.н., проф., руководитель Центра культурной географии МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва), Боякова Сардана Ильинична, д.и.н., завсектором арктических исследований ИГИИПМНС СО РАН;

• **Симпозиум 3. Пограничье в контексте кросс-культурных процессов.** *Модераторы:* Романова Екатерина Назаровна — д.и.н., завсектором этнографии народов Северо-Востока России ИГИИПМНС СО РАН, Миссонова Людмила Ивановна — к.и.н., с.н.с., куратор многотомной серии «Народы и культуры» Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва);

• **Симпозиум 4. Теоретические и практические аспекты пограничья в социальной и культурной антропологии.** *Модераторы:* Игнатъева Ванда Борисовна — к.и.н., завсектором этносоциологии ИГИИПМНС СО РАН, Антонов Егор Петрович — к.и.н., завсектором истории Якутии ИГИИПМНС СО РАН.

Также коллеги из Московского государственного университета ознакомили участников конференции с концепцией и первыми результатами междисциплинарного проекта «Атлас Ломоносова» (*Калуцков В.Н., Алексеенко Н.А., Глухов А.И., Афанасьев Д.А.* (МГУ им. М.В.Ломоносова)).

В ходе конференции был проведен **круглый стол «Тюрко-монгольский мир: история и культурная память»** с презентацией коллективной монографии *«Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье)»*. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010 г. с участием якутских, иркутских и бурятских коллег. Монография посвящена исследованию этнокультурных процессов эпохи средневековья в Байкальском регионе. Рассматривая эту территорию расширительно — в рамках Предбайкалья, Забайкалья и Кругобайкалья, авторы определяют ее как историческую зону пограничья ранних тюрко-монгольско-самодийско-тунгусско-палеоазиатских контактов и на этом фоне основное внимание уделяют проблемам этногенеза и этнической истории бурятского и якутского на-

родов. Книга посвящена памяти Г.В. Ксенофонтова — выдающегося сибиревода, яркого представителя национальной интеллигенции.

Широкий спектр тем, вынесенных на обсуждение, позволил обсудить круг вопросов, связанных с феноменом пограничья в контексте исторической хронологии и географического пространства. Проблематика симпозиумов отражает современное состояние и перспективы развития научных исследований в области социальной и культурной антропологии, истории, этнографии, археологии, лингвистики, фольклористики и искусствоведения.

Участники конференции разделяют мнение о целесообразности дальнейшей разработки междисциплинарной концепции пограничья, акцентируя внимание на необходимости:

- анализа и обобщения понятий «пограничная цивилизация», «модернизирующееся пограничье», а также критериев выделения границ и свойств пограничья;
- кросс-культурных исследований схожих и отличительных черт периферий, зарубежного и российского фронта;
- изучения процессов конструирования нации на пограничье (роль элит и интеллиген-

ции, этнических диаспор, гражданских и виртуальных сообществ, литературы и искусства и др.);

— мониторинга дрейфов идентичностей (цивилизационная, гражданская, региональная, этническая и др.) в глобализирующемся мире;

— исследования культурной памяти как контекста идентификации (реконструкция исторического прошлого, поведенческих кодов, мемориальных мест — музеев, сакральных мест).

Всероссийская научная конференция «Феномен пограничья в междисциплинарном диалоге» обозначила в качестве самостоятельного дискуссионного поля проблемы раннего этно- и культурогенеза коренных народов Якутии. Продолжением научного осмысления заданной темы станет Международная конференция «Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история народа саха» (проводится в 2012 г. ИГИиПМНС СО РАН), которая не только позволит рассмотреть проблемы пограничья более глобально, но и обобщить исторические сценарии формирования и развития культур народов Евразии.

Л.Е. Винокурова

Круглый стол

«Роль М.К.Аммосова в развитии культуры, образования и духовности народов Якутии, Казахстана, Кыргызстана»

10 июня 2011 г. в г. Москве состоялся круглый стол «Роль М.К.Аммосова в развитии культуры, образования и духовности народов Якутии, Казахстана, Кыргызстана», организованный и проведенный Постоянным представительством Республики Саха (Якутия) при Президенте Российской Федерации.

До начала круглого стола у мемориальной доски на здании Постоянного представительства при Президенте РФ возложили цветы от делегации Намского улуса и выступила Л.М. Яковлева, заместитель постоянного представителя при Президенте РФ. Участники круглого стола ознакомились с экспозицией о

М.К. Аммосове в фойе 3-го этажа, а в зале коллегий состоялся просмотр фрагмента из документального фильма «Максим Аммосов».

Торжественная часть круглого стола открылась музыкальным приветствием делегации из Намского улуса. С приветственной речью выступил *И.Р. Попов* — заместитель главы по социальным вопросам МО «Намский улус». Он поздравил присутствующих с наступающим Днем России (12 июня) и предстоящим проведением Постоянным представительством РС(Я) при Президенте РФ, правительством Москвы, Московским домом национальностей, Якутской республиканской ассоциацией «Олонхо» и РОО «Землячество якутян в Москве» национального якутского праздника

(Ысыах) в государственном художественном историко-архитектурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике «Коломенское» (11 июня). В его выступлении звучали слова признательности М.К.Аммосову, выдающемуся общественно-политическому деятелю Якутии, Казахстана и Кыргызстана. Иван Романович выступил с сообщением о работе Музея истории государственности РС(Я) им. М.К. Аммосова, находящегося на родине М.К. Аммосова – в с. Хатырык Намского улуса. Основателем музея (ранее мемориального дома-музея М.К.Аммосова) являлась племянница Максима Аммосова – Мария Алексеевна Охлопкова, заслуженный работник культуры ЯАССР, почетный гражданин Намского улуса. В 1997 г. торжественно открыто новое здание музея. 27 апреля 2002 г. указом президента РС(Я) музей был преобразован в ГУ «Республиканский музей истории государственности РС(Я) им. М.К. Аммосова».

В конце его выступления всех присутствующих угостили кумысом – национальным напитком якутского народа, специально привезенным с малой родины М.К. Аммосова – из с. Хатырык.

Затем выступил *А.К. Акимов* – постоянный представитель РС(Я) при Президенте РФ. Он отметил, что в музее с. Хатырык проводятся крупные совещания членов якутского правительства, а 27 апреля правительство ежегодно выезжает праздновать в с. Хатырык День республики. В 2012 г. республика будет отмечать 380-летие вхождения Якутии в состав Российского государства. Дмитрий Кононович Сивцев – Суорун Омоллон, народный писатель и общественный деятель Якутии, оставил якутскому народу немало заветов. Одним из главных его заветов был призыв жить в единстве с русским народом, с Россией, со всеми народами России. Об этом же говорил выдающийся историк, общественный деятель, доктор исторических наук Георгий Прокопьевич Башарин. После вхождения Якутии в состав Российского государства существенные изменения коснулись экономической и прежде всего культурной жизни. В 20-х гг. XX в. произошли огромные перемены в жизни якутского общества. В 1925–1930 гг. по инициативе М.К.Аммосова в регионе работала Якутская комплексная экспедиция Академии наук СССР.

Максим Кирович работал не только в Якутии, но и в Казахстане и Кыргызстане. В 1997 г. в Казахстане отметили 100-летие со дня рож-

дения М.К.Аммосова, на здании бывшего обкома партии установлена мемориальная доска с изображением М.К.Аммосова. В 2007 г. на 50-летие Якутского государственного университета им. М.К.Аммосова был установлен памятник Максиму Кировичу Аммосову. Северо-Восточный федеральный университет носит имя М.К. Аммосова.

Дочь выдающегося государственного деятеля Якутии *Лена Максимовна* – кандидат технических наук, председатель правления Благотворительного фонда «Фонд им. Максима Аммосова», заслуженный работник народного хозяйства РС(Я), почетный гражданин Намского улуса и первый почетный гражданин Хатырыкского наслега Намского улуса, лауреат Государственной премии РС(Я) им. М.К. Аммосова в области государственного строительства за 2007 г. в своем выступлении подчеркнула роль М.К.Аммосова в сохранении устного творчества якутского и кыргызского народов. С именем Максима Кировича, сказала она, связаны важные этапы становления государственности Киргизии, развитие национальной культуры, в т.ч. издание эпоса «Манас». Выступая на I съезде коммунистической партии Киргизии (июнь 1937 г.) Максим Кирович особо подчеркнул значимость проведения предварительной работы по собиранию и воссозданию замечательного памятника устного творчества киргизского народа «Манас». 1937 г. – это время усиления тоталитарного режима, борьбы с троцкизмом, выявления буржуазных националистов в России. В Киргизии М.К.Аммосов занял такую же позицию, как и в Якутии, сдерживание репрессий, проведение гуманной национальной политики, но уже 5 ноября был создан новый комитет по эпосу «Манас». Комиссия постановила, что разработка старого текста велась «вредительски», было решено издание «Манаса» приостановить до окончательного редактирования и утверждения текста комитетом. А 7 ноября 1937 г. М.К. Аммосова сняли с должности, обвинив его в проведении либеральной политики в отношении «буржуазной» интеллигенции. 16 ноября 1937 г. М.К. Аммосов был арестован, а 28 июля 1938 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован 28 апреля 1956 г. Военной коллегией Верховного суда СССР. Рукопись эпоса «Манас» была издана только десять лет спустя под названием «Манас. Киргизский эпос. Великий поход».

Участниками круглого стола были представители из Якутии: В.Н.Иванов – директор

Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова; директор Национального архива РС(Я) А.А. Захарова; кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора истории Якутии ИГиИПМНС СО РАН Л.Е.Винокурова.

Почетными гостями были Л.С. Донская – дочь постпреда (1937–1938 гг.) С.Н. Донского – II, ветеран труда; Г.Х. Шараборина – дочь постпреда (1937 г.) Х.П. Шараборина, ветеран труда; Н.Д. Макаров – ветеран труда; А.И. Шубин – генеральный директор фирмы «Север»; Н.А. Соловьев – начальник Управления культуры администрации МО «Намский улус» и многочисленная делегация из Намского улуса.

На круглом столе выступила А.А. Захарова, директор НА РС(Я). Она рассказала о работе в архивах Казахстана и Кыргызской Республики. Огромный массив документов был обнаружен в Архиве Президента Республики Казахстан (г. Алматы), в Северо-Казахстанском областном архиве (г. Петропавловск), в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (г. Алматы), в Центре научно-технической информации по документоведению и архивному делу г. Алматы Республики Казахстан.

Документы, выявленные в Центральном государственном архиве политической документации Кыргызской Республики – это яркое свидетельство последних трагических дней М.К. Аммосова. Большинство выявленных документов знакомят исследователей с тем, как Максим Кирович пытался затормозить репрессивные мероприятия.

Л.Е.Винокурова отметила, что Максим Кирович личность неординарная и порождена она неординарностью эпохи. Октябрьская революция, установление советской власти, Гражданская война, повстанчество, безусловно, оказали большое влияние на него, но и он оказал большое влияние на события, происходившие в Якутии. Пожалуй, он был первым из всех руководителей союзных и автономных республик, кто уже с 1920 г. будучи уполномоченным по установлению советской власти в Якутии, начал подготовительную работу по планомерному научному изучению региона.

Максим Кирович заслуженно отмечен многими известными учеными. В 1927 г. академик С.Ф.Ольденбург, высоко оценивая деятельность М.К. Аммосова, писал, что Якутия стала первой национальной республикой, поставившей перед Академией наук СССР вопрос о необходимости всестороннего научного

исследования своего края. Восхищаясь Максимом Кировичем, автор подчеркивал, что он с самого начала работы экспедиции являлся одним из активных работников Комиссии по изучению Якутского края. Таким образом, еще при жизни его работа в Якутии, усилия по научному изучению края были особо отмечены и получили высокую оценку современников. П.В. Виттенбург (1925 г.) и С.Ф. Ольденбург (1927 г.) не только описали историю организации экспедиции Академии наук в Якутию, но и отметили выдающуюся роль в этом М.К. Аммосова.

Слова благодарности в адрес Постоянного представительства РС(Я) при Президенте РФ высказал С.А. Котов – заместитель директора Российского государственного архива социально-политической истории. Сергей Андреевич подчеркнул, что вместе с архивистами Якутии сделано немало совместных работ. Каждый год появляется возможность более глубокого изучения истории России. Мы находим новые документы. Что касается жизни и деятельности Максима Кировича, продемонстрирую документ, хранящийся в нашем архиве. Это записка Сталину, рассматривающая народное хозяйство региона (животноводство, просвещение). В это время политическая и трудовая деятельность М.К. Аммосова проходила в Казахстане (1932–1937 гг. – первый секретарь Западно-Казахстанского, Карагандинского, Северо-Казахстанского обкомов ВПК (б)). Он просит принять его («... Я в отпуске») в Москве. Есть резолюция Сталина «Принять». Таких примеров можно привести массу. С.А.Котов внес предложение проводить производственную практику студентов исторического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова в Российском государственном архиве социально-политической истории. Мы рады, что Постоянное представительство РС(Я) при Президенте РФ постоянно приглашает нас, и мы активно принимаем участие в совместных мероприятиях.

А.П. Черенков – заместитель начальника Центрального архива ФСБ России отметил, что в Якутии сохраняется историческое наследие. В нашем архиве, сказал Александр Петрович, сосредоточены все материалы о репрессированных. Нам, сотрудникам архива, очень тяжело каждый день рассматривать «уголовные» дела репрессированных. Надо иметь стойкий характер. Мы тоже смотрим в будущее и участвуем в реабилитации необоснованно

репрессированных. Принимаем активное участие в «Книгах памяти». Мы всегда готовы к сотрудничеству по восстановлению добрых имен необоснованно репрессированных.

В выступлении *М.А. Иликпаева* – ответственного работника культурно-гуманитарного отдела Посольства Республики Казахстан в России, прозвучали слова благодарности от Правительства Республики Казахстан. Мы за укрепление гуманитарных связей с Якутией. *М.А. Иликпаев* поблагодарил за предоставленную возможность участвовать в круглом столе.

А.Б. Дрожжин – начальник центра интеграции «Московского дома национальностей» подчеркнул, что для него большая честь присутствовать на этом круглом столе. Он отметил, что «Московский дом национальностей» особое значение придает работе с молодежью, главная задача которой – пропаганда ненасилия, распространения знаний о своем народе, о его культуре. И сказал, что «Московский дом национальностей» активно сотрудничает с Постоянным представительством РС(Я) при Президенте РФ.

В работе круглого стола принял участие *М.Е. Николаев* – первый Президент РС(Я), государственный советник РС(Я). Михаил Ефимович поблагодарил большую делегацию из Намского улуса за участие в круглом столе. Он отметил, что Намский улус является одним из передовых улусов. Подчеркнул особую роль сыновей Намского улуса *М.Аммосова* и *И.Винокурова* в жизни якутского общества. *М.Е. Николаев* напомнил об уникальном опыте из жизни якутского общества – республиканском движении «2000 добрых дел – 2000 году», объединившем в едином благородном порыве в начале XXI в. население республики. В преддверии 100-летия со дня образования Якутской АССР в 2022 г. он внес предложение создать новое республиканское движение «100». «Великое десятилетие» позволит каждому из нас конкретными посильными делами внести вклад в общественное благополучие, выразить свою любовь и уважение к родной земле.

Участники круглого стола, отмечая общественную, историческую и научную значимость рассматриваемой темы «Роль *М.К. Аммосова* в развитии культуры, образования и духовности народов Якутии, Казахстана, Кыргызстана» и вытекающие из нее перспективы развития сотрудничества по научным и образовательным направлениям, а также инициативы по формированию гражданского общества вынесли решение принять за основу рекомендаций следующие предложения:

1. В 2022 г. Республика Саха (Якутия) будет отмечать историческую дату – 100-летие со дня образования государственности, у истоков которой стояли видные государственные и общественные деятели республики *М.К. Аммосов*, *П.А. Ойунский*, *И.Н. Барахов*. Используя опыт республиканского движения «2000 добрых дел – 2000 году», давшего мощный импульс гражданской инициативе по всей республике, государственный советник Республики Саха (Якутия), первый Президент Республики Саха (Якутия) *М.Е. Николаев* внес предложение: трем родным улусам выдающихся сынов народа саха Намскому, Таттинскому и Верхневилуйскому стать инициаторами нового республиканского движения «100» под главным девизом: «Республика Саха (Якутия) – регион нового развития». Движение должно призвать каждого гражданина республики стать достойным XXI в. – составить планы личного развития; улучшить свой дом, свой поселок; используя креативный подход, активно включиться в процесс создания новых рабочих мест и др.

2. С целью дальнейшего выявления и изучения исторических фактов Республики Саха (Якутия), а также повышения уровня воспитательной и образовательной деятельности способствовать дальнейшему сотрудничеству между Российским государственным архивом социально-политической истории (*А.К. Сорокин*) и Северо-Восточным федеральным университетом им. *М.К. Аммосова* (*Е.И. Михайлова*), Национальным архивом Республики Саха (Якутия) (*А.А. Захарова*), Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (*А.Н. Алексеев*), Научно-исследовательским институтом Олонхо при СВФУ им. *М.К. Аммосова* (*В.Н. Иванов*) и другими заинтересованными организациями и учреждениями республики по следующим направлениям:

– привлечение студентов, аспирантов, молодых ученых и специалистов республики к участию в международных и всероссийских конференциях, проводимых Российским государственным архивом социально-политической истории и общероссийской общественной организацией «Российское общество историков-архивистов»;

– совместная организация прохождения практики студентов историко-архивных факультетов; аспирантов, докторантов в Российском государственном архиве социально-политической истории;

– заключение договоров по выявлению исторических документов по истории Республики Саха (Якутия);

3. Продолжить дальнейшее изучение раскритиченных материалов Центрального архива ФСБ России (В.С. Христофоров), организацию поиска и представления архивных документов (копии документов и фотографий), касающихся истории республики, отдельных событий и конкретных личностей, по официальным запросам от органов государственной

власти Республики Саха (Якутия), Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Е.И. Михайлова), Национального архива Республики Саха (Якутия) (А.А. Захарова), Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (А.Н. Алексеев), научно-исследовательского института Олонхо при СВФУ им. М.К. Аммосова (В.Н. Иванов) и других заинтересованных организаций и учреждений.

Р.В. Шелехова

Обзор личного фонда Г.П. Башарина в музее истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина ИГИиПМНС СО РАН

Выдающийся ученый-якутовед, первый из народа саха доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР и ЯАССР, первый лауреат Государственной премии РС(Я) им. А.Е. Кулаковского Георгий Прокопьевич Башарин родился в Сыланском наслеге Ботурусского улуса Якутской области. В 1938 г. окончил Московский государственный пединститут им. К. Либкнехта. В 1938–1940 г. – преподаватель Якутского государственного пединститута; 1941–1943 гг. – хранитель фондов Института языка и культуры при СНК ЯАССР; 1943–1944 гг. – ученый секретарь ИЯЛИ; 1944 г. – преподаватель, завкафедрой истории СССР ЯГПИ; 1952–1953 – младший научный сотрудник ИЯЛИ.

В связи с попытками вернуть народу дореволюционное литературное наследие А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова и Н.Д. Неустроева подвергался гонениям и обвинялся в «буржуазном национализме». В 1953–1957 гг. работал в различных учреждениях. В 1957 г. вернулся в ИЯЛИ старшим научным сотрудником. В 1960 г. перевелся в ЯГУ завкафедрой всеобщей истории, где проработал до последних дней своей жизни.

Г.П.Башариным опубликовано около 450 научных, научно-популярных работ, в том числе 18 монографий и брошюр. Основные направления его научных исследований: история аграрных отношений в Якутии, история земледелия, животноводства, социально-экономических отношений, вхождения Сибири и Яку-

тии в состав России, национальной культуры народов Республики Саха (Якутия), историография Якутии.

Г.П.Башарин вел большую научно-организационную и общественную работу. Еще в 1950 г. он создал студенческий кружок «История», которым руководил с перерывами до 1990 г. Из числа кружковцев выросли многие известные историки республики. Григорий Прокопьевич возглавлял комиссию по республиканской премии им. П.А.Ойунского в области литературы и искусства, был председателем Якутского отделения Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры, состоял членом ученых советов многих институтов, был делегатом XIII Международного конгресса исторических наук в Москве (1970 г.). Избирался депутатом Верховного Совета ЯАССР четырех созывов, был членом Якутского обкома партии, делегатом XXIII съезда КПСС¹.

Правительство Республики Саха (Якутия) в 1992 г. в связи со смертью Г.П.Башарина 26 мая опубликовало постановление № 233 «Об увековечении памяти профессора Г.П. Башарина». В одном из пунктов постановления предусматривалось создать музей истории науки Якутии имени Г.П.Башарина.

Организацию музея взял на себя в то время Институт языка, литературы и истории ЯНЦ СО РАН. Была разработана концепция музея, которую утвердил ученый совет Института гуманитарных исследований АН РС(Я) 15 мая 1997 г. (Протокол № 6).

Г.П. Башарин

К созданию музея, фактически с нуля, приступили во второй половине 1997 г. Одной из первоочередных задач организаторов музея являлся сбор предметов и разного рода материалов для комплектования музейных фондов и создания экспозиций. В организации музейного фонда Г.П. Баша-

рина большую помощь оказала его семья, в частности, супруга кандидат филологических наук, доцент Кыдана Ивановна Платонова. В дар музею были переданы личные вещи и документы Г.П. Башарина, основные его труды, авторефераты аспирантов, дарственные труды ученых, фотографии, которые и определили основной состав монографического фонда. В настоящее время фонд состоит из 116 единиц основного фонда, 14 — научно-вспомогательного и 48 фотографий.

І Личные документы. В фонд поступили ксерокопии этих документов.

Две характеристики (это заголовок документов) на Г.П. Башарина: одна от 4 марта 1931 г., подписанная инспектором райпросздрава Чурапчинского районного исполкома, о том, что он обучался в школе всего два года и с «удовлетворительным успехом» окончил 5-ю группу Чурапчинской школы колхозной молодежи, охарактеризован он как активный, инициативный, дисциплинированный ученик.

Вторая — от 9 января 1933 г. заведующего Сыланской школы II центра о том, что он обучался в школе с 1929 по 1931 год и окончил с «лучшими успехами» досрочно и охарактеризован как активный, энергичный, инициативный ученик, получавший стипендию. Эти документы потребовались во время его учебы на подготовительном отделении Якутского педтехникума.

Время учебы в Якутском педтехникуме отражено в 5 документах фонда. Два документа представляют контрольные работы по математике и физике, третий — коллективную статью из газеты «Автономная Якутия» от 27 января 1932 г. — «Работать по-новому», в которой комсомольская бригада ЯПТ в 9 человек, в том

числе и Г. Башарин, охватила соцсоревнованием всех работающих на производстве, организовав их в одну ударную бригаду. В результате в первую пятидневку января норма выработки повысилась на 87,3%, а выкатка кирпича в день на одного человека равнялась 2064 штукам. Это было невиданное достижение за последнее время. Далее в статье критикуются действия председателя завкома и секретаря партячейки, не оказавших никакой помощи бригаде ЯПИ и показавших свое полное неверие в эффективность социалистических методов труда.

В конце статьи было высказано мнение бригады о работе по-новому, о подъеме соцсоревнования и ударничества на кирпичном заводе на «должную высоту».

Следующий документ — *Характеристика*, подписанная секретарем комсомольской ячейки при ЯПТ Неустроевым и секретарем ячейки ВКП(б) Софроновым от 5 февраля 1934 г., в которой отражено, что Г.П. Башарин за хорошую академическую успеваемость и общественную работу в 1931 учебном году был премирован 3 раза, а в 1933 — 2 раза.

Последний документ, относящийся к учебе в ЯПТ, — это *Приказ № 57* от 2 апреля 1934 г. директора ЯПТ С. Сюльского о направлении Г.П. Башарина как ударника и лучшего общественника педтехникума на курсы по подготовке в Якутский пединститут.

Ко времени его учебы в Якутском пединституте относится единственный документ — *Реферат* студента третьего курса истфака Г.П. Башарина от 4 июня 1937 г. «О происхождении якутов и их прародине».

Автор останавливается в реферате на двух основных направлениях в исследовании этой проблемы.

1. Он считает, что «огромное большинство исследователей склоняется к тому, что якуты происходили от монголо-турецких и отчасти родственных народностей. Главным источником этих исследователей являются лингвистические данные». Однако в заключении он приходит к выводу, что лингвистические данные могут удовлетворять требования только самой лингвистики, но не истории.

2. Второе направление — амуроманьчжурское происхождение якутов. Анализируются работы авторов, которые считают, что предки якутов были южносибирские, частично верхнеамурские и маньчжурские тунгусы.

Данный реферат студента Г.П. Башарина показал его способность к глубокому анализу

исторической литературы и склонность к научным изысканиям неизученных проблем исторической науки.

Как известно, в 1937 г. Г.П. Башарин перевелся в Москву и в 1938г. с отличием окончил Московский государственный пединститут им. К. Либкнехта. — *Диплом с отличием № 182446.*

В фонде также хранится копия письма председателя ГЭК профессора В.Н. Дьяконова от 5 июля 1938 г. Г.П. Башарину, в котором отмечалось следующее: «Поздравляя Вас с блестящим окончанием государственных экзаменов, выражаю Вам от меня и по поручению профессоров-экзаменаторов благодарность за то удовольствие, которое Вы нам всем доставили Вашими отличными ответами.

Вы показали не только основательное знание исторического материала, но и умение его прекрасно анализировать и обобщать»². Кафедра народов СССР предложила Георгию Прокопьевичу остаться в аспирантуре, но он по состоянию здоровья отказался и выехал на родину.

Хранятся в музее и документы, отражающие достижения Г.П.Башарина на научном поприще:

— *Диплом кандидата наук МКД № 001045*, Москва, 9 июня 1962 г., подтвердивший Решение Совета Института истории АН СССР от 10 сентября 1943г. о присуждении Башарину ученой степени кандидата исторических наук.

— *Диплом доктора наук МИТ № 000130*, Москва, 9 июня 1962 г., подтвердивший Решение Высшей аттестационной комиссии от 12 апреля 1952 г. (прот. № 8) о присуждении Башарину Г.П. ученой степени доктора исторических наук.

— *Аттестат профессора МПР № 003143*, Москва, 9 июня 1962 г., подтвердивший Решение Высшей аттестационной комиссии от 12 апреля 1952 г. (протокол № 8) об утверждении Г.П. Башарина в ученом звании профессора по кафедре истории СССР.

— *Аттестат старшего научного сотрудника МСН № 002167*. Москва 11 апреля 1960 г. подтвердивший Решение Президиума АН СССР от 6 ноября 1959 г. об утверждении Г.П. Башарина в ученом звании старшего научного сотрудника по специальности «История СССР».

— *Удостоверение* о присвоении почетного звания «Заслуженный деятель науки Якутской АССР», присвоено Президиумом Верховного Совета Якутской АССР Указом от 20 марта 1962 г. за выдающиеся заслуги в области исторической науки и подготовке кадров.

— *Удостоверение* о присвоении почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР», присвоено Президиумом Верховного Совета РСФСР Указом от 24 июня 1972 г. за заслуги в области научно-педагогической деятельности.

В фонде также отложились автобиография, написанная Г.П. Башариным 23 февраля 1960 г., характеристика, подписанная ректором ЯГУ (январь 1963 г.), личный листок по учету кадров (апрель 1984 г.) и др., которые послужат материалом для дальнейшего более углубленного исследования его жизни и деятельности.

II Личные предметы*, переданные Кыданой Ивановной, помогли воссоздать в музее рабочий кабинет Г.П. Башарина. В фонд поступили старый письменный *стол*, однотумбовый с выдвижными ящиками, *стул* деревянный, покрашенный желтоватой краской, которые были вывезены с его дачи.

Спортивный инвентарь. Белая деревянная *скамья-кушетка*. Изготовлена специально по заказу Г.П. Башарина на Якутской мебельной фабрике для занятий физическими упражнениями. В изголовье кушетки сделаны аккуратные заниженные выемки.

В воспоминаниях журналиста В.Г. Степанова по поводу этой кушетки написано: «Утро профессора выглядело так. Начиналось оно с той самой кушетки. По словам хозяина, главным ее предназначением было исправление сутулости. Сделали ее по специальному заказу Георгия Прокопьевича»³. Г.П.Башарин ложился спиной на кушетку, плечи оказывались в обструганных углублениях, чуть ниже головы. В таком положении Георгий Прокопьевич делал 60 взмахов назад прямыми руками до упора. Потом столько же в стороны. За год он делал 72 тысячи взмахов назад до упора и в стороны. Лежа на кушетке профессор делал массаж лица, брюшного пресса, дыхательный массаж.

Механический велотренажер «Педаль» из металла с пластмассовыми ручками. Г.П. Башарин утром и вечером по 200 раз накручивал педали.

Деревянная *палка* длиной 32,5 см. шириной до 2,5 см. сделана самим Г.П. Башариным для занятий физическими упражнениями.

Нередко мелкий спортивный инвентарь Г.П. Башарин брал с собой в служебные командировки.

* К сожалению, год появления личных предметов в семье Башариных установить не удалось.

Уголок кабинета Г.П. Башарина в музее

Кроме того, в фонд музея были переданы очки в роговой оправе, плюсовые, настольная лампа, портрет Г.П. Башарина, выполненный посмертно художником А.П. Никифоровым.

В связи со 125-летием А.Е. Кулаковского Кыдана Ивановна 4 марта 2002г. передала музею картину Э. Сивцева Алексей Кулаковский. 1986 г. с дарственной надписью.

Особо надо отметить юбилейные подарки с дарственными надписями, которые семья Г.П. Башарина также передала в дар музею, в том числе:

Письменный прибор с двумя ручками на мраморной подставке с надписью: «Георгию Прокопьевичу в знак глубокого уважения в день 60-летия. Д. Климентов. III – 1972 г.». Д. Климентов в то время был министром культуры.

Спидола VEF 201. Радиоприемник II класса на 10 транзисторах. Надпись: «Дорогому папе в день 25-летия защиты докторской диссертации. Карл, Зоя, Юра, Аля. 5.VI.1975 г.»

Портфель – подарок дочери к.и.н., доцента Натальи Георгиевны на 70-летие отца.

Подарки земляков к 70-летию Г.П. Башарина:

Стол круглый трехножный, дерево, ручная работа. Авторы – мастера Г.В. Егоров, С.С. Яковлев. В центре столешницы круг диаметром 16,5 см, в котором вытравлена схематическая карта аласа, где родился и вырос Г.П. Башарин. В круге дом с тремя окошками, труба с дымом, рядом сэргэ, озеро, местами лес, валуны или камни, виднеется солнышко.

Кроме того комплект якутской деревянной посуды, состоящей из следующих предметов:

Чорон 3-ножный высотой 28 см., диаметром 17,5 см. В центре на стенке чорона барельеф из кости с изображением головы Г.П. Башарина. Продолжение – надпись «Профессору Г.П. Башарину с 70-летием от земляков, с. Чурапча. 21.03.1982.»

Ковш (хамыях) с длинной ручкой и узорами.

Кытыя с узорами – 6 штук. *Ложки* с узорами – 6 штук.

Подарок ЯНЦ СО РАН в связи с 80-летием Г.П. Башарина. *Статуя* «Байанай, сидящий верхом на медведе». Керамика. Серого цвета. Высота – 29 см., ширина – 31 см.

Перечисленные предметы в основном помещены в созданный в музее кабинет Г.П. Башарина.

III Основные труды фондообразователя.

В фонд поступило 13 книг из личной библиотеки Г.П. Башарина. Представляем каждую из них.

1. *Башарин Г.П.* Три якутских реалиста-просветителя. — Якутск, 1994. Фактически это воспроизведенное издание книги 1944 г. Спонсорами выступили правительство РС(Я), мэрия г. Якутска, Якутский госуниверситет им. М.К. Аммосова. Предисловие «Подвиг ученого» написал к.фил.н. И.Г. Спиридонов. Первое издание этой книги «Три якутских реалиста-просветителя (Из истории общественной мысли дореволюционной Якутии)» опубликовано в 1944 г. под грифом Научно-исследовательского Института языка, литературы и истории ЯАССР. Ответственные редакторы А.Е. Мординов и И.В. Пухов*. По рукописи данной книги 10 сентября 1943г. Г.П. Башарин защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на ученом совете Института истории АН СССР.

2. *Башарин Г.П.* История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.) / Отв. ред. М.К. Рожкова — М.: Изд-во АН СССР 1956.

Новое полное двухтомное издание данного труда Г.П. Башарина осуществлено в 2003 г. Институтом гуманитарных исследований АН РС(Я)

3. *Башарин Г.П.* История аграрных отношений в Якутии (XV—XVII — середина XIX в.) В двух томах / Предисл. В.Н. Иванова; примеч., коммент. Н.Г. Башариной. Отв. ред. В.Н. Иванов, д.и.н., проф. — М.: Арт-Флекс, 2003.

Рукопись была написана автором в течение трех лет (1946—1949 гг.). Он изучил более 15 тысяч документов архивохранилищ Якутска, Москвы, Ленинграда, Иркутска. В рукописном фонде Института востоковедения АН СССР он обнаружил знаменитые «Выписки из ясачных», которые считались утраченными в конце XIX в. — один из самых важных письменных источников по истории аграрных отношений в Якутии XVIII — нач. XIX в. Документ, подготовленный Г.П.Башариным к печати в качестве приложения к монографии в 1950-х гг., впервые увидел свет в настоящем издании.

4. *Башарин Г.П.* История животноводства в Якутии во второй половине XIX — в начале XX в. / Отв. ред. Ф.Г.Сафронов. — Якутск, 1962.

* К сожалению, издание 1944 г. в музей к нам не поступило.

Работа написана в 1959—1960 гг., в то время Георгий Прокопьевич работал старшим научным сотрудником ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР.

Во введении Г.П. Башарин о своем труде писал следующее: «Настоящая работа отнюдь не претендует на исчерпывающее освещение проблемы. Она представляет собой первый опыт разработки истории одной из сложных отраслей сельскохозяйственного производства. Автор будет считать свою цель достигнутой: во-первых, если его работа привлечет внимание не только историков, но и специалистов: зоотехников, экономистов — исследователей народного хозяйства к вопросам дальнейшего, более детального и углубленного изучения разных отраслей животноводства в Якутии XVII — начала XX в.; во-вторых, если она, отражая картину предыдущего периода, способствует успешному исследованию истории животноводства в Якутии советской эпохи»⁴.

5. *Башарин Г.П.* История земледелия в Якутии (XVII в. — 1917 г.). В двух томах / Научный редактор д.и.н. проф. Н.П. Егунов. Т. 1 — Якутск, 1989. — 344 с.; Т. 2. — Якутск, 1990 — 413 с.

Фундаментальное монографическое исследование, в котором история зарождения и развития земледелия скрупулезно прослежена за период с середины XVII в. по 1917 г. В центре внимания автора — приобщение коренных жителей Ленского края, традиционными занятиями которых были скотоводство, оленеводство, охота и рыболовство, к земледельческой культуре русского народа.

Оценку своему труду Г.П. Башарин дает в заключительной части введения: «Пишущий эти строки, как и все его современники, учился и продолжает учиться у русских советских историков, на их трудах. Я всегда испытываю чувство глубокой благодарности академикам Б.Д. Грекову и Н.М. Дружинину, членам-корреспондентам АН СССР С.В. Бахрушину и В.И. Шункову, труды которых относительно истории русского крестьянства европейской России и Сибири, его земледельческих занятий, вызвали у меня большой интерес к изучению истории аграрных отношений, крестьянства, земледелия в Якутии. И если настоящее исследование представляет собой какой-либо вклад в отечественную историческую науку, то это должно быть оценено как продолжение общего дела моих дорогих учителей применительно к обширному азиатскому северо-востоку нашей Великой Родины»⁵.

6. Башарин Г.П. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX – начала XX века. (По поводу книги З.В. Гоголева «Якутия на рубеже XIX–XX вв.») / Редактор д.и.н., заслуженный деятель науки РСФСР П.И. Кабаков. – Якутск, 1974.

Всесторонне анализируя книгу З.В. Гоголева и критикуя ее, проф. Г.П. Башарин дает собственное развернутое понимание проблемы.

7. Башарин Г.П. Общественно-политическая обстановка в Якутии в 1921–1925 гг. / Редактор д.и.н. В.Н. Иванов. – Якутск, 1996.

Это последняя монография Г.П. Башарина. Он сдал ее в печать незадолго до своей кончины. Во введении он написал: «Цель и задачи автора состоят в монографическом исследовании истории контрреволюционных мятежей и левацких искривлений политики партии, приведших к критической ситуации, которая сложилась в Якутии в 1921–1923 годах»⁶.

В послесловии к книге д.и.н., проф. В.Н. Иванов осветил в общих чертах историю её подготовки к печати Г.П. Башариным и, проанализировав основные положения монографии, подчеркнул ее историографическое значение в изучении данной проблемы на современном этапе.

Следующие отложившиеся в фонде книги относятся к научно-популярным изданиям.

8. *История Якутии*: Учебное пособие для старших классов средней школы. – Якутск, 1966.

Это был первый опыт создания учебного пособия для учащихся школ республики. Учебник подготовлен коллективом авторов – преподавателей Якутского госуниверситета, сотрудников ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР и учителей-историков.

Г.П. Башарин – редактор и автор введения, заключения и глав: 2. Якутия в составе Российского феодального государства (XVII – первая половина XVIII в.); 3. Якутия в период разложения феодализма в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.); 4. Якутия в период домонополистического капитализма в России (60–90 годы XIX в.).

9. Кулаковский А.Е. Якутской интеллигенции. – Якутск, 1992.

Первое отдельное издание знаменитого письма основоположника, классика якутской литературы А.Е. Кулаковского.

Вступительное слово и комментарии профессора Г.П. Башарина, который первым обнаружил оригинал документа.

10. Башарин Г.П. Подлинник первого номера газеты «Маяк». – Якутск, 1992.

Данная работа представляет собой переиздание первого подлинного номера газеты «Маяк», обнаруженного автором летом 1947 г. в Черкехском краеведческом музее Таттинского района ЯАССР.

11. Башарин Г.П. В составе свободной России / Предисл. В.Н. Иванова; Примеч., коммент. Н.Г. Башариной, Г.В. Башариной. Отв. ред. В.Н. Иванов, д.и.н., проф. – М.: Арт-Флекс, 2002. – 400 с. (Духовное наследие: Наука и культура Якутии).

Научно-публицистический сборник трудов Г.П. Башарина посвящен проблеме вхождения Якутии в состав Российского государства.

Автор, на протяжении полувека анализируя работы историков разных направлений, архивные документы, жизненные наблюдения, изучал данную проблему. Эволюция его взглядов прошла путь от теории «царского завоевания» через теорию «мирного присоединения» к обоснованию, развитию и отстаиванию собственной концепции «добровольного вхождения» Ленского края в состав Российского государства.

12. *Человек удивительной стойкости и духовной силы*: Сборник воспоминаний / Сост. К.И. Платонова, С.В. Атласов. Отв. редактор В.Н. Иванов. – Якутск, 1997.

В книге представлены воспоминания ученых, деятелей культуры, народного хозяйства, друзей и товарищей, земляков, близких родных, с разных сторон освещающих жизнь, научную, педагогическую и общественную деятельность Г.П. Башарина.

13. *Платонова-Башарина К.И.* Георгий Башарин / Отв. ред. В.Н. Иванов. – Якутск, 2002. – 232 с.

Посвящение «Посвящаю светлой памяти мужа, друга, Учителя, коллеги Георгия Платоновича Башарина».

Книга приурочена к 90-летию со дня рождения Г.П. Башарина. Сквозь призму личной жизни Г.П. Башарина в книге освещены отдельные грани его научной, педагогической и общественной деятельности.

В фонд также поступили три статьи Г.П. Башарина, опубликованные в центральных изданиях (Рынок Якутии конца XVIII – первой половины XIX вв. // Исторические записки АН СССР, 1956. Т. 55. – С. 289–309. Оттиск; Скотоводство и земельный вопрос у тунгусов Якутии в последней трети XVIII – первой трети

Открытие музея истории науки им. проф. Г.П. Башарина в ИГИ 28 марта 2002 г.
Ленту разрезают В.Н. Иванов, К.И. Платонова, А.В. Мигалкин

XIX в. // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. — М. — 1957. — Вып. 12. — С. 121–127. Оттиск.; Характер вхождения Сибири XVI–XVII вв. в состав России и его историческое значение // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири: Тезисы докладов к региональной конференции 15–17 ноября 1983 г. — Иркутск, 1983. — С. 66–67).

Кроме того в музее хранится публикация Далана «Отчество исправим...» Повесть — воспоминание репрессированного писателя (Полярная звезда. — 1991, № 4, июль–август. — С. 69–112. Перевод О.Сафронова.)

Перечисление глав повести раскрывают ее содержание : I Дело Башарина, II В тюрьме, III Соседи, IV Ночные допросы, V Сталинская фемиды.

В фонд также поступили Ученые записки ИЯЛИ ЯФ АН СССР: Вып. 3, — Якутск, 1955; Вып. 5 — Якутск, 1958; Труды ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Вып. 2 (7). — Якутск, 1960; Вып. 3(8). — Якутск 1961, в которых нет его статей,

но есть пометки Г.П. Башарина на прочитанных им статьях.

Таково краткое содержание поступивших в музейный фонд работ Г.П. Башарина.

Авторефераты аспирантов с дарственными надписями

Почти все аспиранты Г.П. Башарина — выходцы из научного кружка «История», который он организовал для студентов пединститута в 1949–1950 гг. и руководил с перерывом им вплоть до 1990 г. Среди бывших кружковцев 4 доктора и более 60 кандидатов наук.

Кыдана Ивановна передала музею список аспирантов профессора Г.П. Башарина с датами защиты, в котором числится 18 человек, и конверт с 15 авторефератами и припиской: «Нет авторефератов 1. Алексева Анатолия Николаевича, 2. Кочмара Николая Николаевича, 3. Бровченко Марфы Иннокентьевны».

Далее приведен список подаренных с дарственными благодарственными надписями ав-

торефератов диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук своему научному руководителю Г.П. Башарину.

1. *Алексеев Е.Е.* Роль Ленина в установлении и упрочении советской власти в Якутии. – Якутск, 1966.

2. *Иванов В.Н.* Социально-экономические отношения у якутов XVII века. – Якутск, 1966.

3. *Ковлеков С.И.* Профсоюзы Якутии (1917–1932 гг.). – Якутск, 1967.

4. *Гоголев Н.А.* История электрофикации Советской Якутии. – Якутск, 1969.

5. *Горохов С.И.* История интеллигенции в Якутии (1917–1925 гг.) – Томск, 1970.

6. *Иванова Л.Т.* Раскрепощение женщин Якутии и их роль в социалистическом строительстве (1917–1937 гг.) – Якутск, 1971.

7. *Гоголев А.И.* Историография верований и шаманства у якутов (Вторая половина XVII – 50-е годы XX в.) – Якутск, 1972.

8. *Атласов С.В.* История животноводства в Якутии (1917–1928 гг.) – Якутск, 1973.

9. *Зыков И.Е.* Археологическое изучение Якутии (История и итоги). – Якутск, 1973.

10. *Сыроватский А.Д.* Возникновение и укрепление Якутской организации ВЛКСМ (1920–1925 гг.). – Якутск, 1973.

11. *Кардашевский Г.Р.* Досоветская драматургия А.И. Софронова. – Якутск, 1975.

12. *Токарев П.Н.* Партийное руководство военно-оборонной работой в Якутии (1939 – 1945 гг.). – Якутск, 1975.

13. *Макаров И.Г.* Распространение трудов В.И. Ленина и борьба большевиков за пропаганду ленинских идей в дореволюционной Якутии. – Пермь, 1984.

14. *Жирков А.Н.* Развитие земледелия в Советской Якутии (1917 – 1980 гг.). – Иркутск, 1987.

15. *Слепцов Н.А.* Социалистические преобразования оленеводческого хозяйства Севера. (1917–1941 гг.). – Якутск, 1989.

В музейный фонд поступило 13 монографий от благодарных учеников Г.П. Башарина.

Семья Г.П. Башарина передала в дар музею также 7 книг ученых ЯНЦ СО РАН и 3 оттиска статей академиков из центра: И.Я. Златкина, П.И. Кабакова, Н.М. Дружинина с личными дарственными подписями Георгию Прокопьевичу.

Фотографии

В 2002 г. у фотографа Д.Н. Отукова приобретены 30 фотографий, которые он сделал в дни празднования 60-летия Г.П. Башарина.

Фотограф заснял Г.П. Башарина за письменным столом в домашнем кабинете, во время выступлений с лекциями и докладами, на собеседованиях, консультациях.

Имеются в музее и снимки, связанные с научным кружком «История». На них изображены члены кружка 1950–1951 гг., заседания научного кружка, одни из первых членов кружка В.С. Яковлев-Далан, Багдарыын Сулбэ (М.С. Иванов), выступление члена кружка А.Н. Алексеева (ныне д.и.н., президент СВФУ, директор ИГИиПМНС СО РАН).

Г.П. Башарин вел здоровый образ жизни, занимался ходьбой, бегал на лыжах, играл в шахматы. Это также отражено на фотографиях. Имеются снимки об участии Г.П. Башарина в субботниках.

Г.П. Башарин был делегатом XXIII съезда КПСС. В фонде есть 3 снимка группы делегатов во главе с А.Я. Овчинниковой, Г.И. Чиряевым, а также снимки: Г.П. Башарин на сессии Верховного Совета ЯАССР и на XIII Международном конгрессе по истории науки в Москве (1971 г.) и на Советской конференции сторонников мира в Москве в Колонном зале Дома союзов, 9–10 октября 1974 г.

Из фотоархива семьи музею переданы фотографии: «Делегаты I Республиканского съезда интеллигенции Якутии (апр. 1967 г.)»; «Вечер на факультете ИФФ (начало 70-х годов)»; «Беседа Г.П. Башарина с к.и.н., доцентом В.В. Пинигиным (1982 г.)»; «Сотрудники кафедры всеобщей истории (начало 1980-х г.). Соттинцы. Историко-архитектурный комплекс “Дружба”». «Урок истории». В центре Г.П. Башарин. 25.09.87. Фото И.А. Винокурова.

Фотографии детей Башарина: «Профессор, доктор медицинских наук Карл Георгиевич Башарин проводит занятие в Мединституте»; «Карл Георгиевич и Наталья Георгиевна Башарины». Часть перечисленного фотоматериала экспонируется постоянно в кабинете Г.П. Башарина.

Таким образом, создание личного фонда Г.П. Башарина, благодаря бескорыстной помощи его семьи, позволило к открытию музея его имени 28 марта 2002г. одновременно открыть выставку «Великий труженик науки», посвященную 90-летию со дня его рождения⁷.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

¹ Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований АН РС(Я). Библиографический справочник. – Якутск, 2005; Академическая наука в

Якутии (1949–2009 гг.). – Новосибирск, 2009. – С. 12–13.

² Музей истории академической науки Якутии им. Г.П.Башарина. ОФ № 2. Ед хр.21.

³ *Степанов В.Г.* Согласие разума и организма. Человек удивительной стойкости и духовной силы. – Якутск, 1997. – С.155.

⁴ *Башарин Г.П.* История животноводства в Якутии второй половины XIX – начала XX в. – Якутск, 1962. – С.8.

⁵ *Башарин Г.П.* История земледелия в Якутии (XVII в. – 1917 г.) т. 1, – Якутск, 1989. – С. 24.

⁶ *Башарин Г.П.* Общественно-политическая обстановка в Якутии в 1921–1925 гг. – Якутск, 1996. – С. 3.

⁷ *Оконешников Е.Е., Крылова Н.Е.* Открытие музея истории науки Якутии им. Г.П.Башарина и выставки, посвященной 90-летию Г.П. Башарина // Якутский архив. – 2002, – № 1. – С. 77.

Сведения об авторах

- Антонов Егор Петрович** – канд. ист. наук, завсектором истории Якутии ИГИиПМНС СО РАН.
- Боякова Сардана Ильинична** – докт. ист. наук, завсектором арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН.
- Бурькин Алексей Алексеевич** – докт. филол. наук, г.н.с. Института лингвистических исследований РАН.
- Васильев Валерий Егорович** – канд. ист. наук, с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИиПМНС СО РАН.
- Васильева Дора Егоровна** – докт. филол. наук, с.н.с. сектора литературоведения ИГИиПМНС СО РАН.
- Винокурова Лия Иннокентьевна** – канд. ист. наук, в.н.с. сектора арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН.
- Винокурова Людмила Егоровна** – канд. ист. наук, с.н.с. сектора истории Якутии ИГИиПМНС СО РАН.
- Винокурова Надежда Ивановна** – н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН.
- Готовцева Лина Митрофановна** – канд. филол. наук, с.н.с. сектора лексикологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Данилова Надежда Ивановна** – докт. филол. наук, завсектором грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН.
- Данилова Наталья Ксенофоновна** – канд. ист. наук, м.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИиПМНС СО РАН.
- Егинова Сардана Дмитриевна** – канд. филол. наук, доцент кафедры якутского языка ИЯКН СВ РФ СВФУ.
- Ермолаев Терентий Степанович** – канд. ист. наук, н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Ефремов Николай Николаевич** – докт. филол. наук, г.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН.
- Жегусов Юрий Иннокентьевич** – канд. социол. наук, н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Жукова Людмила Николаевна** – канд. ист. наук, с.н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Иванов Спиридон Алексеевич** – докт. филол. наук, в.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН.
- Иванова Ирина Борисовна** – канд. филол. наук, м.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН.
- Игнатьева Ванда Борисовна** – канд. ист. наук, завсектором этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Курилов Гаврил Николаевич** – докт. филол. наук, г.н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Мухомлева Светлана Дмитриевна** – канд. филол. наук, с.н.с. сектора якутского фольклора ИГИиПМНС СО РАН.
- Никитина Саргылана Егоровна** – канд. ист. наук, н.с. сектора истории Якутии ИГИиПМНС СО РАН.
- Новгородов Иннокентий Николаевич** – докт. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим и естественным специальностям Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М.К. Амосова.
- Прокопьева Александра Егоровна** – канд. филол. наук, м.н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Прокопьева Прасковья Егоровна** – канд. пед. наук, завсектором палеоазиатской филологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Романова Екатерина Назаровна** – докт. ист. наук, завсектором этнографии народов Северо-Востока России ИГИиПМНС СО РАН.
- Сулейманов Александр Альбертович** – канд. ист. наук, м.н.с. сектора арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН.
- Ушницкий Василий Васильевич** – канд. ист. наук, с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИиПМНС СО РАН.
- Филиппова Виктория Викторовна** – канд. ист. наук, с.н.с. сектора арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН.
- Шадрин Вячеслав Иванович** – н.с. сектора арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН.
- Шелехова Роза Васильевна** – канд. ист. наук, с.н.с. музея истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина ИГИиПМНС СО РАН.
- Ширина Данара Антоновна** – докт. ист. наук, г.н.с. сектора арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН.

Правила оформления рукописей

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А 4 через 1,5 интервала (шрифт Times Sakha или Times New Roman, размер — 14) с полями: снизу, сверху и слева — не менее 2 см, справа — не менее 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 10—12 страниц, краткие сообщения — 3—6, хроника — 1—2 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Принимаются к печати статьи, содержащие не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения, а также статьи методического и хроникального характера, рецензии и др. в печатном и электронном виде. Обзорные статьи и материалы по истории наук к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Могут быть приняты к рассмотрению статьи, опубликованные ранее в виде материалов научной конференции (обычно в форме тезисов).

Аннотация статьи на английском и русском языках (2 экземпляра). В конце аннотации — ключевые слова (не менее 10). Аннотация (Annotation) не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. На английском языке то же. Статьи в разделы «Хроника» и «Рецензии» предоставляются без аннотаций. В заголовке «Annotation» сначала дается слово «Annotation», затем инициалы и фамилия(и) автора(ов), название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подрисуночные подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в виде верхней сноски (то же в списке).

Авторы после текста обязаны указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Электронный вариант статьи представляется на диске, флешке стандартного формата, на которые заносятся текстовые файлы редактора Word (95, 98, 2000). Дать файлу понятное название, указать на наклейке диска формат и название файла, а также информацию о программном обеспечении.

Перед названием статьи обязательно указать УДК.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи в печатном и электронном виде направляются по адресу: 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 412. Тел. 35-43-40.

Электронный адрес редакции: igi@ysn.ru

Адрес редакции:

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов севера СО РАН,
каб. 412 (тел. 35-43-40). Электронный адрес редакции: igi@ysn.ru

Подписано в печать 27.03.2012.
Формат 60x84 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л. 18,135. Тираж 300 экз. Заказ

Отпечатано в ЦНТИ ИГИиПМНС с электронного макета
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35-68-69.
